

Марина Милованова Временная ведьма

Марина Милованова Временная ведьма

ПРОЛОГ

– ...Он ни в коем случае не должен получить престол! Слышишь? И меня совершенно не волнует, каким образом ты этого добьешься!

– Не волнуйтесь, все сделаю в наилучшем виде. Я ведь ни разу не давал повода усомниться ни в моей преданности, ни в моих способностях?

– Ладно, иди. Пока наш разговор окончен, но результаты мне нужны как можно скорее. В случае провала заплатишься головой!

– Поверхность зеркала подернулась дымкой, изображение растаяло, повисла звенящая тишина. Минуту спустя послышался напряженный шепот:

– Ты слышала? Нужно немедленно это остановить!

– Но как?

– Что значит «как»? Вмешайся! Ты же так много всего умеешь!

– Увы, – В тихом женском голосе послышались горькие нотки. – Теперь я совершенно бесполезна и ничем не могу помешать грязному заговору.

– Но этого просто не может быть! Ведь должен же существовать хоть какой-нибудь выход!

– Ты прав, выход действительно есть.

Говорившие шептались у зеркала, но не отражались в его глянцевой поверхности, потому что не имели отражения. Один из-за своей сущности, а другая в силу сложившихся обстоятельств...

Часть первая

ПО ЗАКОНУ РАВНОВЕСИЯ

ГЛАВА 1

– Капризуля ты этакая! Да только посмотри, какая хата! Только и жить да женихов водить! Давай, съезжай из своей халупы, потом спасибо скажешь! – воинственно потрясая ухватом, снова предложила старушка.

Мои мозги объявили капитуляцию и пустились в отчаянный пляс. Я, конечно, отношусь с должным уважением к преклонному возрасту, да и бабулька с виду была вполне ничего: платочек, передничек, лапти – все как положено. Но три вещи натурально вгоняли меня в ступор. Во-первых, бабушка была мне чужой. Во-вторых, печное орудие, которое она держала в сухоньких руках, я только на картинках в книжках русских народных сказок и видела. Ну и в-третьих, почему это я, собственно, должна менять городскую квартиру на сельский домик без каких-либо удобств? Неизвестно зачем, но именно эту идею уже битый час втолковывала мне собеседница.

– Чего молчишь? – нахмурилась бабулька. Ухват в ее руках демонстративно дрогнул.

Беспокойно оглядываясь по сторонам на стены в дешевой побелке и косясь одним глазом на печную загогулину, казавшуюся тяжелой даже на вид, я отчаянно закивала головой подобно китайскому болванчику и в очередной раз завела вежливую шарманку. Мол, да, хата, конечно, отличная, но только мне в моей привычной «однушке» и так неплохо живется, а охоты к сельскому житью-бытью я отродясь не испытывала.

Старушенция хмыкнула в ответ и хитро прищурила на удивление озорные глазки. Потом, по-видимому, решила, что исчерпала все аргументы, молча ткнула ухватом в живот, от чего я подскочила (больно все же!), и припустила за мной мелкой рысью.

Пришлось побегать. Причем если я сначала, делая скидку на почтенный возраст, не восприняла эти гонки всерьез, то потом сильно пожалела, что не родилась спринтером. Бегала бабуса будь здоров! И не только по полу. Как в моей любимой «Матрице», под ее ногами побывали и пол, и стены, и даже потолок. Под моими, кстати, тоже. Вот это действительно было неожиданно!

Но самое обидное было то, что во время очередного круга я умудрилась свалиться с потолка, а бабуля, вопя, словно заправский индеец, отшвырнула в сторону ухват и оседлала меня, усевшись на живот и придавив коленями мои ладони к полу. Затем принялась что-то напевать-бормотать, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Я настороженно следила за ее действиями, искренне жалея, что не могу потерять ноющий затылок, и внутренне тряслась от страха, не зная, чего ожидать в следующий момент от этой непонятной бабуси и ее таких же непонятных слов.

К счастью, старушка быстро выдохлась и от души припечатала меня ладонью в лоб, а потом наклонилась и... принялась вылизывать мое лицо.

Теплый шершавый язык сосредоточенно прошелся по щекам, носу, подбородку. Я завозилась, безуспешно пытаясь спихнуть странную бабушку. Та наконец оторвалась от меня, подмигнула на прощание и... вылетела через потолок, пробив головой большую дыру.

– Мр-р-р-р... – ласково влилось в мои уши.

Понимая, что происходит нечто странное, я села на полу, озадаченно покрутила головой и... проснулась.

На моей груди, преданно заглядывая в лицо большими изумрудно-зелеными глазами, сидела кошка Маруська – существо доброе, ласковое, покрытое большими пятнами бело-черно-серо-рыжего окраса. Получается, это она лизала меня, во сне же показалось, что бабулька.

Спихнув с себя кошку, я нашарила рукой будильник, взглянула на циферблат и поняла, что еще целых пять законных минут могу со спокойной совестью предаваться священной дремотной лени. Времени, конечно, не настолько много, насколько хотелось бы, но и на том спасибо. Лежать в уютной постели, под теплым одеялом, блаженно щуря сонные глаза и не

думая ни о чем, – что может быть лучше для идеального начала рабочего дня?

Зевнув, я с удовольствием потянулась и... глухо застонала.

О боже, моя голова!

Несчастливая конечность или скорее начальность моего тела болела так, словно я действительно очень сильно ею приложились, причем наяву, а не во сне.

Горестно вздохнув о потерянных драгоценных минутах и отключив заранее будильник, чтобы потом не трещал на всю квартиру, пугая соседей, я встала с кровати и поплелась на кухню за болеутоляющим. Попутно сунула завтрак в микроволновку. Затем потащила в ванную, ощущая себя уставшей и разбитой, а оттого очень несчастной.

Как ни странно, при рассматривании своего заспанного лица в зеркале над умывальником я обнаружила, что на лбу красуется приличных размеров красное пятно, как раз в том самом месте, куда ударила ладонью бабулька. Задумчиво вздохнула.

Жаль, что из-за подобной ерунды нельзя взять больничный. Оставалось лишь надеяться, что тональный крем надежно скроет это безобразие.

Совершив все необходимые водные процедуры, я покинула ванную комнату и пошла на кухню.

Кошка завтракала, хрустя сухим кормом. Я налила ей молока в блюдце и попыталась честно запихнуть в себя несколько ложек еды, поскольку рабочий день вполне мог затянуться до вечера, как это часто бывало, и оставить меня, а заодно и всех сотрудников фирмы, без обеденного перерыва.

Увы, есть не хотелось. Утешив себя тем, что в ящике рабочего стола валяется несколько сникерсов, на случай острого приступа голода, я отставила тарелку и вернулась в комнату. Подошла к окну.

За стеклом царил хмурый сентябрь, поливая местную флору (деревья, кустарники, островки чахлой травы в окружении вездесущего асфальта) и фауну (москвичей, спешащих на машинах и под зонтиками по своим делам) мелким дождем, льющим из серых туч, затянувших плотной завесой все небо.

Придется надеть плащ, определила я. Настроения это решение не прибавило.

Обидевшись на природу, у которой, вопреки известной песне, все-таки бывает плохая погода, отошла от окна и принялась переодеваться. Точнее, критически осмотрев висевший на плечиках деловой костюм, потянула с себя верхнюю часть пижамы. Но снять не успела, поскольку почувствовала легкое головокружение, с каждой секундой приобретающее все более тяжелую форму.

Прислонившись к дверце шкафа, я попыталась переждать странный приступ недомогания, но почему-то все закончилось тем, что покрытый светлым ковром пол молниеносно бросился мне в лицо. И еще перед глазами промелькнула пестрая кошачья мордочка. А потом наступила полная темнота.

Мм... Спать. Не вставать. И к черту работу! Не хочу выходить под дождь!

Блаженно потянувшись, я открыла глаза. Взгляд неожиданно наткнулся на низкий, плохо выбеленный потолок. Решив, что померещилось, закрыла глаза и сосчитала до десяти. Я еще не сошла с ума и отлично помню, что в моей квартире потолки под три метра высотой.

Увы, при повторном открытии глаз потолок остался прежним.

Я подскочила на кровати и почувствовала, что у меня в прямом смысле слова отнимаются ноги, а челюсть с громким стуком падает на пол. Последняя в переносном смысле, разумеется. Я вернулась в свой сон! Только теперь у меня возникло стойкое ощущение, что сейчас все происходит очень даже наяву.

В дверном проеме, занавешенном по деревенскому обычаю шторками, виднелась та самая комната, в которой мы с бабулькой устраивали спринтерские гонки. И дыра в потолке имела. Даже ухват наличествовал, валяясь на полу у стола. Сама же я сейчас сидела на кровати в соседней комнате, в пижаме и в домашних тапочках, а рядом на пестром лоскутном одеяле восседала моя Маруська и внимательно меня разглядывала. Причем во взгляде читалось явное беспокойство.

– Ни хрена себе! – выдала я первое, что пришло на ум.

Кошка согласно склонила голову и вновь просверлила меня изумрудными глазами.

Почесав в ноющем затылке и решительно наступив на горло возрастающей панике, я встала с кровати и принялась изучать место, в которое попала. Любопытство в этой ситуации оказалось сильнее меня.

В доме было несколько комнат. Та, в которой я очнулась, по всей видимости, служила спальней, поскольку в ней стояли кровать и двустворчатый шкаф с зеркалом. Мебель времен царя Гороха, не меньше.

Вторая комната была достаточно просторной и оказалась набита под завязку какими-то старыми книгами, пожелтевшими свертками, баночками, железными мисками с непонятным содержимым, затянутым паутиной и плесенью, и прочей пыльной чепухой, расположившейся на многочисленных полках. Присутствовали еще пучки трав, развешанные под потолком сухими вениками. Вдобавок ко всему в комнате находился небольшой стол, на котором сиротливо торчала чернильница с настоящим пером. Покидая эту комнату, я отчаянно чихала и отряхивалась.

Третья комната была самой большой и, к сожалению, уже хорошо мне знакомой. Большой деревянный стол у окна, пара лавок вдоль стен и беленая печь в углу с приоткрытой заслонкой. Под ногами пол из скрипучих крашеных досок и относительно ровные стены, выбеленные, как и потолок с печью, широкими неаккуратными мазками.

Я вздохнула. Дыру в потолке следовало латать, в доме проводить евроремонт, а мебель выносить на помойку. Да и вообще, на мой вкус, здесь много чего не хватало для нормального житья. Утешало одно: несмотря на полнейший идиотизм ситуации, Маруська была рядом и ходила за мной по пятам, не сводя внимательных глаз. Закончив осмотр помещения, я присела на лавку и принялась размышлять над ситуацией.

Меня похитили? Ну, это вряд ли. Я не дочь олигарха и даже не жена. Последнее что помню – головокружение в обнимку с рабочим костюмом. Тогда как я оказалась в этом доме? И что немаловажно – *зачем?* И еще вопрос: а была ли бабулька? Предположим, была. В таком случае, куда делась? Вдруг сейчас появится и устроит мне очередные гонки с ухватом наперевес? Что я тогда буду делать? А может, это все-таки очередной сон? Я просто потеряла сознание и сплю. Душа моя бродит здесь, а бездыханное тело валяется в глубоком обмороке на полу возле шкафа.

Я ущипнула себя за руку и поморщилась от боли. Попрыгала. Подумала. Прогорланила пару частушек. Снова подумала. На бабушку мои вопли точно должны были подействовать, но вокруг по-прежнему стояла тишина. Значит, не сон...

Что тогда? Переселение в другой мир? Ну-ну, как же...

Ладно, подождем. Рано или поздно в доме кто-нибудь появится, тогда я и потребую объяснений. А пока остается ждать.

– Странная штука – жизнь, – глубокомысленно обратилась я к Марусе, присаживаясь на лавку, – Видишь, какие финты ушами делает!

Кошкины ушки слегка дрогнули. Она молча внимала моим речам, сидя на полу неподвижным разноцветным столбиком и не спуская внимательных глаз.

Я задумчиво усмехнулась:

– Слушай, ты так смотришь, будто хочешь что-то сказать! Если что, то давай, не стесняйся! Я уже ничему не удивлюсь. Наверное...

– Очень хорошо! А то я думала, что ты в обморок грохнешься, – неожиданно мелодично ответила кошка. – А ты молодец, быстро адаптировалась!

В ответ я лишь пораженно похлопала глазами и свалилась с лавки, едва не придавив своим весом вовремя отскочившую Маруську.

– А говорила, что не удивишься, – задумчиво произнесла кошка, трогая лапой пребывающее в глубоком обмороке тело.

ГЛАВА 2

Пошлявшись невесть где довольно приличное количество времени, сознание все же решило смилостивиться и вернуться в мою многострадальную голову. Я не преминула воспользоваться столь щедрым подарком и открыла глаза, вовремя вспомнив, что обстановка вокруг кардинально отличается от привычной. Твердо решила ничему не удивляться ради собственного же спокойствия.

Увы, не получилось. Потому что неожиданно моему взору предстали... глаза. Большие, круглые и ярко-желтые, похожие на пуговицы, которые пришивают к китайскому игрушечному ширпотребу.

Оно, конечно, понятно, сей незаменимый парный э-э-э... зрительный орган имеется не только у меня одной. Но вся проблема заключалась в том, что принадлежали эти глаза кому-то большому, лохматому и серому.

– А-а-а! – Я подпрыгнула на кровати, приняв еще в воздухе сидячее положение, и прижалась к стене, обхватив руками колени, – Страшилище! Маруся, гони его в шею!

– Сама страшилища страшенная! – От моего визга нечто подпрыгнуло и соскочило с кровати на пол. Оно было похоже на большой мохнатый шар, около полуметра в диаметре, и имело две мохнатые ножки с довольно широкими пушистыми ступнями, которыми сейчас забавно шлепало по дощатому полу. Судя по всему, это мохнатое нечто обиделось, поскольку бубнило недовольным, тонким, но приятным голоском: – И это я тебя сейчас саму из дома выгоню! В шею! Да, именно в шею! А то приходят тут всякие! Сваливаются без спросу ниоткуда, так еще и оскорбляют!

– А ты кто такой? – любопытствовала я у шара, прерывая занудный бубнеж.

– Так я тебе и сказал! – Шар развернулся, зыркнул на меня своими желтыми пуговицами, а затем пошлепал в другую комнату.

– Ну и ладно! – отреагировала я на его ворчливый тон. – Я-то думала, ты добрый, вон какой пушистый, а ты зудишь, словно столетний дед.

– А нечего было обзывать и орать дурным голосом! И кошкой пугать! Кстати, кошка, в отличие от тебя, хорошая, – Шар вновь показался в дверном проеме, – И к тому же мне уже давно за сто, так что ворчать могу сколько влезет.

– Ну извини. Я орала от неожиданности, – принялась оправдываться я. Потом до меня дошел смысл последних слов, заставив восхищенно раскрыть глаза: – Как это «давно за сто»? Ты что?

– Я не «что», а домовой! – просветил меня шар, для назидательности поднимая вверх палец.

Блин, только этого не хватало! Куда же меня занесло?!

– Домово-ой? – Восхищенно ахнув, я слетела с кровати и в два больших прыжка оказалась рядом с пушистиком. Плюхнулась на пол и вытаращилась на него восторженными глазами. – Настоящий домовой?! Не может быть!

– Настоящей не бывает. Фальшивых не держим, – Шарик осторожно попятился от меня, – Ты чего удумала? Сидела бы на кровати, а вдруг ты буйная? И не смотри так, дырку просмотришь!

– Это ты тот самый, которому блюдечко с молоком и конфеты оставляют? – догадалась я, пропустив мимо ушей все его высказывания.

– Ну, можно не только молоко и конфеты, – Домовой вдруг засмутился и принялся ковырять лапкой пол, – Я еще варенье малиновое люблю, орешки, яблочки. Но конфеты больше всего.

– Ой, надо же! С ума сойти! – Я протянула руку и осторожно погладила шарик. На ощупь его шерстка оказалась мягкой, словно пух.

– Не надо! Не сходи! – Домовой отпрыгнул от моей ладони, словно от чего-то кусающегося, – Тебе и так достаточно!

– Неправда, я хорошая! – Мне вдруг стало обидно. Нахожусь невесть где, в первый раз в жизни встречаю домового, а он только и делает, что меня оскорбляет. Жалобно вздохнув, я

отвернулась от мохнатого шарика.

За спиной некоторое время молчали, потом натужно засопели и, наконец, громко, возмущенно запыхтели. Желая усилить эффект, я закрыла лицо руками и ссутулила плечи. Этого зрелища домовый не вынес.

– Ну ладно, – примирительно пробубнил он, обходя меня по кругу и заглядывая в лицо. – Договорились, ты – хорошая. Только не плачь, пожалуйста!

– Ага, не буду. – Я отняла ладони от лица и подхватила пушистый шарик на руки. Уставилась на него во все глаза.

Надо же, я держу на руках *настоящего* домового! Блин, кому сказать – не поверят. И он такой мягкий, теплый, пушистый. Только ругается сильно...

– Поставь меня на пол! Кому говорю, поставь! Где это видано, чтобы домовых, словно котят, тискали? Непорядок! – надрывно вопил шарик, дергая ручками и ножками.

– Придется привыкать. – Спрыгнув с кровати на пол, к нам подошла Маруська, – Дарья у меня любвеобильная.

– Вот ненормальную семейку Мироновна прислала! – вздохнул домовый и неожиданно послушно замолчал.

– Кто-кто? – Я удивленно застыла.

Воспользовавшись моментом, домовый сбежал из рук:

– Не «кто-кто», а Мироновна! Хозяйка моя то есть.

– А-а-а, это та бабулька, которая мне снилась? – догадалась я. – Она еще дыру в потолке головой пробила.

– И ничего она не пробивала, – заупрямился домовый. – Голова не для этого нужна.

– Как не пробивала! Я сама видела.

– Подумаешь, видела она, – съехидничал домовый. – Повторяю: ничего она не пробивала. Просто в нужный момент крыша сама съезжает. И не надо никому ничего пробивать. Понятно?

– Крыша съезжает, говоришь? – Я захихикала. Так вот откуда пошла присказка: «Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша». Догадку следовало проверить. – Слушай, а чем тут крышу кроют? Соломой?

– Обижаешь! – Домовый покачался на ножках, имитируя качание головой. – Какая еще солома? Шифером кроют. И качественным, между прочим.

Ну вот, точно!

– И на место эта твоя крыша когда теперь встанет? – Я перевела взгляд на потолок, – А то как-то неудобно жить с дыркой. Вдруг дождь пойдет или воры залезут? Нужно быстрее плотников нанимать.

– Не нужны мне твои плотники! – Домовый возмущенно подпрыгнул. – Сам разберусь! И воры твои тут тоже не нужны!

Не знаю, что и как он там сделал, но прямо на моих глазах крыша стала абсолютно целой, причем моментально.

– Э-э-э... Ты видишь то же, что и я? – обратилась я к Маруське. – Или у меня галлюцинации?

– Успокойся, нет у тебя никаких галлюцинаций, – Кошка насмешливо прищурилась, – Но советую ничему не удивляться, потому что здесь ты найдешь еще много чего нового и непонятного. Этот мир настолько полон загадок, что просто устанешь удивляться.

Значит, все-таки другой мир...

– Любопытно, откуда ты все это знаешь?

– Ну, пока ты в обмороке валялась, мы с домовым нашли общий язык, – не без гордости сообщила Маруся, – Надеюсь, этому ты не будешь удивляться?

– А-а-а, ну да, ясно... – Я понятиливо закивала, – Чему уж тут удивляться, если ты теперь даже разговаривать умеешь. Кстати, в свою очередь, советую воспользоваться моментом и высказать мне все претензии, которые накопились у тебя за время нашего совместного житья-бытья.

– Интересное предложение, когда-нибудь воспользуюсь, – Кошка зевнула, потянулась, вонзая когти в доски пола, а затем посмотрела на меня в упор, подергивая кончиком хвоста. – Но на данный момент, вынуждена тебя разочаровать, претензий у меня не накопилось. Вообще, думаю, мне с тобой повезло: не ругала, не била, «Вискасом» не травила, мясо давала, молоко наливала.

– Ой, слушай, ты меня уж совсем идеальной не делай! – Я смущенно потупилась, – Сухим кормом я тебя все равно иногда кормила.

– Ну да, помню. – Маруська потешно сморщила мордочку, – Заграничный, суперпремиум-класса, с кучей витаминов и травяными добавками.

– А ты откуда знаешь? – Я пораженно уставилась на кошку.

– Ну-у, во-первых, я его ела. А во-вторых, видела, как ты часами просиживала в Интернете, выбирая эти самые корма. Так что успокойся, я не в обиде!

– Слушайте, – встрял в наш разговор домовый, – Раз никто ни на кого не в обиде, может быть, поедим?

Маруська вышла в соседнее помещение вслед за лохматым шариком. Я же еще некоторое время провела сидя на полу, сосредоточенно вспоминая, чего еще такого могла насмотреться любимица в Интернете с моей легкой руки. И стоит ли за это краснеть.

ГЛАВА 3

Несмотря на вредный характер, угощение домовый собрал на славу. Еды хватило бы на роту солдат или ораву вечно голодных студентов. Одной только квашеной капусты стояло четыре вида. Еще были грибочки, огурчики, блюдо жареной рыбы (когда только успел!), блинчики, пирожки с брусникой, лукошко малины и кувшин молока. Причем настоящего, а не того подобия, что в магазинах продают.

Не помня себя от восторга, я воздала должное восхитительным кушаньям и теперь уминала уже пятый по счету пирожок. Молоком поделилась с Маруськой, оставшуюся часть забрала себе. Лопну, но из рук не выпущу, пока не допью.

Наконец отставив в сторону пустой кувшин, с ощущением полного блаженства привалилась к стене и уставилась в приоткрытое окно. Теплый воздух радовал ароматом трав и цветов, легкий ветер доносил далекий лай собак, кудахтанье кур и редкое мычание коров. Сейчас я чувствовала себя так, словно вернулась в далекое детство и приехала к бабушке в деревню на летние каникулы. Кстати, о бабушке...

– А где бабулька? – полюбопытствовала я у домового, подтягиваясь на лавке и принимая ровное сидячее положение, что с набитым животом было довольно трудно, – Как-то некрасиво получается – мы наелись, не дождавшись хозяйки. Сейчас она придет и начнет ругаться. Или, еще хуже, обидится.

– Не придет она. – Домовой вздохнул. – Теперь ты за нее. И ешь очень мало. Непорядок. Смотри, сколько еды осталось!

– Как так не придет? Что значит «я за нее»? – Услышанное заставило меня подскочить, несмотря на набитый живот. – Что все это значит?!

– Не кричи, – Домовой опять вздохнул. – И чего ты такая шумная! Все очень просто: Мироновна не придет, потому как умерла она, а ты пришла на ее место. Вот и все.

– Ни на чье место я не приходила! – возмущенно завопила я. Потом осеклась. Замолчала. Встала из-за стола, прошлась по комнате взад-вперед и повернулась к домовому: – Она действительно умерла? Но во сне я ее видела очень даже живой. И зачем ей я?

– Не знаю! Чего пристала? Сама у нее спроси, если так интересно. Кошмар ты сущий, а не преемница! Не ешь, кричишь, обзываешься, да еще с вопросами глупыми пристаешь! – Домовой запыхтел, словно самовар, слез с лавки и потопал к печке.

Вот теперь мне стало по-настоящему обидно. Я никого не просила выдергивать меня из привычной жизни, и не моя вина, что я многого из происходящего не понимаю. Мне, может быть, вообще спасибо нужно сказать за выдержку. Любая другая на моем месте уже давно

бы в истерике билась, требуя вернуть ее обратно. Я же сохраняю ясность ума и относительное спокойствие. И вообще, моей жизнью распорядились без моего ведома, и я же еще виновата?

Едва сдерживая злые слезы, я прошла в другую комнату и легла на кровать, отвернувшись к стене. Некоторое время в душе еще бушевала обида, а затем незаметно подкрался сон.

Кто-то осторожно тронул меня за плечо. Раскрыв глаза, я обернулась, а затем села на кровати, удивленно потирая глаза.

– Вставай, поговорить надобно, – велела мне уже знакомая старушка. Выглядела она при этом совершенно живой и настоящей.

Я послушно слезла с кровати, одернула пижаму и обула тапочки. Вышла в соседнюю комнату. Старушка сидела за столом. Перед нею горела большая свеча, а за окном сгустились сумерки. Ни Маруськи, ни домового видно не было. Я осторожно села напротив, косясь по сторонам в поисках ухвата.

– Ну здравствуй, Дарена! – улыбнулась старушка.

– Здравствуйте. Только меня Дарьей зовут вообще-то, – поправила я.

– Знаю, только мне так больше нравится, – кивнула старушка. – А я Мироновна.

– Мироновна, а по имени?

– А разве это важно? – Старушка удивленно вскинула тонкие брови, – Меня все зовут Мироновной, так что и ты зови. Ну и как тебе в моем мире, нравится?

– Забавно! – Я пожалала плечами, – Только зачем мне все это?

– Зачем? – Мироновна помолчала, глядя на огонек и думая о чем-то своем, мне неведомом, – Сложный вопрос ты задала, ну да я тебе отвечу. Скажи, Дарьюшка, ты землю любишь?

– Есть не пробовала! – ответила я, подавив неуместный смешок.

– Шутки шутишь? Это хорошо, – кивнула старушка. – Значит, привыкнешь быстрее, чем я думала. Только не о том спрашиваю. Скажи, есть разница между моим миром и твоим?

– Нашли что спросить! – Я фыркнула, поражаясь явной глупости вопроса.

– Вот именно, что вопрос-то правильный, – усмехнулась бабуся, – Только ты этого не понимаешь.

– Ой, хватит говорить загадками! – Неторопливая речь ни о чем начинала меня раздражать, – Давайте, рассказывайте, что хотели, и отправляйте меня обратно! В отличие от вас, мне на работу нужно. И так объяснительную шефу писать придется из-за вашей выходки с перемещением!

– Скажи, Дарена, а какой мир лучше – мой или твой? – не унималась старушка, пропустив мимо ушей мою длинную речь.

– Разумеется, в каждом есть свои прелести. – Отложив на время возмущение, я пустилась в рассуждения, – Но, конечно, в моем мире правит прогресс, а в вашем... кошка заговорила.

– Вот то-то и оно! – с готовностью закивала Мироновна. – Прогресс, говоришь? А скажи, разве этим прогрессом люди не разрушают самих себя? Разве принес вам счастье этот ваш прогресс?

– А как же? – Чувство патриотизма проснулось в моей душе, расправило крылья, подняло голову и разоралось изо всех сил криком голодной вороны. – У нас таблица Менделеева, компьютеры, ракеты, электричество. А еще телевидение есть! У вас же, судя по всему, ничего такого и в помине нет.

– А нам ничего такого и не нужно! – парировала Мироновна. – Зато в нашем мире домовые есть и в продуктах нет никакой химии!

– Это да! – вздохнула я, – Молока такого я с детства не пробовала.

– Так чего ж тебе еще в моем мире для счастья не хватает? – удивилась бабуля.

– Как это чего? – Я принялась загибать пальцы на руках. – Хочу мобильник, Интернет,

компьютер и Майкла Джексона! А еще телевизор, метро...

– Ничего такого тебе не нужно, – усмехнувшись, перебила меня старушка. – Поверь, здесь ты найдешь намного больше интересного.

– Но я домой хочу! – возмущенно выкрикнула я.

– Отправлю я тебя домой, не волнуйся. – Старушка тихо вздохнула. – Но только при условии, что тебе здесь не понравится. Искренне не понравится. Понимаешь? Тогда я тебя верну в то же самое время и в тот же день, откуда взяла. И ни с каким шефом объясняться не придется. Договорились? Ты все забудешь и продолжишь жить так, словно ничего этого не было. А пока осмотришься, поживи, вдруг найдешь что-то новое. В конце концов, тебе это ничего не будет стоить. К тому же я тебя магии обучу.

– Магии? – Я презрительно скривилась, – Это типа «приворожу, сниму порчу и бла-бла-бла»? Ну нет, этим меня не удивить! В моем мире все газеты пестрят подобными объявлениями. Только правды в них ни на грош. Одно сплошное шарлатанство.

– Это у тебя там шарлатаны. – Мироновна качнула головой. Огонек свечи затрепыхался. – У меня же знания настоящие, по наследству передающиеся.

– Ага, все так говорят! – усмехнулась я. – К тому же раз по наследству, так и передавали бы наследникам. А при чем здесь я?

– В том-то и дело, что нет у меня наследников, – вздохнула Мироновна. – Потому и решила доброе дело сделать. Ты вот о чем подумай: ваш прогресс до добра не доведет. К сожалению, за всеми научными достижениями люди перестали ценить и уважать природу. А ее запасы и терпение небесконечны. В домах больше нет домовых, в лесах – леших, а животные и люди перестали понимать друг друга. Люди уничтожают сами себя. Поэтому я решила показать этот мир человеку из будущего. Понимаешь теперь зачем?

– Ну-у, бабушка... – Речь меня, конечно, тронула, но все равно не покидало ощущение какого-то абсурда. – Это вам нужно было сразу какого-нибудь президента воровать. И даже не одного. Зря вы меня выбрали. Я вам не помощник, чтобы донести «идею светлую в души темные». Ошибочка вышла!

– Нет никакой ошибки, – Старушка посмотрела мне в глаза внимательным взглядом, – Дело в том, что выманивать сюда человека, который нарушит равновесие миров, никак нельзя. К тому же эти твои президенты вечно заняты. Когда им любоваться здешними красотами, если все дни по минутам расписаны? Они же сразу обратно запросятся, да еще и отругают меня, старую, за непотребные действия. Али я неправа?

«Интересно. – Я задумчиво прищурилась, – И откуда эта бабушка так много знает?».

Ее глаза были глубокими и черными, словно ночь за окном, но внутри плескалось такое спокойствие и умиротворение, что все дальнейшие слова и мысли благополучно застряли у меня в горле, а затем попросту выветрились из головы. Хотелось вот так сидеть и смотреть, позабыв обо всех проблемах, выкинув абсолютно все мысли из головы, растеряв все тревоги и заботы. Казалось, из этих глаз, окруженных теплой сеточкой старческих морщинок, смотрели сами Любовь и Вечность.

В моей душе внезапно стало горячо и уютно, словно внутри свернулся ласковым клубочком крохотный котенок. Эх, люблю я кошек! К тому же и Маруся в этом мире заговорила. Идеальный повод для того, чтобы узнать, что творится в ее маленькой ушастой головке. Вот только домовому я не нравлюсь, обижается он на меня, хотя ничего плохого я ему не делала и не собираюсь делать. Жаль, что не подружились...

– Вот теперь, когда ты все поняла, наш разговор можно считать законченным, – Я скорее почувствовала, нежели услышала слова Мироновны, – Не волнуйся, с домовым я поговорю, он на самом деле добрый. А ты лучше скажи, какую самую незаменимую вещь хочешь получить из своего мира?

– Что? – Я вздрогнула и вдруг обнаружила, что сижу в одиночестве за столом, перед горячей свечой. В приоткрытое окно слышен стрекот цикад, а лавка напротив меня пуста. Мироновна исчезла.

Боясь, что меня уже никто не услышит, я закричала в темноту:

– Джинсы! Я хочу только джинсы!
Свеча моргнула несколько раз и погасла...

ГЛАВА 4

– Если ты все время собираешься так орать, просыпаясь, я тебя на ночь буду на улицу выставлять! – проворчал кто-то над ухом тонким голосом. – Свежий воздух всякой организме полезен, а твоя организма отродясь свежего воздуха не видала! Вставай, ужин уж на столе. Блинчики стынут. Весь день проспала, между прочим!

– А где Мироновна? – Открыв глаза, я села на кровати, рассеянно наблюдая, как домовый спрыгнул с одеяла и потопал из спальни в комнату, которую я про себя окрестила столовой. А что, раз есть обеденный стол, значит, столовая, – Она же ночью приходила!

– Это она к тебе в сон приходила, – просветил меня домовый, обернувшись и укоризненно просверлив взглядом желтых пуговиц, – А тебя, повторяю, блинчики ждут. Но если не хочешь, то я сам съем.

– Хочу! Еще как хочу! – Я слетела с кровати, на ходу одергивая пижаму. На пол что-то упало. Наклонившись, я подобрала сверток и, развернув, завизжала от радости.

Джинсы!

Все-таки Мироновна была на самом деле! И услышала мою просьбу. Вот уж действительно, в этом мире джинсы мне просто необходимы, потому что юбки и платья, которые, уверена, поголовно носят здешние женщины, я на дух не переношу. Единственные моменты, ради которых я впихивала себя в платья, относились только к корпоративам и походам в ресторан. Но, думаю, в этом мире ничего подобного не существует. К счастью.

– И все-таки ты буйная, – мрачно оповестил меня домовый, когда я вышла из спальни. – Визжишь как резаная, без дела! А зачем штаны непотребные надела? Давай я тебе в сундуке нормальную одежду подберу, а свою стыдобу сними.

– Ни за что! – отчеканила я, мысленно поморщившись от слова «сундук», и смягчила категоричность отказа довольной улыбкой. – Ты не понимаешь, джинсы – самая удобная вещь на свете.

– Эх! Ладно! – Домовой махнул на меня рукой, – Давай уже блины ешь, а то такая тощая, что смотреть страшно.

Понимая, что спорить бесполезно, я промолчала, присела за стол и с аппетитом принялась за блины с молоком. Для ужина, возможно, и тяжеловато, зато вкусно как! И это, может быть, по здешним канонам я тощая, но для своего мира у меня приличная фигура, причем без каких-либо диет. Правда, я периодически довожу ее до совершенства в тренажерном зале. А домовому вообще сто лет, куда уж тут в канонах красоты разбираться!

– Тебя зовут-то как? – прожевав неизвестно какой по счету блинчик, спросила я домового. – А то ругаться – ругаемся, а познакомиться даже не успели.

– Да хоть горшком зови, – буркнул домовый, – только в печку не сажай. Тихон я.

– А меня Дарьей зовут, – Я облизнулась и вцепилась в очередной блинчик. – Подходящее у тебя имя. Тишиной и покоем прямо светишься.

То ли домовый не понял сарказма, то ли просто не захотел отвечать, но на мои слова никак не отреагировал. Пришлось довольствоваться тишиной. Тем более что вкуснейшие блинчики отбивали всякую охоту к разговорам.

Незаметно для себя я опустошила тарелку и выпила все молоко. Расстегнула верхнюю пуговицу на джинсах, блаженно привалилась к стене. Встать из-за стола казалось сейчас совсем невыполнимым делом.

Я пребывала в этом счастливом заблуждении ровно до того момента, пока кто-то неожиданно не заскребся в дверь. Аккуратно так, я бы даже сказала, робко.

Тяжело вздохнув, я сползла с лавки, одернула пижамную рубашку, целомудренно прикрыв ею расстегнутую пуговицу, и поплелась к двери. Открыла.

Первым делом заметила широко вытаращенные глаза, а только потом рассмотрела их

обладателя. Невысокий мужичок при виде меня стал еще ниже ростом (присел, что ли, от страха), скомкал в руке соломенную шляпу с широкими полями и заблеял что-то невнятное.

С минуту я честно пыталась разобрать звуки, а потом решила прийти бедолаге на помощь:

– Уважаемый, вам кого? Если Мироновну, то я за нее. Слушаю вас!

Увы, мои слова не только не помогли, но вконец испортили все, что только можно было испортить в данной ситуации.

Услышав мою речь, мужичок перестал блеять, бодро развернулся, едва не кувырнувшись носом со ступенек, и задал стрекача, смешно сверкая босыми пятками. Успешно проскочил калитку и помчался по широкой поселковой дороге.

Понимая, что знакомство провалилось, я вздохнула и уже собиралась закрыть дверь, но тут увидела небольшой мешок, который неразговорчивый визитер обронил в спешке на моем (теперь уже моем) крыльце.

– Эй, уважаемый! – Подхватив мешок, я потрясла им в воздухе, вопя во всю глотку, чтобы докричаться до растеряши. – Товарищ, мешок забыли! Гражданин! Эй, как вас там! Вернитесь!

Ну да, так он меня и послушал. Наоборот, припустил еще быстрее, словно за ним бесы гнались, и вскоре совсем пропал из виду, затерявшись в сумерках. А я, между прочим, никакой не бес. И вообще, раз мешок забыл, его проблемы. Как говорится, что упало, то пропало.

Я вернулась в дом, держа на весу трофей, дотащила свое объевшееся пузо (если так питаться, то очень скоро вырастет) до лавки и плюхнулась на нее с громким стоном.

– Кто был? Чего хотел? – осведомился домовый. Затем увидел мешок и бодро подскочил к лавке. – Что принесла? А ну показывай, вдруг брюкву лежалую подбросили, а ты и рада в дом всякую гадость тащить!

– Тиша, уймись, – мягко попросила я, – От твоих вопросов голова болит.

– Ежели что лежалое, сама дом проветривать будешь, – мрачно буркнул домовый и затих, подозрительно глядя на мешок. Тот вдруг зашевелился. Домовый отпрыгнул, взвизгнув: – Что это?!

– Еще не знаю что, – я почесала макушку, едва сдерживая смех, – но точно не брюква. Если, конечно, она в вашем царстве-государстве шевелиться не умеет. А может, брюква лежалая оттого и шевелится, что лежать ей надоело?

Домовой перевел на меня тако-ой взгляд, что я не удержалась и прыснула в кулак. Затем развязала мешок, не потрудившись даже слезть с лавки.

– А ежели оно кусается? – спохватился домовый, поспешно отскакивая к печке и хватая... ухват. Вот дался им всем этот ухват! И как еще силы хватило!

Мешок вел себя на удивление тихо. Устав маяться неведением (терпение – не мой конек), я потыкала пальцем грубую серую ткань. Внутри немедленно зашевелилось, горловина раскрылась, и мы наконец получили возможность рассмотреть обитателя полотняных недр.

Матерь божья, это ж как и чем нужно было обкуриться природе, чтобы она создала *такое!!!*

Черное, совершенно лысое, тщедушное тело больше всего напоминало собачье. Красноречиво выпирали острые ребра, и можно было пересчитать все суставы на тонких конечностях. Картину завершали узкая, словно крысиная, морда со встопорщенными пучками усов и непропорционально большие, заросшие шерстью уши-лопухи. Ростом это безобразие было примерно мне до колен, а когда домовый, возопив визгливым голосом: «Крысолак!», двинулся на страшилище с ухватом наперевес, я успела рассмотреть длинный, абсолютно лысый хвост.

Крысолак, испугавшись то ли домового, то ли ухвата, а может, и обоих сразу, соскочил с лавки и понесся большими скачками напрямик в спальню. Туда же забежал домовый.

Мгновение спустя послышался страшный грохот.

В раскрытое окно заскочила Маруська и уставилась на меня с немым вопросом в глазах. Я ответила ей тем же, и мы, не сговариваясь, рванули в спальню.

Представшую перед нашими изумленными взорами живописную картину я назвала бы так: «Мамаево побоище, или Насколько страшен в гневе домовый». Кровать (между прочим, металлическая) была перевернута, шкаф разломан, содержимое шкафа разбросано по полу. Испуганный крысолок дрожал всем тщедушным телом в дальнем углу, а на него, угрожающе выставив ухват, грозно надвигался Тихон.

Как апофеоз этого зрелища над всем этим безобразием кружились перья из разодранной подушки, оседая повсюду, в том числе и на самих участниках, чистейшим белым пухом. Честно говоря, я залюбовалась, а потому пропустила момент финала.

Догадливый крысолок, не желая погибать на ухвате, перепрыгнул через Тихона и в два прыжка оказался... у меня на макушке. Крепко уцепился за волосы, благо растительность у меня на голове была густая и длинная, и замер совершенно неподвижно.

Повисла пауза.

Домовой опустил ухват, растерянно топчась на месте, Маруська громко хохотала, сидя рядом со мной, а я мучительно соображала, как быть дальше.

С одной стороны, жутко не хотелось, чтобы *это* сидело на моей голове. С другой стороны, не хотелось становиться свидетельницей убийства. Если учесть тот факт, что в моем времени по мне Гринпис рыдал горькими слезами, то, разумеется, после непродолжительного сопения победила жалость ко всему живому.

Решительно приставив к голове раскрытую ладонь, я твердо приказала:

– Эй, наверху! Лезь сюда!

На макушке почувствовалось шевеление, и мгновение спустя ошибка природы сидела, а точнее, висела там, где и было приказано, безвольно свесив голову, четыре тощих лапы и зад с хвостом. На моей растопыренной ладони уместилось только костлявое брюхо, то есть ребра с хребтом. Кстати, весило существо совсем ничего.

– И что мы будем делать? – прекратив хохотать, совершенно спокойным голосом поинтересовалась Маруська, ввергнув своим спокойствием домового в глубокий ступор.

– Кормить будем, – вздохнула я, – Все равно ни на что другое он сейчас не годится.

– Крысолока – и кормить!? – истерично взвизгнул домовый, выходя из ступора. – С ума сошла? Его истребить надо, нежить поганую, чтобы людям зла не причинял!

– Знаешь, – обернувшись к домовому, я посмотрела на него в упор, прижимая несчастного уродца к груди, – не знаю, где, кому и какое зло он успел причинить, но последние несколько минут я только и делаю, что наблюдаю за тем, как ты, и только ты пытаешься причинить вред этому вполне безобидному существу, которое виновато только в том, что голодало невесть сколько времени. Ты посмотри на него – только кожа да кости. Ну... и еще глаза.

Действительно, глаза у крысолока были просто удивительные: большие, пронзительно-синие, обрамленные длинными, густыми, черными словно смоль ресницами. И в данный момент эти самые глаза смотрели на меня с такой мольбой, что я чувствовала, что скорее удавлюсь, чем позволю причинить их обладателю хоть какой-нибудь вред.

– Пей давай, – Вернувшись в столовую, я ссадила зверя возле блюдца с молоком, предназначенным для Маруси. Она у меня добрая, возражать не будет.

Крысолок понюхал блюдце, обернулся ко мне, одарил странным взглядом и, заскочив на лавку, сунул узкую морду в мою чашку с остатками молока.

– Эй, ты! Брысь! – Опешив от столь наглого поведения, я замахнулась на зверя. Тот взвизгнул, но от чашки не отошел.

В дверях спальни показался домовый с ухватом в мохнатых ручках. Судя по непродолжительному грохоту, он наводил порядок после разгрома. Увидев крысолока у стола, он вновь застыл истуканом, ухват гулко грохнулся на пол. Зверь подпрыгнул и

заработал языком быстрее прежнего. Когда молоко закончилось, поднял морду и посмотрел на меня, явно прося добавки.

– Вот что... – Я осторожно взяла чашку двумя пальцами (вдруг зверь заразный), налила еще молока и обратилась к уродцу: – Чашку, так и быть, я тебе уступлю. Но вот есть за столом ты не будешь. Понятно? Твое место будет... здесь, – Я наклонилась и поставила чашку у ножки стола. Когда буду есть, не будет портить мне аппетит своим видом.

Зверь молча прыгнул на пол и принялся лакать.

А чего я, собственно, ожидала? Что он мне ответит? Спасибо скажет, ага!

– Чувствую, ты тут такой бардак устроишь! – мрачно пробурчал домовый, швыряя ухват к печке.

ГЛАВА 5

Я, конечно, существо мирное, но насчет бардака Тихон оказался абсолютно прав. Все началось с того, что утром я перебудила весь дом громким визгом. Повернувшись во сне на бок, я привычно подгрребла на подушку Марусю, но, неожиданно ощутив под пальцами жесткую шкуру вместо приятной мягкой шерстки, раскрыла глаза и заорала от ужаса.

В предзвездных сумерках, да еще и спросонья, крысолок показался мне настоящим исчадием ада. Впрочем, не выдержав моего визга, он быстро смотался под кровать, а в комнату ворвался встревоженный домовый.

– И что у нас на этот раз? – скептически поинтересовался он. Заглянул под кровать, увидел крысолока и ехидно заметил: – А вот нечего было в дом всякую гадость тащить! Тогда и спала бы спокойно.

Я пропустила колкость мимо ушей и, слетев с кровати, напустилась на крысолока. Для этого, правда, пришлось присесть на корточки перед кроватью.

– Не смей больше залезать ко мне в постель! – завопила я, грозя пушистым тапочком тощему уродцу, улегшемуся на полу в самом дальнем углу. – Со мной может спать только одна Маруся, понял! А ты, если еще раз сунешься... – Тут я задумалась, не зная, чего такого устрашающего наговорить. Наконец решила не изобретать велосипед: – В нос получишь, вот что! И потом не говори, что я тебя не предупреждала! Если хочешь, можешь спать под кроватью, но никак не на кровати. Не хватало еще, чтобы ко мне, приличной девушке, всякая посторонняя гадость в постель прыгала, – пробубнила я, поднимаясь на ноги.

Мне показалось или напоследок крысолок действительно одарил меня насмешливым взглядом?

Выронив тапку, я повторно забралась под одеяло. К счастью, Маруся уже свернулась клубком на подушке, а домовый, видимо быстро потеряв интерес к инциденту, незаметно ушел из комнаты. Вот только сон, потревоженный столь резким эмоциональным подъемом, благополучно испарился. Я несколько минут ворочалась в кровати, а затем села, понимая, что заснуть повторно у меня больше не получится.

Несмотря на раннее пробуждение, душу приятно согревала мысль, что не нужно идти ни на какую работу. Вот ведь здорово – ни тебе трещащего будильника, ни мрачной физиономии шефа, грозящего штрафом за опоздание на десять минут, ни промозглого сентября за окном, ни тряски в автобусе в толпе таких же полусонных товарищей по несчастью. В общем, красота.

– Завтрак уже на столе. – В спальню заглянул домовый, вырвав меня из блаженных размышлений, – Все равно не спишь, а значит, нечего в постели валяться. Вставай, дела ждут!

Я недоуменно уставилась на домового. Ну и чем не шеф? Только выглядит иначе, а так и тон приказной, и дела у него для меня уже нашлись, прямо с утра пораньше... Правда, есть и кое-что хорошее, а именно – завтрак.

Вздохнув, я покорно поднялась с кровати и пошла в столовую. Маруся и крысолок пошли следом.

На столе моего появления дожидался чугунок с гречневой кашей, плошка с медом и кувшин молока. Я плюхнулась на лавку, разлила молоко в блюдце для Маруси и в чашку для крысолока, а затем уставилась задумчивым взглядом на домового, который деловито шлепал своими пушистыми лапами от печки к столу, неся перед собой блюдо с горкой ароматных, исходящих паром пирожков. Присмотревшись, я заметила, что домовый просто шел, а блюдо самостоятельно плыло перед ним по воздуху. Я даже привстала от удивления.

Блюдо плавно доплыло до стола и аккуратно водрузилось в центр, не уронив ни одного пирожка. Увидев мой ошарашенный взгляд, домовый гордо хмыкнул и вновь отправился к печке.

Я надулась и уткнулась в чашку с молоком. Ну и подумаешь, магия! А в моем мире, того... прогресс.

Посуда, кстати, здесь была глиняной, а ложки деревянными. Ни тебе фарфора, ни хрусталя. А уж про тефлоновое покрытие и говорить нечего.

Начерпав себе каши в миску, я щедро залила ее молоком, добавила мед и принялась за еду. К тому времени, когда я оторвалась от каши, Тихон опять успел заставить весь стол аппетитными кушаньями.

Осмотрев ближайшее блюдо с варениками, залитыми сметаной, я огорченно вздохнула: куда ни глянь, кругом одно тесто. Похоже, понятие правильного питания в этом мире напрочь отсутствует.

– Тиша, а Тиша! – осторожно окликнула я домового, – Слушай, спасибо тебе, конечно, за щедрость и вкусности. Но только ты это, прекращай меня кормить такими порциями. А то я скоро растолстею настолько, что в дверь буду боком проходить.

– Ишь какая! – моментально вскинулся домовый. – Я тут для нее стараюсь, а она еще и нос воротит!

– Да я же не об этом. – Ну вот, так и знала, что он обидится! – Я просто прошу поменьше готовить.

– Поменьше-поменьше! – передразнил домовый, – И так кожа да кости. Если хочешь знать, кто мало ест, тот плохо работает. А глядя на тебя, сразу понятно, что работник из тебя никудышный.

– А мне что, еще и работать придется? – с сомнением прислушавшись к набитому животу, спросила я, – Сад-огород, да?

– Не пушу! – неожиданно взвизгнул домовый, заставив меня подпрыгнуть на лавке, – Никакого огорода! Таких безруких, как ты, нельзя в огород пускать. Еще потопчешь там мои травки!

– Ну-ну. – Решив, что в данном вопросе не стоит отстаивать свою профпригодность, я отвернулась к окну.

В конце концов, огород действительно не мой конек. Вот комнатные растения – это я люблю, всю квартиру ими заставила. Кстати, как же они там без меня? Засохнут ведь, потому что полить некому! А огород – не больно-то и хотелось.

– Туда иди, – буркнул домовый, ткнув тонкой ручкой в сторону комнаты с мешочками, травками и прочей дребеденью. – Там твое рабочее место.

– И что мне там делать? – Я тоскливо проследила за мохнатым указующим перстом. Отправляться в пыль и хлам после сытного завтрака было откровенно лень.

– Магию изучать, вот что! – припечатал домовый, – Или забыла, о чем с Мироновной договаривалась?

– Магию? Ну нет! – Мне наконец надоело, что со мной обращаются как с новобранцем, и я решила устроить небольшой бунт. В конце концов, я же теперь вроде как хозяйка, а значит, имею право голоса. – Для начала я хочу умыться, переодеться, выйти на свежий воздух, а только потом буду заниматься этой вашей магией! Все равно толку от нее никакого!

Домовой как-то странно на меня посмотрел, затем указал в пустой угол возле двери:

– Умываться будешь там, а полотенце возьми в шкафу. Одежда в сундуке, – После чего

попросту испарился. Только что он был, и вот уже его нет. Нахмурившись, я встала и пошла в спальню за полотенцем, недоуменно покосившись на пустой угол. Ну и где тут вода? И что за сундук? Пошутил, что ли, Тихон? С него станется!

К счастью, домовый и не думал шутить. Когда я вернулась с полотенцем, на удивление мягким и белоснежным, в углу, на широкой табуретке, стояла деревянная лоханка с водой. Рядом стоял большой сундук, обитый по углам железом: пара метров в ширину, столько же в длину и высотой мне по пояс.

С удовольствием умывшись прохладной водой, я закопалась в сундуке, откинув скрипучую крышку. Вот что странно: когда я в первый раз осматривала дом, никакого сундука и в помине не было. А тут вдруг и сундук объявился, и даже одежда, не говоря уже о лохани с водой.

Одежда действительно была, причем вполне приличная и словно на меня подобранная. Я обнаружила пару сарафанов средней длины, несколько расшитых рубашек со шнуровкой и, к счастью, ни одной ненавистой юбки. Из обуви нашлись легкие сандалии без каблучков.

Решив больше не разгуливать в пижаме, я достала одну рубашку и захлопнула сундук. Он моментально пропал из виду. Я несколько мгновений похлопала ресницами, а затем, обернувшись, увидела, что и лохань с табуреткой тоже пропали. Решив более ничему не удивляться в этом переполненном магией доме, направилась в спальню, чтобы переодеться.

На столе послышалось чавканье: воспользовавшись отсутствием меня и домового, крысолок торопливо поедал вареники, сунув узкую морду в аппетитно пахнущую миску. Кошка молча наблюдала за его действиями и насмешливо щурила глаза, явно соглашаясь с подобными вольностями.

ГЛАВА 6

Сменив пижаму на джинсы и рубашку, а тапочки на легкие сандалии, я расчесала волосы найденной в недрах шкафа расческой и взглянула в зеркало. Вновь возникло ощущение, что я просто приехала к бабушке на каникулы, а не попала невесть куда, в неизвестно какое время. Впрочем, никаких волнений по этому поводу я уже не испытывала, воспринимая происходящее как экскурсию. Оставалась непонятной лишь цена за входной билет.

Со слов Мироновны, мне от этого перемещения светили одни только блага: живи, гуляй, обучайся магии, а когда надоест, добро пожаловать обратно в свой мир без каких-либо последствий. Но как любой здравомыслящий человек, я отлично знала, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Оставалось лишь понять, где здесь находится тот самый сыр, который мне строжайше запрещено трогать, даже несмотря на то, что ни о каких запретах и речи не было. С другой стороны, подозревать, а тем более обвинять в каких-то кознях и каверзах добропорядочную старушку, коей мне показалась Мироновна, очень не хотелось. Более того, было совестно.

Устав копать в собственных подозрениях, я закрыла шкаф. Обещала же домовому, что выйду из дома, так что настала пора подышать свежим воздухом.

В столовой было пусто. Маруся и крысолок отсутствовали. Видимо, покинули дом привычным маршрутом через раскрытое окно. Взяв со стола еще теплый пирожок, я толкнула входную дверь, вышла на крыльцо и моментально зажмурилась от яркого солнца. Эх, надо было еще очки солнечные у Мироновны попросить!

Приставив ладонь козырьком ко лбу, я с любопытством осмотрелась, поскольку вчера, во время краткого визита пугливого мужичка, мне было как-то не до созерцания местных красот.

Прямо от крыльца вилась, утопая в ярких клумбах, широкая дорожка, засыпанная мелким щебнем, и упиралась в невысокую калитку. От нее в обе стороны тянулась такая же невысокая ограда, вдоль которой выстроились плодовые деревья и цветущий кустарник.

Я скептически хмыкнула.

В моем мире заборы строят в три метра высотой, навешивают сигнализацию и видеонаблюдение, спасаясь таким образом от непрошенных гостей, а тут, пожалуйста, – ограда чуть выше пояса и простая калитка с запором-перекладной. И никаких тебе проблем!

Хотя, кто знает, вполне возможно, авторитет Мироновны в народе так велик, что ворам, как говорится, шастать не велит. А вдруг вырастит бабушка охальнику рога козлиные за непотребщину?

Хотя с рогами и собственная жена может помочь. Но, может, у них тут с супружеской верностью все в полном порядке и я совершенно зря напраслину возвожу? Так это я не со зла, а скорее по привычке...

Рассмеявшись собственным мыслям, я сбежала со ступенек и пошла вдоль дома.

За домом, как я и думала, обнаружились ровные ряды грядок, а среди этих самых рядов обнаружился и домовый. Подняв над головой тонкие мохнатые ручки, он медленно раскачивался из стороны в сторону и что-то тихо бормотал себе под нос. Глаза его были закрыты, поэтому меня он не видел. Зато я наблюдала за ним с большим интересом.

От того места, где стоял домовый, словно разбегались небольшие волны. Земля явственно поднималась, не тревожа растительность огорода, но лично я не чувствовала никакой вибрации.

Будучи не в силах понять, что, как и, главное, зачем он делает, решила не мешать и тихо отошла к ограде, туда, где заканчивались грядки и начинались густые заросли малины. Вряд ли нанесу какой-нибудь ощутимый урон здешнему хозяйству, если немного полакомлюсь душистой ягодой.

Набрав пригоршню спелой малины, я осмотрелась по сторонам. Справа и слева от нашего огорода расположились многочисленные ровные лоскуты чужой земли с аккуратными рядами грядок, разделенные между собой невысоким частоколом. На некоторых сутились люди, привычно подставляя спины еще не вошедшему в зенит, но уже яркому солнцу. С третьей стороны вдоль всего горизонта расстился лес – темно-зеленая густая полоса.

Я вздохнула. Как только освоюсь, обязательно схожу за земляникой. И Марусю с собой возьму, она уж точно не позволит мне затеряться. Похоже, быстрее меня освоилась в этом незнакомом месте. Вот где ее сейчас носит, позвольте спросить? А вдруг в чужой двор попадет? А если собаки? Или мальчишки с камнями и палками?

Так, стоп! Хватит всякой ерундой голову забивать! Если бы здесь было настолько опасно, думаю, Мироновна меня бы предупредила. А так не стоит искать лишний повод для волнения.

Вон на соседнем огороде женщина с деревянным ведром ходит, и на меня, между прочим, ноль внимания, хотя уже несколько раз смотрела в мою сторону. Или слепая, или нелюбопытная. Первый вариант точно отпадает. А может, новичкам здесь принято первыми здороваться?

Я высыпала в рот оставшуюся малину, прожевала, отряхнула руки и, подойдя вплотную к ограде, крикнула:

– Здравствуйте, уважаемая! Хорошая сегодня погода, не правда ли?

А что, известный способ: не знаешь, о чем говорить, – говори о погоде. Только в моем случае этот способ не сработал. Женщина переставила ведро среди грядок и равнодушно повернулась ко мне пятой точкой.

Я озадаченно нахмурилась. Вроде законы элементарной вежливости должны действовать повсеместно. Или я что-то не понимаю? Почесав макушку, предприняла вторую попытку докричаться до несговорчивой соседки. Хотя докричаться – громко сказано, поскольку женщина находилась буквально в десяти метрах от меня.

– Уважаемая, вы меня слышите?

– Она тебя не слышит, и не стоит так орать, – мрачно оповестили откуда-то снизу.

Опустив глаза, я увидела Тихона. Либо домовый передвигается абсолютно бесшумно, либо я настолько увлеклась попытками наладить контакт с соседкой, что пропустила его

приближение. Впрочем, в данный момент меня волновало не это.

– И почему же она меня не слышит? – подозрительно прищурилась я, – Только не говори, что здесь все вокруг глухие. Это будет слишком банальным объяснением. Уж придумай что-нибудь позаковыристей.

– И не буду ничего придумывать! – возмутился домовой, стрелнув в меня своими желтыми пуговицами. – Вот когда не будешь выделяться среди всех, как бельмо на глазу, тогда и люди тебя услышат. А пока я отвел от тебя глаза. Тебя никто не слышит и не видит. Так что радуйся спокойной жизни.

– И чему же тут радоваться? – Я непонимающе вскинула брови, – Сделал меня для всех пустым местом, и я же еще радоваться должна?

– Не пустым местом, а просто не привлекающей ничьего внимания, – Тихон страдальчески закатил глаза, – Да пойми ты, глупая, как только в деревне узнают о тебе, тут же проходу не будут давать, вопросы начнут разные задавать, приставать с просьбами о помощи. А ты сейчас словно беспомощный кутенок: ни ответов толковых дать не можешь, ни в хворях-проблемах помочь не умеешь. Как тебя такую народу показывать? Ты что, будешь каждому встречному-поперечному рассказывать о том, как попала сюда из своего неведомого мира?

– А что? – Я даже растерялась. – Ну-у... Если не надо рассказывать, то могу вообще молчать.

– Не знаю, как там у вас, но в нашем мире к чужакам, а тем более к неизвестно откуда взявшимся личностям, относятся очень подозрительно и плохо. Если ты взялась ниоткуда, то и житья тебе в деревне не будет, – доходчиво объяснил домовой, – Понимаешь?

Я потрясенно молчала. Ну конечно, это же не много миллионный город, в котором до тебя никому нет дела. Здешние жители наверняка хорошо знают друг друга, живут рядом поколение за поколением. И чужаку здесь действительно нет места. Но что же делать? Я уставилась на домового с немим ужасом в глазах.

– Успокойся, – неожиданно мягко произнес он, успокаивая меня, словно напуганного ребенка. – Для всех ты будешь просто внучка Мироновны. А насчет того, почему так долго не появлялась в деревне, поверь, каждый поймет, что у Мироновны найдутся причины для того, чтобы скрывать тебя. Но, как ее внучка, ты должна знать магию. Так что ничего не подделаешь, тебе придется учиться. К тому же ты обещала Мироновне, что научишься.

Обещала? Я было открыла рот, чтобы рассказать, что обучение магии мне было просто предложено любезной старушкой в качестве бонуса и ни в коей мере не вменялось в обязанность. Но внезапно до меня дошел тот самый смысл, над которым я ломала голову с самого утра.

Вот она, цена за входной билет! В этой экскурсии мало быть сторонним наблюдателем, здесь нужно жить по-настоящему, причем по здешним правилам. Как там говорят: «С волками жить – по-волчьи выть». Хотя, конечно, насчет волков это я загнула, но в целом суть та же. Короче, не видать мне спокойной жизни. Так, может, лучше сразу попроситься обратно – и дело с концом?

В памяти моментально возникла картинка из моего прошлого: унылый пейзаж многоэтажных домов на фоне дождливого сентябрьского утра; жители, спешащие по своим делам по бесконечному асфальтовому лабиринту, украшенному блестящими островками луж. Все серо, мокро и монотонно. Никакой тебе романтики.

А вот здесь, прямо сейчас: и лето, и тепло, и малина, и даже домовой. И ожидание чего-то неведомого в душе. Так стоит ли спешить с возвращением? Подумаешь, магия! Не самая большая цена за подобное приключение!

– Между прочим, когда немного подучишься, поймешь, что в нашем мире без магии никуда! – бодро воскликнул Тихон, резко прервав мои размышления.

Склонив голову, я несколько мгновений рассматривала домового, задумавшись над тем, чего бы такого ему ответить, чтобы он перестал носиться со своей магией, как курица с яйцом, а затем выпалила как можно небрежней:

– Если хочешь знать, в нашем мире тоже без магии никуда. Мужчины помешаны на страшном боге – бизнесе, в котором не обходятся без ритуалов на успех, прибыль и устранение конкурентов, а женщины изобретают тысячи приворотных обрядов для удержания этих самых мужчин и устранения своих соперниц. А уж магов, жаждущих предложить народу все вышеперечисленные услуги, так просто пруд пруди. Вот так!

Я выжидающе уставилась на Тихона, но домовый молчал. Казалось, мои слова не произвели на него абсолютно никакого эффекта. Зато из кустов малины неожиданно выскочил крысолок и широкими скачками понесся к дому. Было похоже, что он кем-то или чем-то сильно напуган. Домовой резво отпрыгнул в сторону, а я оказалась сидящей на пятой точке. Воспользовавшись моим замешательством, крысолок попросту сбил меня с ног и, не заметив, помчался дальше.

– Чего это он? – Поднявшись с земли, я недоуменно уставилась на домового в ожидании ответа. Но тот и не думал отвечать на вопрос. Напротив, подскочил на месте и неожиданно завопил:

– Растяпа, смотри, куда падаешь! Всю траву помяла! Сказал же, в огород ни ногой! Так нет, пришла и все потоптала! Катастрофа!

Я обернулась, ища следы той самой катастрофы, о которой стenal домовый. Увидела позади себя небольшой пяточок земли, заросший симпатичной фиолетовой травкой. Половина этого самого пяточка была основательно примята моей филейной частью.

Этот факт заставил меня смущенно потупить. Ну да, понимаю, жалко травку, но только я же не сама на нее уселась. Меня толкнули, а значит, я ни при чем!

Продолжая бубнить, домовый поднял свои ручки над головой и потряс ими в воздухе. Фиолетовые стебли самостоятельно распрямились и замерли, словно я никогда на них и не падала. Подобного зрелища мои нервы не выдержали.

– Ах вот, значит, как? – грозно нависла я над домовым. – Раз ты в состоянии все исправить, тогда зачем нужно было так вопить и возмущаться?

– Затем, что природу беречь надо, – не остался в долгу домовый, шустро отскакивая от меня на приличное расстояние. – Ценить и уважать. Вот пока не будет в тебе этого, так и будешь падать да шишки набивать.

– А тебе какое дело? – Что-то непонятно, домовый о природе волнуется или о набитых мною шишках... – У тебя же магия есть. Раз-два – и все готово. И можно обойтись без криков и нравоучений.

– Если хочешь без нравоучений, тогда иди и учись, – буркнул домовый, – И чем быстрее, тем лучше. Да зверюгу свою уйми, чтобы малину мне не портила!

– Ну и пойду! – Гордо вздернув подбородок, я развернулась и зашагала к дому, бросив напоследок: – Между прочим, знания – это сила!

Домовой задумчиво смотрел мне вслед, медленно покачиваясь на пушистых ножках.

– Ты права, знания – это сила, – наконец тихо прошептал он, дождавшись, когда я скроюсь за домом. – Вот только покоя тебе эти знания не принесут.

ГЛАВА 7

Замерев на пороге, я скептически осматривала унылое убранство комнаты, в которой мне предстояло провести невесть сколько времени. Бесчисленное количество пыльных банок и склянок на затянутых паутиной полках не вызвали никакого желания учиться. Единственное, к чему тянулись руки, так это навести порядок.

Кстати, не совсем понятно, почему именно в этой комнате так грязно, учитывая тот факт, что повсюду в доме царила чистота. Быть может, домовому запрещено заходить сюда? В таком случае, получается, Мироновна умерла давно, если все уже успело затянуться паутиной. Тогда почему в мой сон она пришла всего несколько дней назад?

Вопросы были, ответов не было. Пыль тоже была. Вздохнув, я вернулась в столовую,

исполненная решимости найти хоть какую-нибудь подходящую тряпку. Жертвовать на уборку одно из чистых полотенец в шкафу очень не хотелось.

К моему удивлению, в углу возле входной двери я снова увидела знакомую лохань на табуретке. Она была полна воды, а с края свисала так необходимая мне сейчас тряпка. Кстати, под табуреткой сидел крысолок и таращил свои обалденные глазищи. Был в них испуг или удивление, я не поняла. Получается, дом исполняет желания?

Подмигнув ходячей страшилке, я закрыла глаза и пожелала кофе, представив крохотную фарфоровую чашечку, полную ароматной горячей жидкости. Видение было настолько четким, что я даже ощутила на языке пряный горько-сладкий привкус. Вопреки привычке истинных гурманов пить кофе без сахара, я упорно портила натуральный вкус напитка в угоду своим пристрастиям сладкоежки.

Открыла глаза, осмотрелась. Вожделенная чашка с кофе отсутствовала.

Состроив разочарованную гримасу, я схватила тряпку, пару раз окунула ее в воду и поплелась обратно в комнату, оставляя на полу мокрую дорожку капель. Из вредности.

Наблюдавший через окно столовой домовой озорно улыбнулся и поспешил вернуться в огород.

– Это же надо, выдумала! Кофе! Знать не знаем, ведать не ведаем!

Поначалу было скучно, к тому же пауки, вылезавшие на потревоженную тряпкой паутину, вызывали у меня чувство брезгливости и заставляли срываться на визг. Зато мои вопли привлекли внимание крысолока. Он застыл на пороге, встопорщив уши-лопухи, и наблюдал за мной с легкой смешинкой в синих глазах. Когда я в очередной раз взвизгнула и отскочила от полки, пульнув тряпкой в крупного паука, зверь даже закашлялся, явственно скрывая душивший его смех.

– Ненавижу пауков, и ничего смешного! – вызверилась я на крысолока. – Между прочим, они симпатичнее тебя будут!

Тут я, конечно, соврала. Лично для меня пауки были самыми отвратительными существами, наравне с тараканами, гусеницами и прочей насекомой гадостью. А у крысолока все его внешнее уродство полностью затмевали потрясающие глаза. Но я была злая из-за пауков и обижена на молчаливые насмешки, поэтому разошлась не на шутку:

– Если такой храбрый, мог бы и помочь! А смеяться мы все умеем! Между прочим, по законам жанра, мне при подобном перемещении прекрасный принц положен, а вместо него достался ты – ушастое недоразумение. Хотя не спорю, оно и лучше: от мужиков, знаешь ли, одни проблемы. Им бы бутылку пива – и на диван, к телевизору. Или, как вариант, к компьютеру. Ни на прогулку его не вытащишь, не говоря уже о магазинах, ни гвоздь прибить не допросишься. Никакой тебе нет ни помощи, ни романтики. Им женщина – что предмет мебели, только передвижной, на ножках. Мельчает настоящий представитель рода мужского, вымирает! Понимаешь?

Выпалив сию тираду, я замолчала, рассеянно глядя на крысолока и комкая в руках какой-то мешочек с неизвестным содержимым, с которого до появления уже забытого паука прилежно стряхивала пыль. Злость испарилась, испугавшись моего воинственного настроения, зато пришло полное осознание абсурдности происходящего.

Здесь ведь не двадцать первый век, и сидящий напротив зверь не имеет ни малейшего понятия о пиве, телевизоре, компьютере и прочем. Кстати, даже неизвестно, понимает ли он мою речь. Впрочем, судя по виновато прижатым ушам, настроение уж точно уловил. Но и в моем плохом настроении он тоже не виноват.

Решив более не грузить крысолока моими воспоминаниями, я принялась за уборку с удвоенным усердием, активно заработав тряпкой. Повисла тишина, прерываемая моим сосредоточенным сопением и звоном передвигаемых склянок.

Закончив с полками и их бесконечным содержимым, я обернулась к столу и замерла.

На столе, рядом с уже знакомой чернильницей и одиноко торчащим пером, лежала книга. Настоящий фолиант в потертой обложке, увесистый даже на вид и порядком

потрепанный. Осторожно потыкав книгу пальцем, я обернулась к крысолоку и задала ему глупейший вопрос:

– Это ты принес?

Зверь не ответил, только склонил ушастую голову набок. Впрочем, я и сама поняла неуместность вопроса. Книга придавила бы тщедушного уродца своей тяжестью. И вообще, пора уже привыкнуть к тому, что в этом доме вещи живут своей собственной жизнью. А значит, ничего не происходит просто так.

Смахнув пыль с коричневой обложки без какой-либо надписи, я раскрыла книгу. Мелкий, но разборчивый почерк, слегка пожелтевшие страницы. Пособие по магии в рукописном варианте. Почему-то половина книги была совершенно пустой. Возможно, Мироновна просто не успела исписать листы, или книга нарочно не открывала мне всей информации. Придвинув табуретку, я углубилась в чтение. Медленно потекли минуты...

Поначалу сведения, содержащиеся в частых строчках, вызвали во мне вполне уместный скептицизм, потом он сменился легким любопытством, и наконец любопытство уступило место искреннему интересу. Я жадно вчитывалась в бисерный почерк, впитывая, словно губка, совершенно неведомую для себя область знаний. Минуты сменились долгими часами.

Позднее, когда день за окном сменился голубоватыми сумерками, домовый принес свечу. Я лишь рассеянно кивнула в ответ на любезность, не будучи в силах оторваться от чтения. В итоге так и уснула за книгой, положив голову на фолиант и лишь чудом не опрокинув горящую на столе свечу.

– Вижу, понравились тебе мои записи?

Вздрогнув, я открыла глаза и выпрямилась, едва не свалившись с табуретки. Напротив сидела Мироновна и смотрела на меня с доброй улыбкой. Свеча, оставленная мне домовым, полностью догорела, и теперь на столе стояла только пустая плошка-подсвечник. За окном серел предрассветный туман.

– Вы мне снова снитесь? – ответила я вопросом на вопрос.

– Кто из нас знает, что есть сон, а что есть явь? – уклончиво ответила старушка, – Ведь в каждом из обоих случаев мы чувствуем себя одинаково правдоподобно. Не так ли? Так что насчет книги-то? Какие впечатления?

– Достаточно противоречивые, – честно призналась я, – Забавно, что, к примеру, обычная петрушка может сыграть далеко не последнюю роль в составлении приворотного зелья. Я не говорю уже о целебных свойствах куриной слюны. Весь вопрос в том, как заставить эту самую курицу плевать. Ведь так? И кстати, учтите заранее – резать головы черным петухам и кому-либо другому я ни за что не буду!

– Каким еще петухам? – удивилась Мироновна.

– Ну как же? – в свою очередь удивилась я. – В этой, как ее, черной магии везде пишут: возьмите голову черного петуха, черного козла или кого-нибудь еще, но обязательно черного цвета. Так вот, я буду учиться только тем видам магии, которые не требуют жертвоприношений всякой живности!

– Договорились! – Мироновна усмехнулась. – Только на будущее ты тоже учти, что магия, не знаю как у других, но моя в частности, направлена как раз на то, чтобы эту самую живность оберегать. Так что никаких жертвоприношений не потребуется. Разве что лешему хлебушка отнести в подарок. Да яиц куриных. Он их страсть как любит.

– Кто любит? – Я чуть не свалилась с табуретки, убаюканная тихим голосом бабули.

– Так леший же! – повторила Мироновна, глядя на меня с лукавым прищуром, – У вас ведь такие не водятся?

– Не-а, у нас эти, лесники только водятся да браконьеры, – согласилась я, – Лешего как раз не хватает. Народ бы валом в леса повалил, чтобы поглазеть на диковину, а потом его в зоопарк забрали бы и цены на билеты повысили. В нашем мире с дивом и чудесами разговор короткий, а во главе всего стоит выгода. А у вас здесь как с порядочностью, все благополучно?

– Да и у нас по-всякому бывает. – Мироновна перевела взгляд на окно и глубоко вздохнула. – Ты читай дальше книжку-то, она тебе многое расскажет.

– Так ведь я уже все прочла! – воскликнула я, взглянув на увесистый фолиант. – К тому же половина книги состоит из пустых страниц. Но если вы настаиваете, могу перечитать еще раз. Все равно хорошей библиотеки здесь не найти.

Ответом мне послужила тишина. Посмотрев на собеседницу, я обнаружила, что Мироновна исчезла. Зато появился Тихон. Застыв на пороге комнаты, он смерил меня строгим взглядом и, уперев тонкие руки в пушистые бока, ворчливо возвестил:

– Ты давай просыпайся, а то уже завтрак на столе стынет, а тебе еще размяться нужно после сна за столом. И на будущее учти, что спать нужно только в кровати, а то шею свернешь, да так и останешься!

После этого домовый сделал какой-то пасс ручкой и на меня навалилась темнота.

ГЛАВА 8

В уши визгливой пилой врезались петушиные вопли. Я открыла глаза и чуть слышно застонала. Прав домовой, сон за столом в согнутом положении никому не добавляет здоровья. Спина ноет, шею ломит, и ощущение такое, будто на мне мешки таскали.

Припомнив ночной разговор, я с сомнением оглядела книгу. Чего еще такого она мне может дать, кроме знаний о травках, собранных на убывающую луну? Честно говоря, я считала, что магия основывается на каких-то других знаниях, отличных от обыкновенного знахарства, коим старушки в деревнях моего мира владеют. А впрочем, если подумать – тут тебе тоже и бабушка, и деревня. По сути, одинаково.

Кстати, а почему это нервничала Мироновна? Я, конечно, не настолько хорошо знаю старушку, но вполне способна прочитать беспокойство во взгляде и движениях. Глаза, знаете ли, при случае мы все отводим.

– Ты уже проснулась? – На пороге возник домовой. – Тогда есть иди, а то завтрак стынет!

– Да, сейчас, – Я встала с табуретки и потянулась. Мысли улетучились, словно их и не было, – Хочу с тобой согласиться, спать за столом совершенно неудобно!

– И откуда такие умные мысли? – Тихон подозрительно прищурился.

– Так ты же сам сказал, – Я так и застыла с поднятыми руками, – Во сне.

– Ах, значит, во сне-е? – как-то странно протянул домовой. – А я тебе не говорил в этом самом сне, что вовсе не обязан быть ответственным за весь тот бред, который тебе по ночам мерещится? Нет? Тогда говорю сейчас. Мне безразличны все твои сны, и я тебе в них не соучастник! Вот так!

Тихон вышел, а я осталась стоять столбом, раздумывая над причинами, которые заставили домового рассердиться. Причин не нашла. В итоге махнула рукой и пошла в столовую, из которой доносились умопомрачительные запахи.

Все домашние были уже в сборе. Крысолок под столом чинно лакал молоко из чашки, утопив в ней свою остроносую морду, Маруся разлеглась на лавке, подставив пушистый живот солнечным лучам, а домовой суетился у печки. Увидев меня, пробурчал что-то обиженно под нос и пропал из виду.

– Что-то не ладится у меня с Тихоном! – пожаловалась я, плюхаясь на лавку и придвигая к себе еще теплый чугунок. На сей раз, разнообразия ради, в нем оказалась румяная картошка, щедро пересыпанная укропом, петрушкой и прочей зеленью. В кувшине же обнаружилась простокваша.

– Слишком ты быстро хочешь получить одобрение хозяина дома. – Маруся перевернулась на лавке и уставилась на меня изумрудными глазами, – Он тебя не знает и не привык к тебе. К тому же он просто грустит. Твоя Мироновна за столько лет ему самым близким человеком стала. Но подожди, думаю, скоро все устроится! Как твои успехи?

– Да нет никаких успехов, – Я вяло зачерпнула картошки, – На одном чтении далеко не

уедешь. И Мироновна во сне ничего объяснять не захотела. Сказала только, чтобы книгу читала. А я ее еще ночью закончила. Ты вот лучше расскажи мне, дорогая моя кисонька, где целыми днями пропадаешь? А то ведь я беспокоюсь. – Сунув ложку в рот, я лукаво прищурилась.

– Гуляю! – Разноцветная мурлыка и ухом не повела, – Деревня большая, народ добрый, то и дело норовит угостить чем-нибудь вкусеньким. Да и коты тут, сама понимаешь, один другого лучше.

– Только появилась, и уже коты? – Я смирила кошку укоризненным взглядом. – Не рановато? Или у вас в кошачьем племени общепринятые нормы морали не действуют?

– Ну почему же? – Маруся хихикнула и потянулась, царапнув лавку когтями. – Нормы, конечно, действуют, вот только не знаю, каким именно обществом они приняты. Но согласись, когда за тобой, словно привязанные, ходит десяток сильных и ладных котов, готовых вцепиться друг другу в морды из-за одного только благосклонного взгляда, да еще мышек приносят, избавляя от необходимости охотиться, это ли не есть счастье? Конечно, в итоге придется отдать предпочтение лишь одному из всех, но пока у меня еще есть возможность выбирать, так что я с чистой совестью ею пользуюсь. В конце концов, находясь на такой умопомрачительной природе, да еще и при такой отличной погоде, сидеть постоянно в четырех стенах просто неразумно. Но у некоторых из нас, к сожалению, нет выбора. Так что, Дарья, желаю тебе скорейших успехов, а я пошла. К счастью, меня учиться магии не обязывали!

Вильнув хвостом, плутовка вскочила и одним прыжком перемахнула через подоконник.

С гулким стуком я выронила ложку на стол и в немом изумлении уставилась на раскрытое окно, в котором мгновение назад исчезла Маруся.

Нет, ну кто бы мог подумать, что моя скромная киса окажется такой хм... нескромной. Но в одном я с нею все же согласна: мужчина должен быть добытчиком. В этом плане кошачье племя явно имеет выигрышную позицию, потому что среди людей определение «мужчина-добытчик» уже давно не соответствует действительности.

Вздохнув, я схватила ложку и принялась методично уничтожать содержимое чугунка, запивая густой простоквашей.

Когда чугунок опустел, отставила его на край стола, расстегнула пуговицу на джинсах и блаженно потянулась. Затем обвела задумчивым взглядом комнату. Никого. Домовой наверняка сбежал в огород, Маруся флиртует с поклонниками, лишь я одна вынуждена сидеть в четырех стенах. И все потому, что нужно учиться, учиться и еще раз учиться. Интересно, а в саду, к примеру, нельзя учиться? Те же знания, только на воздухе.

Над столом показался черный крысиный нос. Я взвизгнула от неожиданности и лишь потом признала крысолака, о котором совершенно забыла.

– С ума сошел, так пугать? – завопила я на зверя, который от моего визга замер неподвижным столбом, присев на задних лапах и повернув остроносую морду в мою сторону. – Я же приняла тебя за крысу и хотела уже ложкой запустить! А она, между прочим, деревянная. Была бы у тебя шишка.

Зверь в ответ громко фыркнул, показывая таким образом все свое презрение к какой-то там пустяковой шишке, а потом запрыгнул на лавку и уставился на меня в упор. От его пристального взгляда стало как-то не по себе.

– Эй, крыси... крысо... как тебя там? – Я запнулась и на всякий случай отодвинулась подальше. – Ты на меня так не смотри. Мне не нравится. И вообще – поел, так иди себе гуляй. Слышал, что Маруся сказала? Глупо сидеть дома в такую погоду, так что это... брысь!

Зверь переступил с лапы на лапу, припал к лавке, словно перед прыжком, и неожиданно оскалил клыки. Не рычал, не бросался, но вид мелких и длинных, словно иглы, зубов меня глубоко впечатлил. Проверять на собственной шкуре их остроту я крайне не желала, а потому покрутила пальцем у виска и встала с лавки, заявив как можно беспечнее:

– Крыс ты и есть! К тебе по-хорошему, а ты в ответ зубы скалишь.

Подхватив со стола чугунок и кувшин, я спокойно направилась к печке, стараясь не выдать своего волнения. Крайне неприятно, когда за спиной находится опасный и неведомый зверь неизвестной породы, но гораздо неприятней, когда этот самый зверь осознает, что его боятся.

Поставив посуду на печку, я обернулась и увидела, что лавка пуста. Видимо, крысолок внял моему совету и удрал через окно. Ну и правильно, и ему так полезней, и мне намного спокойней. Смогу полностью сосредоточиться на книге, не ожидая, что мне вот-вот вцепятся в шею.

Вздыхнув, я пошла в комнату, где меня ждали, если верить словам Мироновны, новые открытия. Правда, особого энтузиазма эти самые слова совершенно не добавляли. Да и поведение крысолока, которого я, чтобы не ломать язык при произношении, решила назвать коротко Крысом, упорно не шло из головы. Злиться ему на меня вроде бы не за что. Тогда почему вдруг зубы?

ГЛАВА 9

Несмотря на мой скептицизм и периодические стенания на тему «надоело, устала» и прочее, время неумолимо побежало вперед.

Книга прилежно открывала мне все новые знания, проявляя их на чистых некогда страницах, и в итоге все ее листы оказались покрыты бисерным почерком. К своей великой радости, я обнаружила не только знахарские сведения, но и те, которые мечтала найти с самого начала: о ментальном уровне, ауре, энергии и прочей чепухе. Также книга рассказала, как можно управлять четырьмя стихиями: огнем, воздухом, водой и землей. Нет, летать я, к своему глубочайшему сожалению, так и не научилась, но при необходимости могла вызвать ветер, пожар, наводнение и еще кучу полезных в хозяйстве вещей.

Разумеется, изучив все в теории, я была вынуждена (действительно вынуждена, где воплями домового, а где и пинками от него же) приступить к практической части занятий. Вот тут досталось всем. Мне, конечно же, в первую очередь – как главному зачинщику, а остальным за компанию и неумное любопытство.

Пожелав украсить наш обеденный стол скатертью, чтобы привнести хоть немного красоты и разнообразия в интерьер, я чего-то там пошептала, и в итоге стол, радостно взбрыкнув ногами, подобно строптивому коню, сбежал из дома, высадив входную дверь и напугав Марусю с Крысом.

Возвращать блудную мебель пришлось домовому. После инцидента он, конечно же, громко и долго ругался, а я скромно отмалчивалась, косясь на неподвижно замерший на привычном месте стол, и периодически пожимала плечами, мол, не виноватая я, сами заставили, а потому нечего теперь ругаться.

Со стихиями вышло и того хуже. Пытаясь вызвать небольшой дождь для полива огорода, я перестаралась с пропорциями. В итоге туча над грядками все же зависла, но, грозно поплевавшись молниями, она извергла из своих недр целый поток воды, подобный глубоководной реке. Все присутствующие вымокли в момент: я до нитки, животные и домовая до шерстинки.

Разумеется, спасти огород от затопления и уничтожения саженцев в который раз пришлось Тихону. К счастью, он не отходил от меня ни на шаг во время моей практики. Вот только ругать меня почему-то перестал, лишь периодически тяжело вздыхал и сверлил взглядом, когда считал, что я этого не вижу.

Практиковать с огнем я, видя плачевные результаты собственных умений, так и не решилась. Остановилась на более безобидной, как считала, во всех отношениях земле. В результате вместо того, чтобы совершить аккуратную прополку грядок, едва не устроила землетрясение.

Недовольны остались все: и я, и домашние, и кроты, которых мое заклинание выбрасывало из земли, подобно мячикам. О червях и жучках даже говорить нечего. Едва мне

на ногу шлепнулся дождевой червь, превратившийся из-за моего заклинания в червя летающего, я покинула поле неудачной практики с оглушительным визгом. Порядок, естественно, снова наводил домовой.

Пребывая в отвратительнейшем настроении, я решила хоть раз принести пользу домашним без помощи магии и, погрузившись в собственные невеселые мысли, принялась готовить обед. К сожалению, когда все уже было вымыто, очищено и нарезано, явился домовой и бесцеремонно отправил все мои приготовления в помойное ведро, объяснив свой поступок тем, что «нельзя готовить пищу, будучи в плохом настроении». Видите ли, все негативные эмоции, которые в этот момент испытывает человек, переходят на картошку, лук и прочие ингредиенты. Обидевшись, я задушила в себе порывы, отвечающие за помощь ближним, и отправилась в уже порядком надоевшую комнату, в которой проходили мои занятия.

Я часто злилась, впадала в отчаяние и раз за разом штудировала книгу, пытаюсь найти решения собственных ошибок. Потом понемногу отношения с магией у меня все же наладились, и Тихон снял заклинание отвода глаз. Вот тут-то я наконец осознала, что все то, что происходило со мной ранее, было лишь цветочками. Теперь же посыпались ягодки. Причем ягодок этих был щедрый урожай, и каждая из них норовила как можно больнее щелкнуть меня по лбу, а иногда и по носу.

Вопреки опасениям моим и домового, жителям оказалось абсолютно по барабану, кто я такая и откуда взялась в их скромной деревушке. Гораздо больше их волновали куры, утки, козы, овцы, коровы и прочая живность вместительных сараев, а также урожай садов-огородов и, разумеется, собственное семейное благополучие, удача и все тому подобное, оставшееся без присмотра Мироновны. Не проходило ни дня, чтобы я не решала чьи-нибудь любовно-семейные проблемы, не изгоняла мышей из амбара, не помогала выправить грядки, потревоженные кротом, не восстанавливала молоко у Дуськи, Муськи, Пеструшки, Лаврушки и прочих рогатых-хвостатых кормилиц.

О проблемах со здоровьем даже и говорить не хочу. Ко мне бежали со всем, начиная от обычной занозы, заканчивая серьезными повреждениями и заболеваниями. Короче, в деревне я была нарасхват.

С одной стороны, все происходящее мне безумно нравилось, поскольку закончилось вынужденное заточение в четырех стенах и началась настоящая, полная забот и приключений жизнь. С другой стороны, я всецело принадлежала народу, и на собственную жизнь уже не хватало ни сил, ни времени.

Впрочем, учитывая неоценимую помощь Тихона по хозяйству и полную незаинтересованность мной представителей мужского населения деревни, ущемления этой моей собственной жизни я никак не ощущала и была вполне довольна. Ввиду малочисленности домов все парни подходящего мне возраста были женаты, сосватаны, да и попросту шарахались от меня, боясь то ли моих знаний, то ли джинсов, которые я, вопреки увещеваниям домового, практически не снимала.

Вот и сейчас я еще не успела закончить завтрак, а в дверь уже барабанят. Хотя нет. Стучат. Сдержанно, но громко. Я бы даже сказала, властно. Совсем не похоже на деревенских жителей...

Переглянувшись с Тихоном и Крысом, я встала с лавки и пошла открывать.

За дверью оказался усатый незнакомец, обряженный в длиннополый светло-зеленый кафтан из довольно плотной ткани. И это при такой-то жаре! Затем я перевела взгляд выше и встретила пристальный, цепкий, словно репей, взглядом из-под насупленных бровей.

— Слушаю вас. — Почему-то внутри поселилось стойкое предчувствие скорых и крупномасштабных неприятностей.

— Мы разыскиваем беглого преступника. Видели такого? — Мужчина бесцеремонно сунул мне под нос помятый лист бумаги.

Помедлив с ответом, я взгляделась в незнакомые черты, отметив про себя, что почему-то ожидала увидеть в руках незваного гостя свиток с печатью, но никак не обычную

бумагу. К тому же предложенное моему вниманию изображение было, ко всему прочему, еще и цветным. Прямо настоящее фото альбомного формата. Интересно, здесь что, фотоаппаратом пользуются? Или просто маги постарались?

А вот преступник мне, как ни странно, понравился. Жгучий брюнет а-ля Антонио Бандерас. Пронзительный взгляд синих очей, роскошные кудри цвета воронова крыла, чувственные губы. Я едва не облизнулась, но вовремя вспомнила, что сейчас не одна и мне задали вопрос, на который нельзя не ответить.

– Не знаю, не знакома, – быстро ответила я, добавив про себя: «К сожалению».

Мужчина с цепким взглядом коротко кивнул и отчеканил по-военному:

– Если встретите, постарайтесь задержать его в своем доме и передайте королю весточку через вашего старосту. За помощь в поимке преступника вам будет пожалована награда в тысячу золотых!

После чего замолчал и, развернувшись на каблуках, сошел со ступенек и пошел к калитке. Я же пожалала плечами и закрыла дверь.

– Кто был? Чего хотел? – поинтересовался домовой, вырисовываясь из воздуха у печки.

– Мужик какой-то в кафтане приходил, – беспечно отмахнулась я, плюхаясь на лавку. – Говорит, преступника ищет. За него награда королем в тысячу золотых обещана. Тиша, а тысяча у вас это много или мало? Ты просвети меня, а то я в местной валюте ни фига не смыслю!

Домовой неожиданно вытаращил глазищи, а под столом тоненько заскулили, мне почему-то показалось, что насмешливо. Приподняв край скатерти (после упорных магических тренировок скатерть все же появилась), я заглянула под стол. Крыс тихо ржал на полу, завалившись на спину. Нахмурившись, я цапнула крысолака поперек пуза, которое давно уже перестало быть тощим, и водрузила на лавку. После этого перевела подозрительный взгляд на Тихона.

– Может, ты объяснишь мне, почему это ушастое недоразумение ржет надо мной? Да еще и так нагло!

– Понимаешь, Дарья... – Домовой вдруг смущенно потупился, – Тысяча золотых – это, как бы тебе сказать... не просто много, а очень даже много. За эти деньги не только какого-то там преступника, но и маму родную могут продать. Теперь тебе понятно? И сумму такую может только король назначить.

– Понятней некуда, – кивнула я. – Любопытно, что же такого натворил этот самый преступник, если за него такие огромные деньги сулят. Тем более сам король. Стоп! – Я вдруг подскочила на лавке. – У вас тут что, еще и король имеется?

– Имеется, – вздохнув, подтвердил Тихон.

– Настоящий? – Я удивленно раскрыла глаза. – С короной, мантией и прочим?

– С короной, мантией – это да, а вот насчет того, настоящий или нет, тут как раз проблемы имеются.

– Еще бы! Где же ты видел власть без проблем? – Я благодушно фыркнула и отмахнулась, – Политика – дело темное, за ней даже вашей черной магии не угнаться. А преступник, честно тебе скажу, хорош! Красивый, зараза, настолько, что я прямо слюной подавилась! А взгляд... ну просто закачаешься! Вот только сильно сомневаюсь, что ваш король его достанет. Полагаю, отсиживается сейчас этот красавчик у какой-нибудь своей любовницы, и вряд ли она его продаст даже за все деньги мира.

– Почему ты так думаешь? – озадачился домовой.

– Ну не знаю. – Я поморщилась, – Сам посуди: где постель, там любовь, а где любовь, там нет места выгоде. Не знаю как у вас, но в нашем мире к такому мужчине целая очередь выстроилась бы, и женщины друг дружке волосы выдирали бы в приступе азарта и ревности.

– Ты бы тоже выдирала волосы? – не отставал домовой.

В ответ я категорично замотала головой:

– Ни за что! Лично я бы к нему и на пушечный выстрел не подошла!

– Почему?! – Домовой явно опешил.

– Да потому, что красивый мужик – это вечная головная боль. И еще он козел, который постоянно пасется в чужом огороде. Ну, это я образно, понимаешь? А мне свои нервы дороже, так что пусть по нему другие дуры с ума сходят. А я умная!

Сбоку послышался придушенный хрип. Обернувшись, я увидела крысолака. Зверь сидел на лавке с ошалелым видом, уставившись стеклянным взглядом в пустоту.

– Ой, слушай! – подскочила я, обращаясь к домовому, – А глаза у того преступника на очи нашего Крыса похожи! Честное слово!

Крысолак вышел из ступора, взглянул на меня и, совершив длинный прыжок, выскочил в окно. Я недоуменно пожала плечами. Нервная какая-то живность сегодня!

ГЛАВА 10

Ночью ко мне пришла Мироновна. По обыкновению разбудив, пригласила прогуляться по саду. Возражений с моей стороны не нашлось. Летом в пижаме даже ночью не холодно.

– Что-то давно вы не приходили, – пожаловалась я, разглядывая шуршащий под ногами щебень на дорожке. – Я уже соскучиться успела. И столько всего произошло...

– Соскучиться? Это хорошо, – Мироновна улыбнулась. – А насчет происшествий... Хочу, Дарена, тебя поздравить – книгу мою вычитала до последней буковки, прилежно и внимательно. Людям помочь умеешь. Теперь полноправной ведьмой считаться можешь!

– Так уж и ведьмой? – Я усмехнулась, – Получается, вы ведьма?

– А не похожа? – Мироновна хитро прищурилась.

– Нет, конечно! А где же ступа, помело, нос с бородавкой и прочая атрибутика?

Мироновна покачала головой:

– Ступу, если хочешь, сотвори, только дерево потолще выбери, помело из веток сделай, а бородавок можешь себе навести хоть целую дюжину, если легче от этого станет. Но я тебе и без всех этих заморочек говорю, что ты теперь настоящая ведьма. Вот так-то.

– Временная ведьма, – тихо поправила я Мироновну.

– Что?

– Говорю, я – временная ведьма, потому что вы обещали вернуть меня домой, как только я этого захочу. А значит, я здесь временно. Кстати, а по возвращении я буду помнить все то, что здесь со мной произошло?

– Это только от тебя зависит. – Старушка вздохнула, – Если захочешь запомнить – запомнишь. А если захочешь забыть, то забудешь.

– Вряд ли я захочу забыть этот необыкновенный мир! – Я мечтательно вздохнула. – Он потрясающий и замечательный!

– Ты не знаешь, в каком настроении решишь вернуться, – тихо произнесла Мироновна.

– А кто знает? – Я восприняла ее слова как шутку.

Мироновна не ответила. Обернувшись, я увидела, что она ушла, по обыкновению не попрощавшись.

Возвращаться домой не хотелось. Вокруг царил теплая уютная ночь, звонко пели цикады, а с небес светила полная желтая луна, заливая землю мягким светом и навеивая романтические мысли. Свернув с дорожки, я прошла под раскидистую яблоню и растянулась на траве. На душе было легко, только в самой глубине роились не оформившиеся вопросы, вызывая смутное беспокойство. Впрочем, я не стала придавать этому значения и довольно быстро уснула, убаюканная теплом ночи и богатым ароматом летнего сада.

Утром меня разбудил стук. Кто-то привычно ломился в дверь, жалобно причитая надрывным речитативом. Нашарив тапочки под кроватью, я одернула пижаму и пошла открывать. Несмотря на то, что после разговора с Мироновной заснула я в саду, сейчас проснулась в собственной постели.

– Дарьюшка, помоги! – кинулась мне на грудь грузная тетка, едва не придавив своим

весом. – Воська, ирод, подавился! Лежит, землю лапами загребает!

Я вздохнула. Воська – не в меру горластый и скандальный петух моей соседки. То-то я сегодня не слышала его воплей!

Обычно утро начинается так: Воська несколько раз самозабвенно дерет горло хриплым, но оглушительным «кукареку», а потом подключается Маланья и начинает гонять птицу по двору, размахивая полотенцем или передником, в зависимости от того, что первое попадет в руки. Ругательства в адрес несчастного петуха сыплются самые разнообразные и не всегда приличные. Даже я, зная великий и могучий матерный язык, с интересом заслушиваюсь. Кочет же улепetyивает от хозяйки, дико вытаращив глаза и поднимая клубы пыли роскошными крыльями.

В отличие от нашего двора, двор Маланьи гол как сокол. По неизвестным мне причинам в его убранстве отсутствуют клумбы и трава. Я несколько раз предлагала вырастить ровный аккуратный газон, но меня вежливо обрывали и спроваживали. Ну и ладно, навязываться не в моих правилах.

– Пойдем спасать Воську! – согласно просипела я, ужом выползая из мощных объятий.

В глазах Маланьи заблестели слезы.

Увы, не успели мы спуститься с крыльца, как путь нам преградили несколько мужиков в уже знакомых мне зеленых кафтанах. Я вопросительно уставилась на них.

– Ведьма Дарья? – спросил один из них, сурово сдвинув брови на переносице.

Внутренне я восхитилась: «ведьма Дарья»! А что, совсем неплохо звучит! Но внешне сохранила полное спокойствие и невозмутимость и лишь слегка склонила голову в ответ. Маланья, кстати, боязливо отступила мне за спину. Уловка была достаточно смешной, поскольку, учитывая размеры соседки, я попросту терялась на ее фоне.

– Его величество Фрей Мудрый приказал доставить вас во дворец! И немедленно! – бодро отрапортовал мужик и попытался схватить меня за руку.

– Прямо так и немедленно? – усмехнулась я, предусмотрительно отступая в сторону. Рука мужика мазнула по животу Маланьи. Та подпрыгнула, – А могу я узнать, зачем вдруг понадобилась вашему мудрому королю? Своей мудрости, что ли, не хватает?

– Не пойдешь к королю – пойдешь на плаху, – кратко и доходчиво объяснил второй мужик.

– Понятно, – кивнула я. – Только не бойтесь, что в свиней, к примеру, превращу за отсутствие свободного выбора действий?

– Ты превратишь – Фарах расколдует, – не сдались незваные гости.

– А Фарах – это кто? – лениво поинтересовалась я.

Маланья за спиной сдавленно засипела, а мужики озадаченно переглянулись, но потом один из них все же соизволил ответить:

– Фарах – королевский колдун. Как ты можешь этого не знать?!

– Извиняйте, от цивилизации далеко, вот и не успеваю уследить за событиями, – Я виновато потупилась, лихорадочно соображая, как быть и что делать.

Разумеется, превращать в свиней я никого не хотела и к тому же никогда не пыталась на практике. В теории, конечно, читала, но одно дело буквы рассматривать, а совсем другое – с живыми людьми так поступать. Да и портить отношения с королем очень не хотелось. К тому же мне для полного счастья только плахи и не хватало. Кстати, меня же петух ждет! Эх, была не была!

– Значит, так, господа хорошие, я, конечно, пойду к этому вашему королю, но вам придется меня немного подождать. Сейчас одно дело закончу и вернусь.

– Никаких дел! – дружно рявкнули мне в ответ, – Король не может ждать! Никто и никогда не смеет отказывать королю!

Я разозлилась. Ненавижу, когда мне приказывают!

– Значит так. – Я задрала повыше подбородок и смерила обоих мужиков мрачным взглядом, – Я не отказываю королю, а всего лишь прошу меня подождать. Сейчас я должна ненадолго уйти и, если попытаетесь меня задержать, превращу в свиней. И мне по барабану,

когда и как вас потом будут расколдовывать! А плахи я не боюсь. Если за все время нашего разговора вы меня и пальцем не тронули, значит, я нужна вашему королю живой и невредимой. А сейчас извините – меня петух ждет!

Я обошла застывших истуканами мужиков и открыла калитку. Маланья бодро засемила следом.

Несчастный петух лежал пластом, прикрыв глаза и не шевелясь. Я осторожно прижала пальцы к длинной шее, укрытой тугими цветными перьями.

– Давай, птичка, дыши!

Петух судорожно дернулся и, махнув крылом, вскочил на ноги. Спустя мгновение двор огласило надрывное «кукареку!».

– Васька, заткнись, ирод! – взвизгнула Маланья.

Я покачала головой и поспешила ретироваться со двора, не желая становиться свидетельницей очередных петушиных гонок. К тому же меня саму ждали нешуточные разборки. Вряд ли от подобного королевского внимания стоит ждать чего-то хорошего.

Выпросив у своих конвоиров еще пару минут для того, чтобы переодеться, я торопливо натянула джинсы, легкую вышитую рубаху со шнуровкой на воротах и провела расческой по волосам, приводя их в нормальный вид.

– Дарья, ты меня с собой возьми, – неожиданно попросил домовый, когда я вышла из спальни, – Мало ли что случиться может. Вдруг пригожусь?

– А как же дом? Разве можно оставлять его без присмотра? – удивилась я.

– С домом ничего не случится, он заклинаниями сильными защищен, – пояснил Тихон, – а вот за тебя я волнуюсь. Король у нас не очень-то хорошей славой в народе пользуется. Так что возьми меня с собой!

– Ну пошли. – Я пожала плечами.

– Нет, не так! – Домовой качнулся из стороны в сторону. – Ты должна найти какую-нибудь обувку и предложить мне со словами: «Батюшка-домовой, пошли со мной! Этот сапог – лапоть или что-то там еще – теперь будет твой дом родной!» Поняла?

– Угу! – Я лихорадочно огляделась в поисках подходящей обуви. Сандалии мои не годились, пушистые шлепанцы тем более. Внезапно в голову пришла забавная, но неплохая мысль.

У Мироновны было много вышитых мешочков с разнообразными травками и амулетами. Сбегав в свою учебную комнату и вытряхнув травку, я показала мешочек домовому, а затем произнесла необходимые слова. В ответ по комнате закружился легкий вихрь. Спустя минуту все стихло, а из мешочка послышался голос Тихона:

– Вот теперь можно идти!

Крысолок что-то коротко твякнул и исчез в раскрытом окне. Видимо, попрощался таким образом. Оно и правильно, нечего своим видом людей пугать. Вряд ли они все будут к нему добрыми. К тому же я скоро вернусь.

Вздохнув, я стянула шнурки и повесила мешочек с домовым себе на шею. Если возникнут вопросы, скажу, что оберег. Взяв на руки кошку (в конце концов, я без своей мохнатой подружки никуда), толкнула входную дверь и улыбнулась застывшим на крыльце конвоирам:

– Я готова!

ГЛАВА 11

К несчастью, добираться до мест обитания короля пришлось верхом. Провожатые со мной особо не церемонились, коней не сдерживали, а потому я всю дорогу молчала и усиленно стискивала зубы. А еще отчаянно материлась про себя не только трех-, но и гораздо более высокоэтажной бранью. Признаться, и сама не ожидала, что мои познания в этой области столь обширны.

К счастью, у меня хватило ума правильно сесть на лошадь, перекинув одну ногу через

хребет. Будь я в юбке или сарафане, сидеть пришлось бы по-другому, и за время пути наверняка не раз и не два слетела бы на землю, учитывая скорость, с которой шла лошадь. Конечно, мой попутчик крепко держал меня за талию, тяжело сопя в затылок, но это не спасало меня ни от подпрыгиваний в такт скачке, ни от боли в ногах от непривычной позы, ни от тошноты. К сожалению, мой желудок самозабвенно скакал вместе с лошадью, и радости по этому поводу я абсолютно никакой не испытывала. Зато твердо пообещала себе, что больше никогда не сяду ни на одну из этих животных. Лошади мне всегда нравились, но любоваться ими я предпочитала издали. Вот и дальше буду только любоваться, а зад пусть себе другие отбивают.

Маруся ехала на руках второго мужика. Я честно его предупредила, что если с моей любимицей хоть что-нибудь случится – с лошади, там, свалится, или потеряется по дороге, или он ее прижмет нечаянно крепкой рукой, – то я лично сделаю из него зомби и натравлю на короля. Пусть потом сам оправдывается перед его величеством. Разумеется, я блефовала, поскольку этих самых зомби никогда в глаза не видела и заранее боялась до полусмерти, но мужик угрозе поверил, а большего мне и не требовалось.

Мы миновали деревню, потом долго скакали по широкой дороге среди полей, а затем я увидела высокую каменную стену, мощную и неприступную даже на вид.

В центре стены одиноко темнел проем, забранный ажурной решеткой, а к нему тянулся небольшой мост.

«Вокруг стены должен быть ров», – догадалась я.

Действительно, ров был. Широкий и наверняка глубокий. Мост, кстати, вблизи оказался довольно длинным и деревянным. Наверное, чтобы легче было его сжечь, если пожалует противник.

Копыта гулко застучали по доскам. Решетка в проеме, похожем на высокую арку, пришла в движение. Навстречу вышли несколько человек с копьями наперевес. Рассмотрев моих конвоиров, молча расступились, не отрывая от меня внимательных, липких, словно смола, взглядов. Таким парням и стриптиз без надобности, ощупают глазами сквозь одежду.

Не выдержав, я скрутила одному из них кукиш, прекрасно понимая, что, пока рядом со мной мужики в зеленых кафтанах, эти, с копьями, мне вряд ли что сделают.

Объект моей трехпальцевой фигуры побагровел, а остальные заржали. Лошади вновь перешли с шага на бег. Подпрыгнув и лязгнув от неожиданности зубами, я лишь чудом не прикусила язык. Блин, еще немного, и встречу с правителем придется срочно менять на встречу с тазиком! Честное слово!

Пытаясь хоть как-то отвлечься от неприятных мыслей и порядком осточертевшей скачки, я принялась рассматривать открывшуюся моему взору непривычную панораму. Как и следовало ожидать, город этого, бог знает какого, времени разительно отличался от привычного для меня мегаполиса.

Непривычно низкие дома, редко достигавшие в высоте трех-четырех этажей, в большинстве своем сложенные из дерева, реже – из камня. Под ногами полное отсутствие асфальта, только утоптанная земля и вдавленные прямо в эту землю широким рядом тонкие бревна. Они образовывали некое подобие главной дороги: начинались от самой городской стены и непрерывной лентой тянулись к горизонту. Наши лошади скакали именно по этим бревнам и никуда не сворачивали. Вероятно, эта улица была самой широкой в городе, потому что остальные улочки, которые я успевала замечать, были чрезвычайно узкими. Казалось, встань, раскинь руки вширь и сможешь дотронуться пальцами до стен противоположных домов. В общем, мрак, да и только!

Жители здесь тоже были под стать своим домам и улочкам: какие-то неприметные, одинаковые. Клянусь, даже жители в деревне Мироновны одевались ярче. Здесь же одежда и мужчин и женщин была сплошь да рядом из серого сукна, унылость которого не спасала даже вышивка.

Внезапно впереди послышался стук копыт. Мои конвоиры придержали лошадей. Нам навстречу скакали еще два мужика в кафтанах цвета зеленого яблока. Народ на улице

пришел в движение и стал разбегаться в стороны. В основном женщины. Я озадаченно нахмурилась, не понимая столь резкой перемены в поведении женской половины населения. Но тут один из мужиков, отсалютовав моим провожатым на манер пионеров и как-то очень нехорошо ухмыльнувшись, осадил лошадь и, спрыгнув на землю, бесцеремонно схватил за длинную косу молодку, которая не успела скрыться. Девушка заголосила, но, получив кулаком под ребра, замолчала. Подтащив девицу к лошади, мужик перекинул ее через седло и, вскочив следом, отправил лошадь в галоп, одной рукой по-прежнему крепко держа косу девушки.

Второй в это время без обиняков зажал еще одну нерасторопную жертву в узком переулке. Пышная женщина оказалась не робкого десятка и принялась от души лупить незадачливого хама по голове деревянной бадейкой, которую, на беду последнего, держала в руках.

Еще не продумав до конца свои действия, но поняв, что на моих глазах творится недопустимое и омерзительное самоуправство, я тихо шепнула пришедшее на ум короткое заклинание. Последствия не заставили себя ждать.

Лошадь, уносившая мужика с девицей, встала на дыбы, свалив всадника на землю и уронив на него сверху девицу. То, что жертва при падении въехала ему локтем по причинному месту, было моим особым пожеланием. Мужик взвыл, скорчившись на земле неизвестной, но всем понятной буквой «зю», а девица резво вскочила и убежала.

Второму мужику повезло больше. Бадейка, которой тетка долбила совратителя, неожиданно перевернулась и со всего маху наделась ему на голову. Разумеется, тетка тут же ретировалась с места баталии, напоследок дав хорошего пинка под зеленокафтаный зад, а вот мужик, поднявшись с четверенек, расставил руки и принялся бестолково ощупывать воздух перед собой. Нащупав стену, пополз вдоль нее, словно слепой, глухо что-то бубня себе под нос.

– Твоя работа, ведьма? – мрачно спросили у меня над ухом.

– Работа? – Извернувшись, я поймала взгляд насупленных глаз. Наивно захлопала ресницами: – Нет, что вы! Просто рано или поздно Бог всем воздает по заслугам. Разве вы этого не знали?

В ответ мой провожатый лишь молча вздохнул. Дальнейший путь, к счастью недолгий, прошел в тишине и без происшествий. Наконец мы выехали на широкую площадь, в центре которой возвышался красивый белокаменный терем.

Так же молча мой провожатый подъехал к крыльцу и снял меня с лошади. Второй передал мне в руки Марусю. Судорожно вцепившись в кошку, я пошла вверх по ступеням. После продолжительной скачки моя походка оставляла желать лучшего, а спина и ноги, не говоря уже о самом мягком месте, которого я сейчас попросту не чувствовала, невыносимо ныли. Стража у высоких двустворчатых дверей отнеслась ко мне более чем равнодушно. Пришлось самой открывать тяжелые створки.

Оказавшись в помещении, конвоиры подхватили меня под руки и быстро повели одной им известной дорогой, я же торопливо осматривалась.

Довольно большой зал, на полу цветная мозаика, одна из обитых узорчатой тканью стен полностью занята высокими узкими окнами, забранными решетками, украшением второй служили несколько резных дверей, ведущих неизвестно куда, а у самой дальней стены расположилась большая винтовая лестница. С высокого потолка спускалась тяжелая роскошная люстра с множеством горящих свечей.

Я подавила скептическую улыбку: решетки, свечи – неужели сильный маг короля не способен защитить этого самого короля без всяких банальных решеток? А свечи? Понятно, что маг не знаком с лампочками, потому что Владимир Ильич в его эпоху еще не родился, но ведь можно придумать что-нибудь менее трудоемкое и более долгоиграющее, нежели свечи! А еще маг называется!

Меня подвели к самой дальней двери и раскрыли ее. Затем бесцеремонно втолкнули внутрь. Пролетев пару метров, я приземлилась на ковер пятой точкой, чудом не выпустив из

рук Марусю, и сдавленно зашипела. Дверь тем временем закрылась. В тишине послышался характерный щелчок.

– Вот тебе и приглашение короля! – задумчиво произнесла кошка.

Время тянулось медленно и бестолково. Не впадая в панику, я первым делом выгнала ноющую боль из собственного тела, поселившуюся в нем после скачки, а затем обследовала комнату и осталась крайне недовольна.

Окна, в количестве двух штук, были забраны не только решетками, которые я могла бы высадить легко и незаметно, но и магическим заслоном, снять который оказалось не так-то просто. Также из комнаты были благоразумно убраны все вещи, которыми я могла бы вскрыть замок, который, кстати, тоже не обошелся без магического усиления. В моем распоряжении оставили лишь кровать под шелковым балдахином, расписанным в жутчайший цветочек, невысокий столик и пару мягких пуфиков по углам. Маруся заняла один пуфик, я же, бесполезно послонявшись по комнате, прилегла на кровать и уставилась задумчивым взглядом на балдахин.

Безусловно, король неплохо подготовился к нашей встрече, даже к помощи мага не забыл обратиться. Вопрос лишь в том, зачем я ему понадобилась. Да и место для встречи было выбрано странное, не говоря уже о том, как со мной обращались. Согласитесь, ни пинки в спину, ни тем более заточение никак не располагали к дружелюбности с моей стороны.

Внезапно послышался тихий щелчок и часть стены рядом с кроватью бесшумно отъехала в сторону. Я вскочила на ноги. Из проема вышел мужчина и уставился на меня в упор.

– Так вот ты какая, ведьма! – задумчиво произнес он и беззастенчиво прошелся оценивающим взглядом по моей фигуре.

Я же замерла, ощущая в горле неприятный комок, а в голове рой тревожных вопросов. На меня смотрел красавец с фотографии, только волосы его были светлыми, а глаза холодными, словно осколки льда.

– Не хочешь поклониться? – вновь обратился ко мне мужчина, – А жаль! Обычно строптивые долго не живут. Особенно те, которые отказывают королю.

ГЛАВА 12

Скептически поджав губы, я все же поклонилась (подумаешь, жалко, что ли?), если обычный кивок головой можно считать поклоном, а потом ответила:

– Видимо, ваше величество, вам отказывают немногие и нечасто, если улицы города до сих пор полны народа.

Наверное, ответ королю понравился, потому что он хмыкнул и отошел к окну. Повисла напряженная тишина, во время которой я рассматривала мужчину, пытаюсь предугадать дальнейшее развитие событий, и, честно говоря, заведомо не ждала ничего хорошего.

Характер короля отлично читался по его лицу, причем с первого взгляда: злой, деспотичный, законченный эгоист, который всерьез уверен в том, что мир существует только для того, чтобы лежать у его ног. Кстати, как ни странно, этот эгоист был умным.

Любопытно только, почему я за все время, проведенное в деревне, ни разу не слышала о короле ни хорошего, ни плохого. Вообще ничего не слышала и, более того, даже не подозревала о его существовании.

– Как ты думаешь, зачем тебя привезли сюда? – спросил король, поворачиваясь ко мне лицом.

– А мне нужно об этом думать? – Я удивленно подняла брови.

Увы, почтения к этому человеку я не испытывала. Значит, без конфликта мы уж точно не обойдемся. Сейчас он мне тут истерику закатит, а потом и пошвыряется чем-нибудь тяжелым. Нужно будет только не растеряться и вовремя отшвырнуть все ему обратно. А что

дальше? Тюрьма? Как-то печально...

– И откуда же ты взялась, ведьма? – мрачно продолжил мужчина, глядя на меня с какой-то ленивой злостью, – Только предупреждаю, не нужно мне рассказывать байки о том, что старушечья всю жизнь прятала тебя в лесу или в подвале, а после смерти ты пришла на ее место. Поняла? Не ври мне! Иначе на твою силу у меня найдется другая сила. И вряд ли тебе понравится то, что она с тобой сделает!

– А можно без угроз? – Жутко не люблю, когда меня начинают прессовать. Начальству своему не позволяла, а уж какому-то там королю тем более не позволю. К тому же начальство мне хотя бы зарплату платило, а тут сплошной прессинг мозгов, и вряд ли за него предусмотрена моральная компенсация. – Мне все равно скрывать нечего! К вашему сведению, моя совесть чиста. Что именно вы хотите знать?

– Только то, что спросил. Как ты попала в дом к старухе? – Король нехорошо прищурился.

– Просто проснулась в этом доме, на кровати, – честно ответила я. – А почему вас так интересует старуха? Кстати, если вы ее хорошо знаете, может, расскажете мне о ней? А то у меня данная информация полностью отсутствует.

– Меня интересует не старуха, а ты, – просветил меня король, – Но ты, похоже, не хочешь ничего рассказывать. Значит, останешься в этой комнате до тех пор, пока не вспомнишь подробности. А если в следующий раз ты снова не будешь говорить, отправишься к палачу. Поверь, он быстро сумеет развязать тебе язык. До скорой встречи, ведьма!

Мужчина подошел к стене и коротко постучал. Часть стены пришла в движение, и я вновь осталась в одиночестве.

За окнами уже давно сгустились сумерки, а я все сидела на кровати, уставившись в одну точку, и пыталась осмыслить происходящее. То, что король сразу не потащил меня к палачу, было крайне странно, учитывая его крутой нрав и кипевшую во взгляде злость. Возможно, я была ему зачем-то нужна, а возможно, он чего-то опасался. И откуда он знает Мироновну? Причем старушка явно ему чем-то насолила, иначе не объяснить тот пренебрежительный тон, которым он о ней высказывался. Но самое странное – это сходство короля с портретом преступника. Словно король и человек на фото один и тот же или... близнецы?

– Тиша! – Я схватилась за мешочек на шее, – Вылезай, есть разговор!

– Не вылезу, – шепотом отозвался домовой, – Нас подслушивают.

– Ничего, я сейчас звукоизоляцию сделаю, – зашептала я в ответ.

– Не надо! Лучше сиди и строй из себя неумеху, чтобы король подумал, что ты ничему серьезному не научилась, кроме как людей лечить.

«Так это он моей магии боится! – ахнула я про себя. – Получается, Мироновна была гораздо сильнее хваленного королевского мага? Ну ладно, уже понятней. Значит, строить неумеху? Так это я запросто...»

– Интересно, а кормить меня тут собираются? – громко поинтересовалась я, – А то как-то некрасиво получается: в гости зазвали, а гостеприимство на нуле. Хоть бы воды дали!

Предусмотрительно встав с кровати и отойдя подальше, я попыталась наколдовать чашку с водой. Раньше получалось без проблем, теперь же вода вылилась мне на руки щедрым потоком. Естественно, никакой чашки и в помине не было.

– Вот черт! – выругалась я и отряхнула ладони.

Вода впиталась в ковер. Я попробовала еще раз. В итоге надо мной пошел дождь.

Махнув рукой и насупившись, я тряхнула мокрыми волосами (чего только не сделаешь ради искусства) и забралась с ногами на кровать. Маруська, все это время следившая за моими действиями, запрыгнула на одеяло и принялась тереться об меня с громким урчанием, подражая самой обыкновенной неговорящей кошке.

Король не заставил себя долго ждать и через несколько минут вновь вошел в мою

комнату, остановившись напротив меня.

– Скажи, ведьма, ты ведь читала книги в доме старухи.

Вопрос прозвучал утвердительно, отпираться было глупо. Я посмотрела на короля:

– Ну читала. Была там одна, с наполовину чистыми страницами.

– Чистыми? – Мужчина пристально посмотрел мне в глаза и наконец расслабился: – Тогда все с тобой понятно. – Его взгляд опустился ниже и стал флиртующим.

Опустив глаза, я вспыхнула: дождь, который я так предусмотрительно вызвала, совершенно непредусмотрительно намочил не только мои волосы, но и рубашку. И теперь она предательски облепила мою грудь.

Величество, более не видя никакой угрозы, неожиданно шагнул ко мне и, опрокинув на кровать, навалился сверху. Я даже пикнуть не успела. Кстати, король оказался еще и садистом, потому что вместо поцелуя больно вцепился зубами в шею. А может, он хренов вампир?!

Одурев от боли и ярости, я сначала пнула его коленкой в самое ранимое место, благо мои ноги никто держать не собирался, а потом обездвигила заклинанием. Натужно сипя, мужик застыл, я отскочила к стене, мокрая и взбешенная, словно тысяча чертей, а из-за потайной двери выскочил еще один мужик и бросился к величеству. Обнаружив, что с последним все в порядке, повернулся ко мне и с любопытством уставился, словно видел перед собой нечто диавольное. Я, в свою очередь, уставилась на мужика, который неожиданно оказался весьма преклонных лет.

Ничего особенного. Старый, щуплый, с маленькими злыми глазками. Эдакий сморчок, который вполне способен отравить жизнь любому, кто ему не понравится. В моем мире такие заискивающе улыбаются в глаза, а за спиной строчат жалобы и прокалывают шины автомобилям, а еще, словно невзначай, прижимаются к девушкам в лифтах. Я с уважением отношусь к людям преклонного возраста, но, к сожалению, некоторые подобные старички любого молодого заткнут за пояс в злости и наглости. Разумеется, лицезреть подобный экземпляр прямо перед собой мне было крайне неприятно.

– А ты не так проста, ведьма, как хочешь казаться, – протянул старичок неожиданно густым и бодрым голосом. – Только я сильнее тебя! Не боишься?

– Волков бояться – в лес не ходить. Тем более что у некоторых волков уже все зубы от старости выпали! – огрызнулась я. Кипящая внутри злость мешала трезво соображать.

– Хамить мне вздумала? – вскинулся старик, неожиданно выбрасывая вперед сухую, словно птичья лапка, руку.

Грудь обожгло огнем, дышать резко стало нечем. Я упала на пол, судорожно царапая пальцами ковер и панически соображая, что, похоже, наступил мой последний час. От нехватки воздуха потолок бешено закрутился перед глазами, как волчок. Стало страшно и обидно. Я, понимаешь, только зажила спокойной жизнью в этом мире, а теперь по причине вмешательства ненормального короля в компании со старым сморчком все летит в тартарары! Уже не видя ничего перед глазами, но ощущая дикую ярость, я схватилась за грудь и неожиданно нашарила что-то липкое. Интуитивно сжав пальцы, оторвала это нечто от себя и зашвырнула подальше, шепнув вдогонку какое-то короткое слово, внезапно пришедшее на ум. В голове немедленно прояснилось, а воздух беспрепятственно проник в легкие. Еще не веря в собственную удачу, я отрывисто задышала и приподнялась на локтях.

В комнате стояла глухая тишина. И король, и старик молчали, поедая меня пораженными взглядами. Тряхнув головой, я встала на ноги и отошла к окну, стремясь оказаться как можно дальше от обоих.

– Значит, говоришь, страницы были наполовину пустыми? – наконец произнес старик. – Ну-ну...

Покачивая головой, он направился к стене, а когда она открылась, поманил за собой короля.

– Ни черта не понимаю! – простонала я, падая на кровать.

– Поставь звукопроницаемую защиту, и я кое-что смогу тебе объяснить, – шепнули

из мешочка.

Сосредоточившись, я прочитала заклинание. К счастью, нужные слова легко пришли на ум. Тут же рядом со мной на кровати материализовался домовой.

– Ты что?! – ахнула я, – Зачем вылез? Тебя же этот сморчок сейчас увидит!

– Не увидит, – вздохнув, сообщил домовой, – потому что меня вот так запросто можешь видеть только ты и те, кого ты считаешь жильцами нашего дома. Не знала?

– Не знала, – честно призналась я.

– Ну даешь! – поразился домовой. – А иначе как же я, по-твоему, в огороде хозяйничал? Только представь, какая потеха была бы, если бы меня все видели!

– Представляю. – Я покаянно опустила голову, – Только я думала, что в каждом доме свой домовой, поэтому на тебя никто и не обращает внимания. Вроде как привыкли.

– Ну, домовой действительно есть в каждом доме. Только не всякий его видеть может, а уж тем более запросто с ним общаться. Тут таланты особые нужны и отношение уважительное.

– Догадываюсь. – Я вновь посмотрела на домового. – Тиша, это все, конечно, очень интересно, но что там по поводу короля? Ты обещал объяснить.

– Да нечего особенно объяснять. – Домовой вдруг потупился, – Боится король твоих знаний. Слава Мироновны далеко в свое время гремела, вот и пытался он понять, чему и насколько она успела тебя обучить. Понял на свою голову. Точнее, на твою.

– Ничего же особенного не случилось! – не сообразила я.

– Ну да, не случилось! Всего лишь сбросила удушающую сеть, как нечего делать, и посягнула на естество самого короля. А в остальном, согласен, ничего особенного не случилось.

– Что еще за сеть? Кажется, я не изучала ничего подобного! – Вопросы посыпались из меня, словно горошины из стручка. – И как же я ее сбросила?

– Хотел бы и я это знать, – задумчиво произнес домовой, внимательно сверля меня своими желтыми глазами.

ГЛАВА 13

Выспаться толком мне не дали. Проговорив почти до середины ночи, я так ничего и не выяснила. Все суждения домового сводились к одному: король боится моих умений, а мой спектакль на тему «неумехи» окончательно и бесповоротно провалился. Теперь, скорее всего, они вдвоем с магом строят планы по поводу моего уничтожения – это в самом страшном варианте. Или же ломают голову над тем, как заполучить меня в ряды союзников, которые, как оказалось, были весьма и весьма нестройными. Второй вариант был щадящим, к тому же выгодным для короля.

Как и следовало ожидать, особенно после увиденного мною по пути к дворцу, народ к королю относился более чем плохо. Величество не любили, не уважали, а послушания от людей добивались страхом и наказаниями. Нормальных мужиков, способных хоть как-то противостоять деспоту, Фрей засадил в темницу и после этого провозгласил себя Мудрым. Спорить, разумеется, никто не захотел. Оно и понятно: сила есть – ума не надо.

Сила короля заключалась в старом прихвостне, который хотя и был слаб телом, но магией владел – будь здоров. Все это было понятно и неприятно, но вполне предсказуемо. Власть делили всегда и во все времена. А по голове меня шарахнуло совсем другое известие: оказывается, Мироновна ушла в мир иной не без помощи проклятого старикашки. Видите ли, ему помешали знания и умения безобидной бабушки.

В моей душе моментально разыгрались месть и чувство справедливости. Старикашку следовало придушить, чтобы больше не портил жизнь окружающим, но вот над реальным способом расправы следовало основательно подумать. Я как-то еще не научилась убивать, пусть даже и того, кто этого в полной мере заслуживал. Другое дело – сплавить преступника в руки милиции, засудить, посадить и все дела. Здесь же такое вряд ли возможно. Впрочем,

об этом я буду думать позже.

Во всей этой истории была одна-единственная, пусть и не слишком радостная, но внушающая надежду новость: мужчины, которых король не успел посадить, по-быстрому смотались в густые леса, оставив семьи на произвол судьбы, и принялись готовить дворцовый переворот. Ушли, так сказать, в оппозицию. Теперь Фрей со товарищи – отрядом головорезов в кафтанах, с несколькими из которых я имела сомнительную честь познакомиться, – безнаказанно отрываются на женщинах.

Все правильно: когда настоящие мужики развязывают войну, страдают в основном женщины и дети. Закон неписанный, но повсеместно выполняемый. Если бы не старик с его магическими способностями, Фрея давно бы уже свергли и под радостные крики толпы повесили на главной площади. Но... Вот именно это «но» в лице старикашки всем и мешает. Против магии не попрешь ни с ножом, ни с топором, а рисковать напрасно головами никому не хочется.

Разумеется, его величество крайне огорчился, неожиданно узнав о новой ведьме, так некстати появившейся в этих местах, где он обезвредил всех своих соперников. В общем, спокойной жизни наступил конец. Причем не только королевской, но и моей собственной. Но мне не давал покоя один вопрос: почему люди в деревне ничего мне об этом не рассказали? Может, жалели, а может, еще что-то. Кто их поймет!

Зато теперь, благодаря молчаливости одних и беспокойству других, вырисовывается картина маслом: я – главный конкурент старикашки, головная боль короля и единственный толковый соратник лесных оппозиционеров. И какие теперь шишки посыплются из-за всего этого на мою многострадальную голову, знает один только Бог. Откровенно говоря, даже и подумать страшно!

Наслушавшись страшных сказок на ночь от домового, я заснула беспокойным сном и всю ночь гоняла сачком партизан этого мира.

Разумеется, выспаться мне не дали. Сначала слышалась какая-то возня, а потом долгий и неразборчивый шепот. Когда воцарилась тишина, я, во-первых, окончательно и бесповоротно проснулась, а во-вторых, сгорала от любопытства и страха.

Кто знает, что задумали мужики?

Конечно, перед тем как предаться сну, я наговорила кучу охранных заклинаний, оберегов, даже молитв. Вдобавок навешала на себя всевозможные защитные круги, зеркала, щиты и прочую ментальную атрибутику. Если бы эти заклинания имели хоть какой-нибудь вес, я бы, скорее всего, почилла смертью храбрых (в данном случае как раз наоборот, трусливых) от тяжести собственной защиты. Но, к счастью, никакой тяжести не ощущалось, а разлепив глаза, я обнаружила, что осталась жива и невредима. Зато в комнате произошли явные изменения.

Видимо, король решил заполучить меня в союзницы, а потому презентовал мне шикарнейшее платье, надетое на манекен, и футляр с драгоценностями, возложенный на туалетный столик и заботливо открытый.

Правильно, нечего убивать курицу, несущую золотые яйца! Это я к тому, что маг-сморчок уже старый, того и гляди копыта откинёт.

Переглянувшись с Марусей, я слезла с кровати и подошла к платью. Корсаж, оборки, юбка в пол, внизу подол диаметром больше метра, золотое шитье. В общем, страх божий и ничего больше. Познакомившись столь близко с модой богатеев этого мира, я им от души посочувствовала. Носить *это* было не только неудобно, но и тяжело. Пытаясь заглянуть под юбку, чтобы узнать, на чем держится пышность тканевого колокола, я едва смогла его приподнять. Ткань была накрахмалена до безобразия, а корсаж жесткий, словно и не корсаж, а пыточные тиски. Обойдя несколько раз манекен, я отошла и потеряла к платью всякий интерес. Драгоценности, как и следовало ожидать, меня заинтересовали куда больше.

В футляре из черного бархата лежали ожерелье и длинные серьги. Крупные прозрачные камни, попадая на свет раннего утреннего солнца, сверкали так, что было больно глазам. Получается, *я очень* нужна королю, если он расщедрился на *такие* бриллианты. Даже

самый маленький камушек из этого великолепия запросто сделает меня в моем собственном мире олигархом, если, конечно, до этого момента криминал голову не откроет.

Взяв одну сережку, я принялась отламывать крайний камушек в подвеске.

– Ты что делаешь?! – Рядом со мной возник домовый, – Остановись немедленно!

– Да ладно тебе, – отмахнулась я, – пропажу одного камушка никто не заметит, а я его зачту как моральный ущерб за перенесенные волнения.

– Волнения? – Домовой даже подпрыгнул. – Вот пропадет камень – тогда будут тебе волнения, какие и не снились! Не порти вещь, она все равно не твоя!

– Как не моя? Мне подарили! – Камушек я все-таки отламывать перестала, возмущенно уставившись на домового.

– Фрей этой вещи не хозяин, поэтому не может ее дарить, – осадил меня Тихон. – Так что положи на место и не трогай!

– А кто хозяин? – Я положила серьгу в футляр и закрыла крышку, чтобы не подвергаться соблазну.

– Невеста короля! – ошарашил меня домовый, – Этот комплект предназначен ей в качестве свадебного подарка.

– У этого извращенца еще и невеста есть? – поразила я. – Вот так новость! Это кто же за него в здравом уме пойдет? Хотя, собственно, чего я удивляюсь, ведь деньги и богатство всегда играют решающую роль в делах сердечных. Ну и где же эта мымра?

– Никакая она не мымра, – неожиданно вступился за невесту домовый, – Между прочим, местами получше тебя будет! И к тому же к Фрею она не имеет абсолютно никакого отношения.

– Как не имеет? Сам же сказал, что она невеста короля! – завопила я, но тут же прикусила язык, потому что стена возле кровати пришла в движение.

Ой, как не вовремя! Надо не забыть этот занимательный диалог и уточнить потом у домового, какими же такими местами эта будущая королева лучше меня.

В комнату вошел король, сложил губы в подобие улыбки и вежливо предложил мне переодеться в предоставленные его щедрым величеством наряды.

В ответ я некоторое время молчала, раздумывая над тем, что эта образаина, оказывается, еще и улыбаться умеет, а также лихорадочно подыскивала подходящую причину для отказа.

Конечно, чего греха таить, если бы этот Фрей не был таким самодуром с колючими глазами, девицы к его ногам падали бы и без всякого принуждения, причем богатым урожаем. Неизвестно, зачем мужчина, обладающий такой красивой внешностью, выбрал путь тирана и деспота. Впрочем, мне сейчас не о нем нужно думать, а о том, как отказаться, чтобы живой остаться.

– Благодарю вас, ваше величество, – учтиво пропела я, скрывая брезгливую гримасу за коротким поклоном, – но я не нахожу себя достойной носить такие роскошные наряды! Воспитание, знаете ли, не позволяет.

– Твой наряд таит в себе какую-то магическую силу? – как-то странно посмотрел на меня Фрей.

– Вы о чем? – в свою очередь уставилась я на него.

– Многие колдуны предпочитают не расставаться с плащами, потому что они хранят в себе их магическую силу, – пояснил его величество, – Вероятно, твои э-э-э... штаны тоже из числа подобных вещей?

Я едва не почесала в затылке от удивления.

Мужик, это где же ты наслушался подобной хрени? И после таких перлов называешь себя Мудрым? Ну-ну, ума закрытая палата, а ключ потерян без возврата...

– Пойдемте со мной! – По-видимому устав ждать ответа, король приблизился ко мне и схватил за руку. Тут же охнул и отскочил.

Я поморщилась. Защиту убрать забыла, вот она и отреагировала. Король тоже отреагировал.

– Значит, так, – зашипел он, более не предпринимая попыток дотронуться до меня, –

либо ты сейчас же убираешь все свои примочки и общаешься со мной как нормальная женщина, либо я отдаю тебя в руки палача и Фараха. В конце концов, королевство вполне обойдется без простолюдинки вроде тебя!

В ответ я пожала плечами и убрала защиту. Если что, вполне успею пальнуть чем-нибудь. Но про себя подумала: «Интересно, чего он пытался добиться своей последней фразой? Всего лишь угрожал мне или убеждал себя в моей незначительности?» К тому же очень хочется выяснить, что значит «общаться, как нормальная женщина» в понятии короля.

Впрочем, учитывая наклонности его величества, вопрос может быть чреват очень крупными неприятностями. Лучше не рисковать.

ГЛАВА 14

Погрузившись в тягостные думы по поводу моего ближайшего будущего, я торопливо шла за королем по бесконечным коридорам. Как оказалось, дворец имел множество помещений под землей. А я-то, наивная, думала, что все, что возвышается на поверхности, и есть весь дворец.

Увы, нет, королевские палаты могли дать фору бункерам моего времени. И пусть здесь не было навороченной электроники и охранных заморочек, зато их отсутствие с лихвой заменяли вооруженные до зубов мужики, расставленные попарно у каждой двери. Надо сказать, меня они встречали весьма удивленными взглядами.

Несмотря на то, что мы спускались все глубже (коридоры четко шли по наклонной вниз), я не ощущала ни холода, ни сырости. Повсюду на стенах горели факелы, давая ровный свет, а бесконечные двери сменяли одна другую. Когда же, наконец, король остановился, я сначала уткнулась ему в спину от неожиданности и лишь потом затормозила.

Открыв очередную дверь, король за руку вытащил меня из-за спины и подтолкнул вперед. Я оказалась нос к носу с тем самым противным стариком, только на этот раз он заискивающе улыбался, глядя на меня своими выцветшими глазками.

– Посмотри, если ты мне поможешь, это все будет твоим! – неожиданно предложил король, бесцеремонно отодвигая старика в сторону и давая мне возможность оглядеться.

Я медленно обвела внимательным взглядом помещение. Оно напомнило мне пещеру Али-Бабы: россыпи золотых монет, сундуки, доверху набитые драгоценными камнями, статуи, увешанные потрясающими украшениями. Короче говоря, вся королевская сокровищница была передо мной как на ладони.

С одной стороны, подобный жест короля меня умилил: ну право, ваше величество, неужели вы всерьез полагаете, что, действуя подобным образом, вы можете меня купить? Неужели и в этом времени продажность столь высока, что превышает все мыслимые и немыслимые пределы?

С другой стороны, поразила беспечность короля: а вдруг мне придет в голову идея обчистить всю сокровищницу? Допускаю, что здесь много охраны, плюс старичок чего-то намагичил, но ведь он не вечный, старик-то! Вот подготовлю план, поднаторею в магии, свистну сокровища и подамся в дальние страны на ковре-самолете! Ищите меня сколько хотите! Я еще и политического убежища потребую. Весьма недальновидно со стороны величества.

Ну и с третьей стороны, так я и поверила в лестные байки «поможешь – все будет твоим». Во-первых, ни один король не очистит добровольно сокровищницу, независимо ни от каких услуг. А во-вторых, король явно считает меня дурой. Потому что только дура польстится на невыполнимые обещания.

Ну и с четвертой, последней стороны, во всем этом обязательно должен быть подвох. Теперь нужно подумать о том, как повести себя в данной ситуации. Конечно, проще всего прикинуться дурой. Вот только вопрос в том, сумею ли я, да и насколько мне это выгодно.

– Чего молчишь? – не выдержал Фрей затянувшейся паузы, – Не ожидала? Понимаю, в своей дыре ты вряд ли когда-нибудь могла увидеть подобную роскошь. А теперь подумай,

что это все может стать твоим, причем за совершенный пустяк!

Пустяк? Ну-ну... Чем больше кричат о таких вот «пустяках», тем серьезней и сложнее оказываются они на поверку...

– И чем же я, простая деревенская девчонка, могу помочь королю?

– Говорят же тебе: пустяк! Ты вот лучше на это ожерелье посмотри, – встрял старикашка. Подцепил из кучи золота ближайшее украшение и протянул мне.

Я лениво пропустила сквозь пальцы тонкую цепочку, на которой крепились несколько подвесок, и поморщилась:

– Мелковато что-то! Если уж пошла такая пьянка, хочу вон то ожерелье!

Повернувшись вслед моему указующему персту, старик крикнул, а король усмехнулся. Шею одной из статуй украшало роскошное широкое ожерелье: россыпь рубинов на золотой сетке. Причем складывались эти рубины в замысловатый иероглиф.

– А рожа не треснет? – неожиданно нагрубил старикашка.

Я усмехнулась: вот вы и прокололись, ребята!

– Помнится, всего лишь несколько минут назад мне была обещана вся сокровищница, а теперь вдруг выясняется, что мне отказывают в каком-то пустяковом ожерелье? – Я недоуменно пожала плечами, старательно придавая своему лицу глупое выражение.

– Пустяковом? – вскинулся старикашка, – Да ты знаешь...

– Фарах! – вопли старика неожиданно оборвал король, – Будь добр, заткнись! (Я тихо хмыкнула: ну и обращение у них!) – А ты наконец ответь, будешь мне помогать или нет?

– Сначала хотелось бы узнать, чем и в чем я должна помочь, – Я посмотрела на короля в упор, – А то вдруг пустячок окажется настолько непосильным, что и сокровища будут не нужны.

– Сокровища нужны всегда и всем! – отрезал король, – А насчет пустяка... Я предлагаю тебе должность придворного мага. Разумеется, под началом Фараха. Вот и все!

И все... Состроив заинтересованную мину, я отошла к ближайшей статуе и сделала вид, что рассматриваю украшения. Сама же лихорадочно обдумывала услышанное.

С виду все звучит вполне прилично, а вот на поверку отдает такой гнилью, что хоть нашатырь доставай. Кстати, любопытно, есть он в этом мире? Ведь стоит мне согласиться, и этот старикашка будет крутиться возле меня круглыми сутками, причем на вполне законных основаниях. И можно только догадываться, чем обернется для меня подобная внимательность с его стороны. Начиная от роли подопытного кролика для всевозможных экспериментов, заканчивая безвольной игрушкой в руках обоих.

Вполне возможно, во мне сейчас говорит паранойя, только старик не преминет засунуть свой дряблый нос во все, чем я живу и дышу. А это значит, никаких разговоров с Марусей и домовым, а также полное отсутствие личной свободы. К тому же для старика я как заноза в зад... ну, в общем, любить ему меня не за что. Так что от навязываемого контроля необходимо срочно избавляться. Что ж, попробуем...

– Слушай, величество, – обратилась я к королю, – Предлагаю продолжить наш разговор в более приватной обстановке и без лишних ушей. Согласен?

К словам я добавила томный взгляд, который скопировала в одной откровенной телевизионной рекламе (спрашивается, и куда только цензура смотрит, дети ведь тоже зрители).

Видимо, на короля так еще никто не смотрел (естественно, он же всех потенциальных претендентов давно распугал), поэтому мой взгляд подействовал на него как красная тряпка на быка. Он покраснел и тяжело задышал. Того и гляди, начнет землю рыть копытом, точнее, мозаичный пол долбить сапогом. Наконец промывав что-то невнятное, схватил меня за руку и потащил к стене. Нажал куда-то, открыл проход и, бросив на прощание Фараху: «Закроешь сокровищницу, если что, отвечаешь головой!» – скрылся вместе со мной в тоннеле.

Почти бегом миновав узкий длинный извилистый коридор, король в очередной раз остановился перед стеной, я же пыталась в это время безрезультатно унять дрожь в коленках.

Видя, как раззадорился король, я уже боялась оставаться с ним наедине. Тем более в мои планы совсем не входил интим, просто хотелось отделаться от Фараха, и наиболее правдоподобной уловки, чем вспыхнувшее желание, я придумать не смогла. Учитывая психологию самца, король не смог устоять против подобного предложения. А учитывая привлекательность этого самого короля, у старика не должно было возникнуть никаких подозрений на мой счет.

– Входи! – Справившись со стеной, король втолкнул меня в проем.

Подавив тяжелый вздох, я с тоской осмотрела комнату, единственным убранством которой была огромная кровать. Интересно, я хоть слово успею сказать, прежде чем величество набросится на меня? Блин, и почему все мужики думают только одним местом!

К счастью и вопреки моим опасениям, Фрей не стал набрасываться на меня прямо с порога. Лишь жестом указал на кровать и уставился мне в глаза, застыв возле стены и сложив на груди руки.

Вздыхнув, я расслабилась и, присев на край кровати, посмотрела на короля:

– Спасибо за то, что уважил мою просьбу! Итак, давай по-хорошему и без обиняков? Ваше величество, я понимаю, что нужна тебе только потому, что владею магией. А без магии свое королевство ты не удержишь. Ты же, в свою очередь, нужен мне, потому что я не хочу к палачу. Кстати, терпеть рядом с собой старика мне тоже не хочется, потому что он мне просто противен. Согласись, гораздо приятнее видеть рядом такого уверенного красавца, как ты. – Так, главное – с лестью не перестараться... – Поэтому предлагаю заключить взаимовыгодный для нас обоих договор. Я тебе – помощь, а ты мне – отдельные апартаменты, без надзора своего старикашки.

– И каждую ночь я в твоей постели! – хрипло подытожил король.

Я подавилась вдохом. Пока приходила в себя, Фрей без дальнейших разговоров набросился на меня. Опрокинул на кровать и принялся срывать джинсы.

Поначалу я стойко боролась, напрочь забыв о магии. Знаете ли, выдирать одежду из рук стокилограммового мужика (к слову, король был высоким и плечистым), извиваясь под этим самым мужиком, то еще удовольствие. Но когда услышала фразу, которая сбила меня с толку, рассмешила, а затем напомнила о незаурядных способностях, наподдала королю со всей своей магической силы.

– Пусти штаны, девка! – нутужно шипел его величество, вцепившись в мои джинсы, – Без них ты пустое место! Думаешь, я не понял, почему ты не тронула платье?

Я честно хотела рассмеяться, но не хватило дыхания. Затем король понял, что словами меня не достать, и решил достать распространенным мужским способом – попросту со всей силы заехал кулаком мне в висок.

Я сдавленно охнула, выпустив несчастные джинсы из рук, которые уже находились в районе колен, и припечатала величество первым пришедшим на ум заклинанием.

Король сполз на пол, не подавая никаких признаков жизни, а я вскочила с кровати, привела себя в порядок и схватила за голову. Убийство монарха – это же государственный переворот и немыслимое преступление! Пусть он, конечно, и сволочь порядочная, но ведь человек! Тот же старикашка, если узнает, четвертует меня прямо на расстоянии! Боже, что же делать?!

– Сматываться, и как можно быстрее! – кратко объяснил Тихон, материализовываясь прямо передо мной.

Впервые осознав, что время, проведенное со мной, не прошло для домового бесследно и лексикон моего мира с успехом укореняется в его пушистой голове, я с ужасом уставилась в желтые глаза:

– Но куда сматываться? Меня же теперь везде найдут!

– Дарья, это у тебя от страха все мозги отказали? – возмущенно воскликнул домовый, выразительно постучав себя кулачком по лбу, – Во-первых, тебя не найдут, потому что при желании ты сумеешь спрятаться или просто станешь незаметной. Выбор за тобой, а нужные заклинания в памяти. А во-вторых, жив твой король, только сейчас пребывает в

беспамятстве. Зато когда очнется, вряд ли будет настроен к тебе душевно и положительно. Так что беги, пока не поздно.

– Но как? Я же не выберусь из этого проклятого дворца! Здесь куча охраны! К тому же и Маруся в комнате осталась!

– Марусю я беру на себя, а ты открывай портал и беги куда подальше. Я тебя потом найду. Главное, не возвращайся в деревню.

– А куда же тогда? – озадачилась я, выискивая в памяти заклинание портала, никогда ранее мной не практикованное.

– Да хоть в лес, – отмахнулся домовой. – Только быстрее!

– В лес... – растерянno пробормотала я, удивленно рассматривая большой радужный круг, зависший в воздухе и непрерывно мерцающий.

Рядом застонали. Видимо, король понемногу приходил в себя. Я подскочила от страха, а затем огляделась по сторонам. Увидев, что домовой благополучно исчез, зажмурилась и сделала шаг вперед, растворяясь в радужном сиянии.

ГЛАВА 15

В уши приветливо ворвалось птичье пение. Тряхнув головой, я раскрыла глаза. Повинуясь моему невнятному бормотанию, портал вывел меня именно туда, куда я и просила – в лес. Крохотную полянку, на которой я в данный момент стояла, со всех сторон обступали густые заросли.

Интересно, как же меня Тихон найдет невесту в каком лесу?

– А Тихон – это кто? – неожиданно послышалось в шелесте листьев на легком ветру.

– Ой! – Я подпрыгнула и осмотрелась по сторонам. Никого не увидела. Пожала плечами и предположила: – Ну вот, уже и галлюцинации начались.

– А что за галлюцинации? – не унимался ветер.

– Кто здесь? – громко крикнула я, на всякий случай приготовив отражающее заклинание, позволяющее обернуть все козни противника против него самого. Эх, жаль, с королем я не додумалась до этого заклинания! Иначе попрыгало бы его величество со спущенными штанами!

– Эй, девка, а ну брось магией баловаться! – неожиданно припугнул меня голос. – Я не позволю портить лес без всякой на то надобности. Быстро сказывай, зачем пришла, а то войско комариное натравлю!

В подтверждение угрозы над ухом противно запищало.

– Да не собираюсь я портить лес! – рявкнула я в ответ. – Больно надо! И к тому же совершенно не мой профиль! Что за манера разбрасываться голословными обвинениями? Если хотите знать, в свое время я даже в Гринпис хотела податься. Или в «зеленые», если там откажут. Ясно?

Вряд ли невидимый собеседник понял мои слова, но внезапно воцарилась тишина, словно мир на несколько мгновений замер. Потом раздался тихий, но строгий голос:

– Сюда посмотри!

Я недоуменно обернулась. Никого не увидела.

– Да не туда, – укорил голос, – а сюда!

Я обернулась в другую сторону. Снова никого.

– Ну ты слепая, что ли? – воскликнул голос. – Тут же вот я! Считай, прямо перед тобой!

Увы, несмотря на заверение, прямо передо мной никого не оказалось.

– А может, хватит в прятки играть? – не выдержала я.

Мало того что умудрилась потеряться после почти удачного государственного переворота. Мало того что осталась, считай, без дома в этом чужом для меня мире и времени. Мало того что сейчас мне очень страшно за свою дальнейшую судьбу, а возвращаться в свой мир совсем не хочется. Так еще и какая-то невидимка будет мне тут голову морочить! Точнее, судя по голосу, какой-то невидимка.

– Может, и хватит! – неожиданно миролюбиво согласился голос, и в траве возле меня зашуршало, а затем прямо из воздуха начало вылепливаться какое-то существо.

Сквозь злость во мне заговорило любопытство, и, желая поближе рассмотреть собеседника, я присела на корточки. Существо завершило трансформацию и представилось:

– Леший я! И в прятки играть мне по обычаю положено. Али не знаешь?

– Понятия не имею, – честно ответила я, внимательно разглядывая лешего.

В магической книге Мироновны не было сказано ни слова о повадках лешего. Лишь только помню, как Тихон однажды рассказывал, что лешие любят хлеб. Вот только у меня с собой нет ничего съестного. Кстати, совсем скоро мне придется озаботиться добычей воды и пропитания, а то уже так кушать хочется, что и переночевать негде.

Леший молчал и внимательно наблюдал за мной из-под кустистых пучков травы, служивших ему бровями. Невысокого роста, вряд ли и полметра наберется, хозяин леса состоял из... этого самого леса. Туловище – из Двух шишек-переростков, голова – травяной шар; на голове – нагромождение дубовых листьев вперемешку с желудями – по-видимому, волосы; внимательные черные бусины ягод из-под травяных бровей – глаза. Ручки и ножки лешего состояли из обычных веточек, расхोдившихся на концах на несколько более тонких.

– Ты кто такая будешь? Зачем пожаловала? Что тебе в лесу нужно? – Леший наконец перестал меня разглядывать и засыпал вопросами: – А ну отвечай, а то комарам скажу, чтобы закусали!

– Слушай, ты достал уже своими комарами! – возмутилась я, вновь переходя из расслабленного состояния в возмущенно-воинственное, – У меня тут, можно сказать, жизнь рушится, а ты, вместо того чтобы помочь, еще и угрозами бросаешься! Хозяин называется! Пугало ты, а не хозяин!

– Ты кого это пугалом обозвала? – неожиданно грохнуло над моей головой.

Вокруг резко потемнело, а я вскочила на ноги, на всякий случай прикрывшись защитным куполом. Леший неожиданно вырос до исполинских размеров и теперь возвышался надо мной подобно могучему дубу.

Вместо того чтобы испугаться, я восхищенно раскрыла глаза. Вот такой хозяин леса мне нравился куда больше, чем фольклорное существо из прочитанных в детстве сказок. По этому поводу очень захотелось высказаться.

– Слушай, вот это я понимаю! Сразу видно, что хозяин! – заорала я, стараясь перекрыть шум поднявшегося ветра. В рот попал листок. Отплевавшись, подняла кулак, вытянув вверх большой палец: – Впечатляет!

– Почему не боишься? – удивленно грохнуло с небес. Даже ветер слегка приутих.

Ответить я не успела, потому что неожиданно мне в руки свалилась кошка, а рядом послышался знакомый голос:

– С нашими обычаями не знакома, потому и не боится!

– Тиша! Маруся! – Прижав к себе кошку, я наклонилась, чтобы подхватить домового, но тот отбежал от меня к лешему, который, увидав нового гостя, немедленно уменьшился в размерах. Парочка о чем-то зашептала. Я села в траву и принялась тискать кошку, которую в общем-то уже и не чаяла увидеть.

– Там во дворце такой переполох начался! – сообщила Маруська, стойко вытерпев шквал моих объятий и поцелуев. – Этот король, когда очнулся, дал приказ перевернуть каждую пылинку, но найти тебя живой или мертвой!

– Второй вариант звучит весьма оптимистично. – Я поморщилась.

– Не переживай, все будет хорошо! – подбодрила кошка. – Зато подумай, сколько пыли наглотаешься стража, пока будет тебя искать!

– Ничто не длится вечно. – Я вздохнула, – Это только в боевиках один на всех – и всех на фиг! В реальной жизни так не бывает. К тому же не забывай, там этот противный старикашка. Уж он-то меня точно из-под земли достанет в угоду своему королю.

– Подумаешь! – Кошка беззаботно махнула лапой, – Мы тут тоже не лыком шиты. Нас

просто так голыми руками не возьмешь. Кстати, что ты собираешься дальше делать?

– В оппозицию уйду! Если помнишь, нашим доблестным воякам как раз не хватает толкового мага.

– Ну-ну... – Кошка задумчиво прищурилась. – А с каких это пор вояки стали «нашими»?

Я усмехнулась:

– Ты лучше спроси, с каких это пор я стала толковым магом!

– Мне это тоже интересно. – К нам подошел домовый, сжимая в мохнатой руке краюху белого хлеба.

Я подскочила от удивления и вцепилась обеими руками в кусок:

– Откуда взял? Я тоже хочу!

– Да пожалуйста!

Сверху, прямо мне на макушку, свалился еще теплый ароматный каравай. Недолго думая я вцепилась в него зубами и, откусив едва ли не половину, принялась с наслаждением жевать.

Домовой задумчиво понаблюдал за мной некоторое время, размышляя о чем-то мне неведомом, а затем «подарил» еще крынку молока и отошел к лешему, который в данный момент был занят пирожками.

Внушительная горка вкуснейшей выпечки высилась прямо перед лесным хозяином, по высоте равняясь с листовенно-желудевой макушкой. Леший уплетал эти пирожки с завидной скоростью, словно это были какие-нибудь семечки. Словом, не успела я дожевать каравай и выпить молоко, как пирожки исчезли, словно их и не было.

Блаженно взмахнув руками-ветками, леший рухнул в траву, а домовый растянулся рядом. Оставив недопитое молоко кошке, я тихо подошла к обоим, присела.

– А почему тебе по обычаю положено в прятки играть? – поинтересовалась у лешего.

– Вести разговоры на полный желудок крайне вредно! – буркнул леший в ответ.

– Ну а все-таки почему? – не отставала я, для верности потыкав пальцем в одну из шишек, служивших лешему туловищем.

– Ну вот что ты пристала: «Почему да почему»? – возмутился леший, подпрыгивая в траве и принимая вертикальное положение. – Между прочим, незнание наших законов и обычаев вовсе не избавляет тебя от соблюдения элементарной вежливости по отношению к окружающим.

– Красиво сказал! – впечатлилась я. Сорвала травинку и сунула ее в рот. – Ну а все-таки – почему?

Леший закатил глаза-ягоды.

– Слушай, если в вашем мире все такие приставучие, то понятно, почему у вас никого не водится из наших!

– Из ваших, может, и не водится, – согласилась я, – зато своих хоть отбавляй! Одна милиция с рэкетом чего стоят!

– Таких не знаю. – Леший развел руки-ветки в стороны и покрутил травяной головой.

– Твое счастье! – парировала я.

Леший задумчиво помолчал, а затем неожиданно пустился в объяснения:

– Вот скажи, увидев в первый раз человека, ты сможешь сказать, что у него на уме и зачем ему понадобилось в лес?

– Ну-у... Если человек с корзинкой, то, вероятно, по грибы пришел или там по ягоды, – лениво предположила я.

– А ежели с топором? – Глазки-ягодки прищурились.

– Дерево срубить? – пожала я плечами.

– Верно! – кивнул леший. – А теперь глубже смотри: давать ему срубить дерево али нет?

– Если ему дрова нужны, то давать! – категорично заявила я, внутренне подбравшись в ожидании подвоха.

– Кому дрова, а кому гнезда и дупла загубленные! – припечатал леший, не сводя с меня прищуренного взгляда.

Я прикусила язык и замолчала, беспомощно подыскивая варианты для ответа. Вот он, подвох...

– Вот так-то! – воскликнул победно леший, подпрыгнув от распивавшего его чувства превосходства, – Не знаешь, что сказать? Ну да я тебе сам расскажу! Всего-то нужно, это привести человека к засохшему дереву. И птиц уберегу со зверушками, и сухие дрова легче горят. Только в своем настоящем виде я далеко не каждому показываюсь, поэтому прячусь, а человеку только тропинки нужные указываю, чтобы привели куда следует. А иного, задумавшего лихое, так закручу-заверчу, что неделю будет в трех соснах ходить, а дороги из леса не найдет. Вот так я в прятки играю! Поняла?

– Поняла, конечно, – кивнула я. – А скажи мне, леший, может, ты и мне нужную тропинку укажешь, чтобы привела куда следует?

– Да жалко, что ли? – Леший стрельнул глазами вбок. – Вот она, твоя тропинка. Иди по ней и не заблудишься. Только пирожков еще дайте, а то ко мне с такими гостинцами редко приходят.

– Это мы мигом! – ответил вместо меня домовый. На мгновение пропал из виду, а затем появился вновь. Вместе с ним появились три большие глиняные тарелки, на которых красивыми горками высились румяные пирожки, – Вот, угощайся на здоровье!

– Спасибо, леший... – Я наконец созрела для благодарности, но закончить свою речь не успела, потому что неожиданно, снеся горку пирожков, в меня врезалось нечто черное, лысое и ушастое.

– Крыс! – ахнула я, машинально отбившись от нападения и лишь потом рассмотрев бездыханное тело виновника устроенного беспорядка.

ГЛАВА 16

– Интересно, ты всегда сначала даешь по голове, а потом только соображаешь, кому и зачем? – задумчиво поинтересовался Тихон, неторопливо вышагивая по тропинке впереди меня.

Посмотрев на азартно нарезавшего широкие круги по поляне Крыса, я виновато опустила голову. Сама перепугалась до смерти, разглядев бездыханную тушку крысолака на коленях. К счастью, с этой мечтой зоопарка ничего не случилось. Ну а вдруг случилось бы?! Я же первая рвала бы на себе волосы.

Маруська вынырнула из ближайших зарослей высокой травы, тоненько хихикнула и скрылась обратно. Ситуация с крысолаком впечатлила всех, даже леший не стал ругаться из-за рассыпавшихся пирожков. Впрочем, с хозяином леса мы распрощались довольно давно и уже несколько часов шли по указанной им тропинке.

– А скажи мне, Тихон, – в свою очередь, обратилась я к домовому. – Откуда ты среди леса пирожки берешь?

– Все мое ношу с собой! – гордо ответил домовый, не удостоив меня даже взгляда.

– А подробней?

– Экая ты недогадливая! – Домовой остановился и сунул нос в ближайший цветок. Из него с громким жужжанием вылетел шмель. – Я же домовый! Хотя теперь, скорее, мешковой. А значит, в любой момент могу получить доступ к нашему дому. Ты же меня из него не выгоняла. Просто предоставила второе жилище, только и всего.

– То есть, – опешив от услышанного, я остановилась, – хочешь сказать, что, несмотря на расстояние, ты мотаешься за секунду в нашу деревню и обратно?

– Ну это у тебя здесь секунда, а у меня время иначе течет, – поправил меня домовый. – Я и за домом присматриваю, и пирожки испечь успеваю.

– Ничего себе! – Я озадаченно присвистнула, проникнувшись еще большим уважением к мохнатому другу.

– Знай наших! – прищурился домовой.

– А ну стоять, руки за голову! – неожиданно рывкнули из-за ближайшего дерева.

Я послушно остановилась, приготовив отражающее заклинание, но не активировала его, памятуя недавнее высказывание Тихона о том, что я сначала даю по голове, а потом только соображаю. В конце концов, даже если мы наравались на разбойников, все равно сумеем выбраться.

– Кто такая? – Из-за деревьев ко мне, окружая в кольцо, шагнули несколько мужчин, угрожающе нацелив луки и арбалеты.

С первого взгляда в глаза бросились тонкие, тускло блестящие на солнце кольчуги и добротные сапоги с заправленными внутрь штанами не первой свежести. Оно и понятно: помотайся по лесу, потришь о кору деревьев и траву – та еще чистота получится. С загорелых заросших лиц на меня смотрели четыре пары серьезных, но ясных глаз без малейших признаков агрессии.

«Им бы автоматы – смотрелись бы куда внушительней!» – подумала я про себя, а вслух сказала:

– Ребята, если грабить надумали, то не советую. Ни денег, ни золота у меня отродясь не водилось. Это вам к королю надо. У него сокровищница забита под завязку побрякушками. А насчет того, кто я такая, сами посмотрите – вполне себе обычный человек и иду своей дорогой. И мешать мне очень не советую.

– Если обычный человек, то почему сама с собой на весь лес разговариваешь?

На весь лес? Ну это он загнул, конечно! Мы с Тихоном совсем не шумели. Кстати, а где Крыс и Маруська? Только бы не вздумали сейчас показываться!

– Что молчишь? – Мужик напротив угрожающе ткнул в мою сторону наконечником арбалетной стрелы, – Отвечай, почему сама с собой говорила!

– Да мало ли какие у людей странности бывают, – Я равнодушно пожала плечами. Почему-то, несмотря на щекотливую ситуацию, страха не было. – Ребята, а вы разбойники? – поинтересовалась я.

– А что, похожи? – хохотнул другой, – А расскажи, голуба, откуда ты знаешь, что у короля сокровищница под завязку набита?

– Сам показал.

– И за какие же это заслуги перед тобой сокровищницу распахнули? – нехорошо прищурились мужики. Вопрос вырвался практически у всех одновременно.

– И почему у мужчин всегда одно на уме! – Я поморщилась, а затем предложила: – Слушайте, уважаемые, вы, наверное, в этом лесу знаете все и всех гораздо лучше меня? Поэтому давайте сделаем так: вы расскажете мне, где я тут могу найти вояк, мечтающих свергнуть короля, а я, в свою очередь, расскажу вам, какими окольными путями попала в сокровищницу. Идет?

– Ты шпионка? – внезапно догадался самый молодой из всех. На вид парню было едва за двадцать.

– Угу, а ты папа римский, – огрызнулась я. – Глаза раскрой! Была бы я шпионом, точно бы к вам в руки не попала!

– Зачем тебе нужна армия повстанцев? – не унимался паренек.

– Добровольцем записаться. – Я устало закатила глаза. – Им вроде как мага не хватает. Вот я и решила возложить на себя добровольные обязанности. Или там уже нашли подходящую кандидатуру?

Парни переглянулись. Один из них неожиданно выпустил стрелу. Чувствуя, как сердце рухнуло в пятки, я активировала отражающее заклинание. Стрела ударилась о щит и развернулась к горе-стрелку. К счастью, из-за того, что расстояние между мной и мужиками было непозволительно коротким, а сила натяжения тетивы во много раз превысила скорость полета, смертоносное оружие сломалось о мой щит и вернулось к стрелку в сломанном виде, не причинив последнему никакого вреда.

«Ура! – образованно взвизгнула я про себя. – Получается, уже и стрелы отводить

умею!» А вслух заорала:

- Идиот! Совсем с ума сошел – вот так запросто в людей стрелять!
- Если ты маг, как говоришь, то стрела для тебя не опасна, – коротко объяснил мужик, ничуть не смутившись от моей грубости.
- Я не маг, я – ведьма! – огрызнулась я, все еще пребывая в состоянии дикой ярости.
- Ну тогда пошли, ведьма! – Мужик приглашающе махнул рукой в гущу леса.
- Куда пошли? – Я подозрительно прищурилась.
- Как это куда? Ты же хотела к повстанцам. Или уже передумала?

Повстанцы! Повстанцы... Повстанцы?

Поначалу с удивлением, а под конец с откровенным недоумением я осматривалась по сторонам, разглядывая сборище мужиков, беспорядочно расположившихся на поляне и гордо именующих себя армией повстанцев. Уж не знаю на кого, но на армию они точно не тянули.

Нет, я, конечно, согласна, что любой человек с колюще-режущим оружием в руках, будь то мужик, баба или даже малолетний пацан, становится весьма опасен для окружающих. Но в армии, если уже на то пошло, должна быть хоть какая-то дисциплина и амуниция, наконец! Или долгое сидение в лесу безвозвратно превратило всех вояк в сборище бомжей?

Черные пятна выжженной кострами травы на поляне (и куда только леший смотрит!); мужики, тесными кругами сидящие у этих кострищ; привязанные в тени деревьев лошади; бряцание оружия, доносящиеся отовсюду шутки, смех... Романтика, да и только! Но стоило присмотреться внимательней, а тем более приняться, как мне тут же захотелось бежать отсюда как можно дальше.

Огромной бочкой дегтя в ложке меда оказалось то, что над поляной витало неповторимое амбре немых человеческих тел вкупе с лошадиным потом. Тихон шагал впереди меня, залепив место, где предположительно у него находился нос, листом неизвестного мне растения. Я молча завидовала домовому белой завистью, искренне радуясь тому, что его никто, кроме меня, не видит. Маруся и крысолук на глаза не показывались, но я чувствовала, что они неподалеку.

К счастью, довольно скоро дышать стало легче – мои провожатые остановились перед невысоким шатром, стоявшим на краю поляны, под тенью деревьев, на некотором расстоянии от основного сборища вояк. Молодой парень нырнул внутрь. Прошла пара минут, и он выскочил из шатра, махнув мне рукой:

– Входи, ведьма, тебя ждут!

Домовой после этих слов растворился в воздухе, по всей вероятности вернувшись в мешочек у меня на шее. Кивнув парню, я откинула полог и вошла в шатер.

– Так вот ты какая, ведьма! – послышался из глубины звонкий девичий голос, – Ну проходи, садись, рассказывай, зачем пришла.

В крыше шатра зияло круглое отверстие, через которое внутрь проникал свет, довольно сносно освещая на удивление комфортное убранство и молодую девчонку, приветливо мне улыбающуюся.

На всякий случай я пробормотала «здрассте» и с любопытством уставилась себе под ноги, мучительно соображая, нужно ли снимать обувь для того, чтобы пройти по ковру, укрывавшему пол шатра, или же шагать прямо так, без заморочек.

– Ну иди же! – поторопила меня девчонка. – Чего задумалась?

Я прошла по ковру и присела рядом с девчонкой, скрестив ноги по-турецки.

Миловидная, с двумя толстенными иссиня-черными косами и глазами, словно спелые вишни, она лучилась озорством. Вместе с тем в ее небрежной позе чувствовалась грация дикой хищницы. Такая при случае прирежет не задумываясь. Недаром на поясе кинжал висит. Рядом с девчонкой я неожиданно ощутила себя бледной мышью: мало того что блондинка, так и грацией такой кошачьей не обладаю. Да – стройная, да – подтянутая, но...

другая.

– Я Гертруда! – протянула девчонка узкую ладошку. – Королева здешнего войска.

– Дарья. Ведьма. – Я ответила на рукопожатие, раздумывая сразу над двумя вещами. Во-первых, для такой девчушки, как эта, имечко было тяжеловато, как кирпич для воробья, а во-вторых, королева-то тут при чем? Или здесь, куда ни плюнь, попадешь в особу царских кровей?

Впрочем, учитывая ковер, на котором мы сейчас сидели, кинжал, украшенный позолотой и камнями на рукояти и ножнах, а также потрепанную, но со следами былой роскоши одежду на девчонке, можно сделать выводы о том, что эта Гертруда привыкла жить со вкусом и на широкую ногу.

– Ну что, ведьма Дарья, – девчонка лукаво подмигнула, – давай рассказывай!

ГЛАВА 17

Мы просидели за разговорами до позднего вечера. Понимая, что терять мне в общем-то нечего, а отступать некуда, я рассказала Гертруде все, начиная с того момента, когда на пороге моего дома появился королевский прихвостень в зеленом кафтане и до самого побега из дворца.

Девчонка слушала, не перебивая, но когда я закончила рассказ, пустилась в пространные рассуждения, периодически задавая вопросы.

– Когда Фрей занял престол, он велел своему Фараху уничтожить любого, кто владеет хоть каплей магических способностей, – настолько боялся за свою жизнь. Боялся и того, что найдется кто-нибудь, кто окажется сильнее придворного мага. На все въездные пути этот маг наложил заклинания, которые не впускают чужаков, мы живем, словно под колпаком, отрезанные от всего мира. Никто не может войти и никто не может выйти. К нам даже торговые караваны не ходят!

– Зачем же вы выбирали такого правителя? – поразила я.

– Выбирали? Мы? – Девчонка горько усмехнулась. – С каких это пор правителя можно выбрать?

С наших! – хотела было ляпнуть я, но вовремя придержала язык. Во-первых, Гертруда понятия не имеет о том, что я из другого мира, а во-вторых, даже у нас власть бывает продажа – часто побеждает тот, кто больше платит. Так стоит ли хвалиться?

– Престол передается по наследству от отца сыну и далее, – продолжала девчонка, к счастью, не заметив моего состояния, – но Фрей при помощи своего мага отобрал престол у брата.

– Ясно, – кивнула я, – Как говорится, было у отца два сына, старший та еще скотина.

– Точно! – усмехнувшись, подтвердила Гертруда. – Только в данном случае скотиной оказался не старший, а младший брат.

– Брат... – рассеянно повторила я, нащупывая какую-то смутную, еще толком не оформившуюся мысль.

– У короля-отца появились близнецы. Такое крайне редко, но случается, хотя обычно Всевышний награждает правителей одним ребенком. В данном случае появились два мальчика. Один был похож на мать – синеглазый брюнет с ясным взглядом, вдумчивый, общительный и вечно влипающий в неприятности из-за своего пытливого ума. Второй оказался копией отца и полной противоположностью брату: блондин с льдистыми глазами, холодный и молчаливый, вечно строящий козни исподтишка. О таких, как он, говорят: сделал гадость – на сердце радость.

Услышав знакомое высказывание, я даже закашлялась. Вот уж не думала, что у знаменитой ироничной присказки моего времени «ноги растут» черт знает с каких времен!

– До поры до времени братья ладили, но когда умер король, тут-то Фрей и показал свою истинную натуру во всей красе. Он убил брата и захватил престол. Хотя в народе ходят слухи, что Грею удалось каким-то образом избежать смерти. Вполне возможно, слухи не

лишены оснований, потому что дыма без огня не бывает, тем более что никто не видел тело Грея, да и похорон никаких не было. Только я лично думаю, что, если бы Грей остался в живых, я узнала бы об этом в первую очередь.

– Почему именно ты? – тихо спросила я, глядя на грустное, слегка осунувшееся лицо собеседницы.

– Да потому что Грей мой жених. Если бы не вмешательство Фрея, я уже давно была бы замужем. Вот так. Этот самодур в одночасье лишил меня всего: счастья, любви, даже моей собственной жизни. Да падет на его голову гнев небесный! Да растерзают шакалы его мерзкую плоть!

– Как же сильно ты должна его ненавидеть! – прошептала я, до глубины души пораженная услышанным.

– Да уж, – призналась собеседница. – Именно поэтому я собрала армию и готовлюсь лично снести голову этому мерзавцу! Тем более что все равно не могу вернуться в свои земли. А ты бы на моем месте как поступила?

– Да точно так же! А что означает «не могу вернуться в свои земли»? – не поняла я.

– Да просто, – отмахнулась Гертруда. – Я же из южных земель. Тамошняя принцесса. Приехала сюда на собственную свадьбу, а получила, образно говоря, похороны. И к своим теперь вернуться не могу из-за бесчисленных постов на дорогах, и за жениха не могу толком отомстить из-за мерзкого королевского прихвостня!

– Одежду смени, переоденься крестьянкой – и пройдешь посты, – небрежно пожала я плечами.

– Думаешь, все так просто? – Гертруда подняла на меня донельзя удивленные вишни глаз. – Да обозы на выходе так шерстят, что не позавидуешь! А с женщин платки стягивают, чтобы на косы посмотреть.

– Так постригись, – предложила я. – Или покрась волосы.

– Ни за что, – вздохнула Гертруда. – Да и не поможет. Во-первых, Грей любил мои волосы, любил зарываться в них лицом в моменты наших свиданий. Так что я не трону косы хотя бы в память о нем. А во-вторых, Фрей ведь и сам на меня глаз положил. Понравилась я ему, видите ли. Так что он меня с любыми косами узнает.

– Говоришь, Фрей блондин, а Грей брюнет? – наконец дозрела я в своих размышлениях. – Когда ко мне приходил мужик из королевских приспешников и показывал портрет разыскиваемого преступника, то мужчина на портрете как раз был очень похож на короля. Только взгляд был добрый такой, надежный. Я, кстати, когда Фрея в первый раз увидела, так и подумала, что это тот, кто на портрете. Потом только поняла, что цвет волос разный. Да и глаза тоже разные.

– Полагаю, на том портрете и был Грей, – усмехнулась Гертруда. – Ну и как он тебе, понравился?

– Ну да, – кивнула я, решив, что не стоит скрывать очевидного. К тому же если я отвечу, что Грей некрасив, то вызову куда больше подозрений у девчонки, не говоря уже о банальной обиде.

– Вот я за своего красавчика и откручу голову этому мерзавцу! – воскликнула принцесса, молниеносно выхватывая кинжал из ножен и воинственно потрясая им в воздухе.

Я невольно отшатнулась. Не люблю колюще-режущие предметы, даже в руках у принцесс.

– Ладно, Дарья. Давай, что ли, спать ложиться. – Гертруда неожиданно успокоилась, убрала кинжал. – Завтра с утра будем проверять твои способности. Кстати, что-то мои мужики совсем забыли о нас. А может, просто мешать разговорам не хотели. – Девчонка расслабленно потянулась.

– Ты о чем? – спросила я, деликатно зевнув в кулак.

– А о том, что без ужина нас оставили, – пояснила принцесса. – Я бы сейчас не отказалась от чего-нибудь горяченького. Да и ты, думаю, проголодалась. Пойти к дозорным, что ли, да заодно крышу пологом накрыть, хотя дождя вроде не ожидается.

В ответ я лишь развела руками, а возле меня неожиданно материализовался домовой. Озорно подмигнув, поставил на ковер чугунок с жарким и, помахав ручкой, сообщил, что уходит покормить живность, которая ждет неподалеку. Я моргнула в ответ, показывая, что поняла и услышала. Домовой исчез, а я окликнула принцессу, уже откинувшую полог шатра.

– Труди, посмотри – такая еда тебя устроит?

Принцесса приблизилась, вдохнула аромат жаркого и уставилась на меня долгим восхищенным взглядом.

Я смутилась – не привыкла приписывать себе чужие заслуги, – и указала на торчащие из чугунка черенки двух деревянных ложек:

– Давай есть, а то остынет.

Несмотря на тяжелый, насыщенный событиями день, сон ко мне не торопился. Я вертелась на щедро выделенном принцессой одеяле и уже в десятый раз прокручивала в голове наш разговор. Как жаль, что красавчика с портрета уже нет в живых. Увы, это только в песне поется, что все могут короли...

Лунный свет, льющийся из дырки на крыше шатра, неожиданно загородил чей-то силуэт. Я сначала вздрогнула, а потом рассмотрела узкую крысиную морду со встопорщенными пучками усов. Крыс сунулся в шатер, настороженно понюхал воздух, затем решил, что ему здесь ничего не угрожает, и легко спрыгнул ко мне на одеяло. Следом за ним в дырке мелькнул второй силуэт, и рядом со мной приземлилась Маруська.

– Привет! – тихо мурлыкнула кошка. – Не соскучилась тут без нас?

– Соскучилась, еще как соскучилась! – шепотом обрадовалась я, опрокидывая кошку на одеяло и прижимая к себе. – Я уже волноваться начала.

– Ведьма, может, все-таки поспишь? – сонно предложила Гертруда, поворачиваясь с боку на бок. – А ежели заклинания какие шепчешь, то потише, спать ведь мешаешь!

Я притихла, словно мышь под веником, и послушно закрыла глаза. Теперь, когда Маруся рядом, а крысолок свернулся в ногах, можно было и поспать.

По моим ощущениям, прошло всего несколько минут, когда прямо над ухом пронзительно завизжали. Я подскочила на одеяле, еще толком не соображая, что к чему, но ошестинившись сразу десятком пульсаров.

– Ведьма, убей это! – надрывно вопила Гертруда, тыкая пальцем в противоположную стену, – Убей это, пока оно нас не укусило!

Присмотревшись в рассветных сумерках, я погасила пульсары, подошла и подхватила Крыса на руки.

– Не бойся, это моя домашняя зверушка! – успокоила я, – Вчера, когда твои ребята вели меня сюда, он просто потерялся по дороге.

– А это тоже твоя зверушка? – Принцесса ткнула пальцем в лежащую на одеяле Марусю.

– Ну да. – Я пожала плечами. – Только не говори, что еще и кошек боишься.

– Я никого не боюсь! – вдруг надулась принцесса. – А кричала просто от неожиданности. Надеюсь, больше домашнего зверья у тебя нет? Если есть, лучше сразу покажи!

– Больше нет. – Я миролюбиво улыбнулась, решив не рассказывать о Тихоне. В конце концов, принцесса спросила о животных, а домовый никак не животное.

– Тогда давай дальше спать. – Вздыхнув, Гертруда вернулась на одеяло и моментально уснула.

Я посадила крысолока к себе на одеяло и погладила его по ушастой голове. Зверь показался мне не на шутку расстроенным, но, к сожалению, в силу определенных обстоятельств не мог объяснить причину своей хандры. Чувствуя, что засыпаю, я потеснила Марусю и легла, прижав лопоухого уродца к своей груди. После чего моментально уснула.

ГЛАВА 18

Пробуждение на этот раз оказалось куда более тихим. Гертруда просто потрясла меня за плечо, вынуждая распрощаться со сном.

– Труди, опять что-то случилось? – сонным голосом поинтересовалась я, с трудом разлепив веки.

– Ничего, утро пришло, – улыбнувшись, пояснила девушка.

Я встала, подавив зевок, потянулась. Потом скатала одеяло. Крыс отсутствовал, зато Маруся спокойно сидела у входа и внимательно за мной наблюдала. Разговаривать с ней при Гертруде я не решилась.

– Сразу за шатром деревья, пройдешь вглубь, увидишь ручей. Там можно умыться. Потом подходи на поляну, завтракать будем, – скороговоркой объяснила принцесса, потом осеклась и взглянула на меня смущенно: – Только не обессудь, наша каша совсем не чета твоему вчерашнему жаркому.

– Не страшно, пережужим! В смысле, переживем, – растерявшись, выдала я.

Девушка рассмеялась и исчезла за пологом.

Я взяла на руки Марусю и тоже вышла из шатра.

Светило яркое солнце, на поляне уже горели костры, над которыми висели исходящие паром котелки, а в зелени деревьев звонко щебетали птицы. Приветливо помахав заметившим меня мужчинам, я пошла за шатер.

К счастью, ручей оказался неподалеку, и дорога к нему заняла не более пяти минут. Отпустив кошку на траву, я склонилась над ручьем. Не по-летнему холодная вода приятно освежила и взбодрила.

– Ну что, познакомилась с будущей королевой? – любопытствовал Тихон, неожиданно появившись передо мной и напугав до нервного тика. – И как она тебе?

– Да ничего, очень даже приятная девушка, – честно ответила я. – Только какая же она будущая королева? Скорее, несостоявшаяся.

– Ну, рано или поздно она все равно станет королевой, – философски подытожил домовой, сунув мне в руки чистое полотенце. – Вот, возьми. А это отнесешь на поляну своим воякам. Я посчитал, должно всем хватить.

На траве появилась небольшая кадка, доверху наполненная... пирожками. Я задумчиво склонилась над угощением.

– Мало того что ты за мной смотришь и меня балуешь, так теперь решил взять шефство и над целым войском? Не тяжело тебе, Тиша?

– Смотреть за тобой и обеспечивать тебе нормальные условия для жизни – моя прямая обязанность, я же твой домовый, а не чужой. А насчет парней... Просто жалко стало! Кто им тут, среди леса, пироги испечет? Только кашами да дичью перебиваются. Кстати, ты пирожки-то раздавай, а сама присматривайся повнимательней: может, и понравится кто! – неожиданно подмигнул пушистик.

– Тиша, ты что? – Я выпрямилась и уставилась на домового, словно баран на новые ворота. – Они же все немытые, словно чушки! И к тому же у них семьи в городе остались, жены там, дети. Вот если бы красавчик, которого преступником обзывают, оказался жив, тогда... – Я мечтательно прикрыла глаза.

– Грей? – Вопль домового выдернул меня из романтических мечтаний, с размаху приложив о землю. – Ты с ума сошла? Разве не слышала, кому он в мужья предназначен? И... и к тому же нет его, и точка! И чтобы я больше подобных глупостей от тебя не слышал!

Удивившись внезапной агрессии домового, который вопил так, что только слюной не брызгал, я положила полотенце на траву, подняла кадушку, оказавшуюся совсем не тяжелой, и направилась к поляне.

В конце концов, а чего я, собственно, такого сказала? Да, Грей красив, словно... ну, красив, в общем, и все тут. Но я прекрасно знаю, что, во-первых, у него есть невеста, а во-вторых... будто уже и помечтать нельзя!

– Только не влюбись, – тихо прошептал мне вслед домовой, когда я скрылась за деревьями, – От этого еще хуже будет!

– Ребята, кому пирожков горячих? А ну, налетай! – Стоило мне только появиться возле костров со своей кадушкой, как мужчины побросали свои котелки и столпились вокруг меня. Постепенно сформировалась очередь. Я едва успевала совать горячие пироги в протянутые ладони.

– Красавица, где пирожки взяла? – подмигнул вчерашний мой знакомый, допытывавшийся насчет того, почему я сама с собой в лесу разговаривала.

– У ручья нашла, – улыбнулась я, – Иду себе, а она стоит. Наверное, зайцы испекли.

– Ой и хороши нынче зайцы! – Паренек покачал головой, явно собираясь сказать что-то еще, но его довольно быстро оттеснили в сторону. Через несколько минут на траве осталась пустая кадушка. Пирожки закончились. Очередь, впрочем, тоже подошла к концу.

– Хорошо придумала, – похвалила меня Гертруда. – И пирожки вкусные. Повезло нам с тобой! А еще что умеешь?

– Ну не знаю... – Я задумчиво пожала плечами, – Вроде много всего, но так сразу не вспомню. Ты лучше закажи что-нибудь, а я сделаю.

– Одежду мою можешь в порядок привести, а то истрепалась вся?

– Легко! – Я ухватила двумя пальцами за подол и быстро нашептала нужные слова.

Принцессу окутал легкий дымок. Спустя мгновение, расшитая бисером и бахромой рубаха вместе с бархатистыми штанами смотрелись как новые. Идея чрезвычайно понравилась наблюдавшим за процессом превращения мужикам. Снова выстроилась очередь...

В течение следующих нескольких часов я только и делала, что стригла, брила, латала и занималась прочими очистительно-восстановительными работами. Разумеется, никаких особых усилий для этого мне не требовалось, но очередь показалась бесконечной. Конечно, магия значительно упрощает жизнь, но только окружающим. Лично мне как ведьме очень быстро захотелось полезть на стенку. Разумеется, не полезла. Во-первых, из-за отсутствия этой самой стенки, а во-вторых, терять авторитет в глазах целого войска мужчин, которые теперь, после моего интенсивного вмешательства, стали походить и на мужчин, и на войско, мне очень не хотелось.

Когда наконец очередь подошла к концу, а я прошла магией не только по воинам, но заодно по лошадям и оружию, я без сил опустилась на землю и получила на руки миску с уже остывшей кашей. Мужички виновато заулыбались и тихо разошлись в разные стороны, оставив меня наедине с усталостью, грустными мыслями и собственно кашей.

Вяло поковыряв ложкой успевшую загустеть до состояния клейковины серую массу, своим видом окончательно лишившую меня аппетита, я отставила миску и направилась в лес. В ближайшее время моя помощь вряд ли кому потребуется, а значит, я имею право на свободное время и на прогулку.

Трава вперемешку с опавшими листьями послушно ложилась под ноги, легкий ветер мягко перебирал волосы, а от звонких голосов щебечущих птиц, укрытых от глаз пышной листвой, на душе разливалось спокойствие. Только, несмотря на столь уютную окружающую обстановку, мне было грустно. Убедившись, что отошла довольно далеко, настолько, чтобы не слышать доносившиеся с поляны голоса, я растянулась в пышной траве под раскидистым деревом. Сорвала травинку и принялась задумчиво жевать стебелек.

Подумать только, ведь с того момента, как я оказалась в этом мире, прошло всего несколько месяцев, но почему-то нынешняя моя жизнь со всеми ее необычностью и ощутимым налетом жанра народных сказок казалась мне сейчас настоящей и единственной. Прошлая же жизнь воспринималась словно дурной сон.

Жители этого мира не были озабочены проблемой ядерных войн и терроризма, никогда не слышали ненормативных выражений великого в своей разнузданности матерного языка, не посещали стилистов и прекрасно обходились без сотовой связи и Интернета. Права была

Мироновна, сказав в самом начале, что в этом мире и без достижений моего времени я найду много нового и интересного. Так и есть. Только вот теперь, на фоне всех этих открытий, вполне закономерно возникла следующая проблема: я не хочу возвращаться.

Это как если вдохнуть глоток лесной свежести, а потом вернуться в комнату с кондиционером. В первом случае – все настоящее, во втором – все фальшиво. Подобную ситуацию показывали в фильме «Матрица»: увидев правду, человек не захочет вернуться в ложь. Но на экране подобная ситуация воспринимается иначе, совсем не так, как наяву.

Разумеется, меня никто не гонит обратно ровно до тех пор, пока я сама не захочу вернуться. А я не захочу. И нужно будет об этом сказать Мироновне, когда она придет в следующий раз. Кстати, что-то давно она не появлялась. Интересно почему?

– И что ты будешь дальше делать?

Я вздрогнула от неожиданности и посмотрела по сторонам. Из-за дерева вышла Маруся, а за ней по пятам крался крысолок.

– В каком смысле? – Расслабленный воспоминаниями мозг отказывался столь скоро соображать. – Жить буду, если пинком под зад обратно не выгонят.

– Я не об этом, – Кошка задумчиво прикрыла глаза. (Похоже, философское настроение сегодня не у меня одной.) – Надеюсь, ты помнишь, что у тебя появились враги? Точнее, один враг.

– А-а-а, ты про старикашку, что ли? – догадалась я. – Ну помню, как же. Такую образину вряд ли забудешь!

– Ну и что ты собираешься с ним делать? – на помощь кошке пришел домовой, появившийся в нашей скромной компании, как всегда, без предупреждения.

– Истребить его – и дело с концом! – наугад брякнула я. – Или имеются еще какие-нибудь варианты?

– Допустим... – Домовой сосредоточенно почесал в затылке. – И как же ты его истребить собираешься?

– А-а-а... – Не найдя достойных вариантов ответа, я растерянно замолчала.

Действительно, назвалась ведьмой, пришла к людям, мол, вот она я, волшебная, блин, палочка для осуществления вашего заветного желания. А как на деле осуществить это самое желание, даже не подумала. Бытовая магия – это же совсем не боевая, а в боевой магии я полный... теоретик. В смысле, на практике абсолютный ноль. Если из какого-то несчастного полива умудрилась устроить целый потоп, то что же будет, когда я начну практиковаться в боевых заклинаниях!

– Ты не делай такие страшные глаза, а лучше почитай вот это, – Домовой протянул до боли знакомую книжку в потрепанном переплете.

– Да я ее уже раз сто читала! – возмутилась я, отпихивая томик.

– Ничего, прочтешь в сто первый. – Тихон все-таки сунул книгу мне в руки. – И причем чем внимательней будешь читать, тем лучше.

На колени шустро забрался крысолок и уткнулся мокрым носом в ладонь. Удивившись, я положила книгу в траву и погладила зверя по голове.

– Чего тебе, ушастик?

«Ушастик» поднял морду и впился мне в глаза немигающим взглядом. В яркой синеве зрачков неожиданно вспыхнула надежда, перешедшая в отчаянную мольбу, словно от меня зависела едва ли не жизнь этого странного существа. Взгляд давил, мешая дышать, и вместе с тем дарил какое-то необъяснимое блаженство. Ощущение было сродни наркотику – вроде и сладко, а вместе с тем губительно. К счастью, зверь отвел глаза и, коротко твякнув, быстро скрылся за деревьями.

– Что это с ним? – Я отрешенно посмотрела ему вслед, а затем перевела взгляд на домового.

– Ты читай! – коротко посоветовал он и растворился в воздухе.

– Марусь?.. – Я обернулась к кошке, но пестрой красавицы и след простыл.

Осознав, что осталась совершенно одна, я разочарованно раскрыла томик и пораженно

вскрикнула. Между исписанными страницами лежала самая настоящая фотография свергнутого короля – красавца Грея, – точная копия того портрета, который был в руках у мужика в зеленом кафтане. С небольшого бумажного прямоугольника на меня смотрели ярко-синие, пронзительные, до боли знакомые глаза. Глаза, которые я видела всего несколько минут назад. Крыс...

ГЛАВА 19

Крыс... Крыс?!

Я озадаченно потрясла головой, все еще будучи не в силах осознать и принять столь неожиданное открытие. Если когда-то шутка по поводу похожести глаз Грея и очей тощего уродца показалась мне смешной, то сейчас шарахнула по голове своей явственностью. А что, в этом мире, под завязку напичканном магией, может произойти все что угодно, даже превращение человека в животное... Почему бы и нет?

С другой стороны – нет, не может быть! Подобное просто невозможно! Чтобы этот красавец оказался крысолоком? Точнее, крысолок оказался красавцем? Крысолок никак не может быть Греем, потому что крысолок – это крысолок, а Грей, соответственно, – это Грей. А глаза – просто случайное совпадение. Достаточно оригинальное, но все же совпадение. Просто, видимо, я настолько сильно хочу, чтобы Грей, вопреки проискам его непутевого брата, оказался жив и здоров, что готова его увидеть в ком угодно, даже в крысолоке.

Немного успокоившись, я повертела в руках фотографию. Очень похоже, что, создавая этого красавца, природа явно пребывала в состоянии пьянящей влюбленности. От Грея просто невозможно было отвести глаз. Ранее я сравнила его с Бандерасом. Да, конечно, определенное сходство было, но актер моего времени удавился бы от зависти, увидав здешнего свергнутого короля. Только, к счастью, подобное столкновение никому из двоих не угрожает, ни актеру, ни королю. Хорошо, что король. Плохо, что свергнутый. Ничего, Грей, ты только окажись живым, а уж твое право на трон мы быстро восстановим. Кто такие мы? Ну я, разумеется, и невеста твоя, которая уже неизвестно сколько времени отсиживается в лесу, горя праведной мстью.

Эх, вот была бы я твоей невестой, вряд ли бы сейчас отсиживалась, уж точно бы мстила! А над способом мести нужно очень хорошо подумать. Точнее, в книге посмотреть. Наверняка найдется что-нибудь интересное. Не зря же домовый ее принес из дома, кстати, впервые за все время. Раскрыв томик, я углубилась в чтение частых строчек...

Вокруг постепенно сгустились вечерние сумерки, читать стало неудобно. Я перевернула последнюю страницу, закрыла книгу и тяжело вздохнула. Увы, никаких новых заклинаний для уничтожения злобного старикашки я не нашла. Видимо, книга всерьез полагала, что полученных ранее знаний мне более чем достаточно. Но кое-что новое все же присутствовало.

Во-первых, я узнала, что крысолок есть личина, сотворенная магией, а в природе подобного зверя и в помине не существует. Проще говоря, а казачок-то засланный, точнее, заколдованный. А во-вторых, в книге давалось подробное описание необходимого ритуала, способного снять личину и, соответственно, вернуть прежний облик.

Я вновь посмотрела на фотографию. Получается, Грей уже довольно долгое время находится в непосредственной близости от меня, более того, даже спит со мной в одной кровати, свернувшись калачиком на одеяле, а я только и делаю, что мечтаю с ним встретиться.

Последняя мысль показалась мне очень смешной, и я расхохоталась. Потом сквозь смех неожиданно стало обидно: домовый наверняка знал обо всем, но почему-то молчал, Мироновна тоже ничего не сказала. Почему? Понятно, сам Крыс, точнее, Грей молчал, он в этом образе разговаривать не умеет, но остальные точно все знали!

Послышалось шуршание. Крысолок вынырнул из травы и уставился на меня внимательным взглядом. В сумерках его синие глаза казались драгоценными сапфирами.

– Это ты? – Я без предисловий сунула ему под нос фотографию.

Зверь моргнул, во взгляде засветилась надежда.

А вот у меня на душе резко потяжелело.

– Думаешь, смогу? – Я нахмурилась. – Ты же помнишь, как у меня складываются отношения с новыми заклинаниями! А тут даже не заклинание, а целый обряд, черт бы его побрал! Боюсь я, понятно тебе? Боюсь сделать еще хуже, чем есть!

По выражению синих глаз стало понятно, что хуже, чем есть, быть уже не может.

– Ладно, – сдалась я, – попробуем! Потому что оставлять тебя в таком виде – чистой воды преступление! Да и Гертруда твоя мне голову живо открутит, если узнает, что ты бегаешь вокруг нее на четырех лапах. Сначала только луны дождемся!

– Сначала ты поешь! – Возле нас материализовался домовый.

Лениво проследив за тем, как пушистик колдует (в процессе его колдовства на траве появилась скатерть с кучей всякой еды на тарелках и в горшочках), я терпеливо дождалась конца, а затем схватила домового на руки и крепко сжала, чтобы не сбежал.

– Еда – это, конечно, хорошо, а теперь давай колись, почему сразу мне правду не рассказал?

– Я не еж, чтобы колоться, – усмехнулся домовый, – Но рассказать могу.

– Так рассказывай уже! – прикрикнула я. – Сейчас не время для шуток!

– Не шуми. – Домовой вздохнул, – Не рассказывал, потому что нельзя было. Как только стало можно, так и рассказал. Что тут непонятного?

– Да все тут непонятно! – возмутилась я, – Можно – нельзя! Ты проще говорить можешь?

– Могу и проще, – согласился домовый, – Вот человек, прежде чем на ноги встать, учится сначала ползать. Так и ты – нельзя тебе было сразу превращениями заниматься. Ты вон из полива потоп устраивала, и как тебе после этого можно было жизнь человеческую доверить?

– Допустим. – Несмотря на злость, я действительно согласилась с его доводами, – Но рассказать-то мне все можно было с самого начала!

– Ага, – поддакнул домовый, прямо лучась ехидством, – И про короля, и про превращение. Так бы ты и поверила! А если бы и поверила, то спокойствие напрочь бы потеряла! Что я вас, женщин, не знаю? Начала бы с того, что «ой, он, бедненький, в шкуре мается», а закончила бы тем, что «караул, посторонний мужик в доме»! Где была бы сейчас твоя учеба? И за год ничего бы не освоила!

Я надулась. Мало того что меня обвели вокруг пальца, так еще получается, что я сама же в этом и виновата. Я отпустила домового в траву и взяла со скатерти ближайший горшок. Не глядя, схватила ложку и отправила в рот. Во-первых, после единственного утреннего пирожка безумно хотелось есть, а во-вторых, разговаривать все равно было не о чем.

– Не обижайся, – домовый примирительно тронул меня за рукав, – просто пойми, что в магии все постигается с азов и совершенствуется не сразу, а постепенно. Тем более что Грей все это время терпеливо ждал, когда ты достигнешь нужного уровня в магии. Ему-то пришлось ведь куда хуже, чем тебе. Как думаешь?

От последних слов я замерла, ложка глухо звякнула о горшок. А ведь действительно, именно Грею хуже всех, причем не только сейчас, но и было все это время. Представляю, в какое отчаяние он впадал, когда видел мою неудачную практику.

– Доедай, и я пойду, – засуетился домовый, – а то уже полночь скоро. Обряду никто мешать не должен.

– Сейчас! – Я быстро заработала ложкой и минуту спустя отдала домовому пустой горшок. – А Грей почему не ест? – До меня только сейчас дошло, что ужинала я в гордом одиночестве.

– Он позже поест, если после твоих экспериментов живым останется! – фыркнул домовый.

Я нахмурилась. Домовой подпрыгнул:

– Да шучу я! Просто его при превращении так выворачивать будет, что вся еда сейчас только во вред пойдет.

Не бойся, от тебя это не зависит. Все, я пошел, а вам удачи! Вот еще, пригодится...

В траву упал небольшой нож.

Посидев еще некоторое время в тишине, я подняла нож, встала с травы, прошла несколько шагов и посмотрела на небо. Луна мягко светила желтовато-серебряным светом прямо над моей головой, а вокруг стояла глухая тишина. Даже сверчки молчали.

Решив, что места для обряда вполне хватит, я начертила ножом на земле большой круг и растянулась в центре. Крысолак, словно зная, что именно нужно делать, подошел и улегся на груди. Немного повозился и затих.

Подавив тяжелый вздох, я произнесла несколько слов. Крысолак на груди дернулся и завыл: надрывно, тяжело, с хрипами и сипением.

Протяжный вой, местами напоминающий лающий кашель, меня оглушил. Я вцепилась в крысолака, не давая тому сдвинуться с места, и произнесла следующую часть заклинания.

Вой перешел в рычание, зверь впился зубами и когтями в мои руки. От жуткой боли я едва не заорала в голос, но вовремя стиснула зубы. По ритуалу орать мне строго запрещалось. Несмотря ни на что, я должна была только говорить, причем внятно и без запинки.

Третью часть я выпалила скороговоркой, на одном дыхании, уже не слыша собственного голоса из-за громкого рычания зверя, который словно обезумел и остервенело рвал мои руки в лохмотья. Кровь летела мне в лицо горячими каплями, а луна, на которой я неотрывно концентрировала взгляд, казалось, заняла собой все пространство необъятного ночного неба.

Следовало признаться, что я никогда не считала себя выносливой и терпеливой, а от одного только вида крови могла запросто упасть в обморок. Сейчас же во мне что-то изменилось – ответственность не за свою жизнь, а за чужую неожиданно придала мне столь необходимые сейчас силы и терпение.

Боль, конечно же, я чувствовала в полной мере, но вот только воспринимала ее иначе – когда от тебя зависит будущее кого-то другого, то не задумываясь жертвуешь ради него всем. Я сейчас не думала о себе, только отчаянно желала, чтобы ритуал прошел успешно и закончился как можно быстрее.

Наконец почувствовав, что сознание заволакивает мутной пеленой, я последним усилием воли вытолкнула сквозь сжатые зубы три последних слова и отключилась, по-прежнему крепко сжимая в объятиях крысолака и не имея ни малейшего понятия о том, свершился ли обряд.

ГЛАВА 20

Первым делом ко мне вернулась боль, а только затем сознание. Застонав, я завозила и открыла глаза, чувствуя непонятную тяжесть на всем теле. Тут же застыла, разглядев прямо перед носом черноволосую макушку. Сердце немедленно затопило горячей волной радости, но радость довольно быстро сменилась тревогой. Грей, если это был он, не шевелился, не дышал и вообще не подавал никаких видимых признаков жизни.

Я аккуратно выползла из-под мужчины и перевернула его на спину. Несомненно, это был Грей, тот самый красавец с фотографии. Слегка осунувшийся, в лохмотьях, ничуть не прикрывавших крепкое, восхитительно сложенное тело, с заляпанными кровью – моей кровью – руками, с роскошной копной иссиня-черных волос, на фоне которых бледное лицо выглядело восковым, с синюшными губами – это был он, и только он. Кстати, даже сейчас, несмотря на его плачевный вид, от красавца нельзя было оторвать глаз.

Прильнув к его груди, я услышала уверенное, ровное сердцебиение, а затем, не будучи в силах сдержаться, легонько поцеловала в губы. В конце концов, имею я право на

небольшое вознаграждение за боль в исполосованных руках? К тому же Грей без сознания и нас сейчас никто не видит!

Утешив себя подобным образом, я с сожалением отодвинулась от бывшего Крыса и тихо позвала домового. Пушистик появился сразу.

– Поздравляю! Ты молодец! – заявил он, усмотрев произошедшие изменения. – Теперь нужно еды побольше, а то он, когда проснется, есть захочет. А ты вот держи, руки намажь.

Я взяла крохотный пузырек и последовала совету домового. Боль моментально утихла, а раны затянулись прямо на глазах, словно их и не было. Только почему-то вместо радости я почувствовала печаль.

Вот проснется сейчас Грей и не узнает, что я ничем не хуже его невесты, вон на какие жертвы ради него пошла. А так увидел бы – сначала пожалел, а там, глядишь, и другие чувства проснулись бы. Но нет, не суждено. Да и ни к чему мне его жалость! Если понравлюсь, он меня и без всякой жалости полюбит.

Мое сердитое сопение прервал тихий стон Грея. Забыв разом все мысли, я подскочила к нему.

Синие глаза смотрели спокойно и осмысленно, на бледные щеки вернулся румянец. Не зная, что сказать, я просто улыбнулась.

– Жив, здоров и с памятью все в порядке! – с одного взгляда определил домовый и, открыв крышку на одном из горшочков, подмигнул лежащему Грею: – Кушать подано, ваше величество!

Дразнящий аромат подхватил легкий ветер, и величество, не дожидаясь повторного приглашения, легко вскочил на ноги, подсел к скатерти и принялся методично уничтожать кушанья. Торопливо, но с изяществом, присущим особам королевской крови. Короче, тот факт, что за время пребывания в чужой шкуре красавчик не растерял навыки этикета, сразу бросился в глаза.

Мы с домовым скромно сидели в сторонке, ожидая конца трапезы, и присоединяться к завтраку не спешили. Не знаю, как у домового, но у меня кусок в горло не лез, а вместо радости по поводу удачно проведенного ритуала на душе было тоскливо, хоть волком вой. Зато для всех остальных сегодняшний день должен был стать настоящим праздником. Представляю, как обрадуется Гертруда, а про народ и вовсе говорить нечего.

Дождавшись, когда все тарелки, горшочки и кувшины опустели, домовый молча пропал из виду вместе со скатертью и посудой, а мы с Греем остались вдвоем.

Грей осматривался по сторонам, словно заново воспринимая мир, а я молчала, не зная, что сказать, и, не таясь, рассматривала красавца. Разумеется, мы далеко не первый день вместе и уже давно привыкли друг к другу. Только сейчас мы были абсолютно чужие, причем нас разделяла такая пропасть, через которую вряд ли получится построить мост.

Пока я предавалась невеселым мыслям, Грей завершил визуальную экскурсию и обернулся ко мне. Сверкнула открытая белозубая улыбка.

– Давно я не видел таких ярких красок! В шкуре крысолака все воспринималось в черно-белых тонах, – кратко и просто объяснил он. – Спасибо тебе!

– Да не за что. – Я пожала плечами и смущенно улыбнулась в ответ, – Рада, что смогла помочь тебе с первого раза. В том смысле, что у меня с новыми заклинаниями отношения сложно строятся, если ты помнишь.

– Я все помню, – серьезно кивнул Грей и, приблизившись ко мне, протянул руку, – Пойдем отсюда?

Подавив скептическую усмешку, я встала, проигнорировав дружелюбно протянутую ладонь, и направилась в сторону поляны. Ну конечно, ему же не терпится как можно быстрее встретиться со своей невестой! А моя миссия закончена, точнее, почти закончена, потому что лично его величество в моих услугах больше не нуждается. А злобный старикашка – так это уже, можно сказать, моя собственная головная боль. Если я хочу и дальше спокойно жить в этом мире, то просто обязана поставить его на место. А вернуть трон Грею – это так, попутно, сущий пустяк.

– Спасибо тебе! – Воспользовавшись моей задумчивостью, Грей обогнал меня и взял за руку, преградив дорогу. – Спасибо за упорство, которое ты проявила в обучении, спасибо, что не прогнала меня из дома в образе страшилища, спасибо, что решилась на обряд. Спасибо за силу и стойкость. В данный момент я не могу отблагодарить тебя, но позже, когда верну себе трон, ты получишь титул, земли, богатство. Надеюсь, хоть так я смогу отблагодарить тебя!

– Хватит уже! – Я вырвала ладонь и попыталась смягчить грубость голоса неловкой улыбкой. – Лучшая награда для меня – это то, что ты сейчас жив и здоров и находишься в своем нормальном облике. Все остальное ерунда! Пошли, а то меня уже, наверное, ищут, я же почти сутки на поляне не появлялась.

Я обошла Грея и прибавила шагу, чтобы он не увидел обиды в моих глазах. Дождалась! Поблагодарили! Сказали «спасибо», предложили титул и земли. А чего я, собственно, хотела? Любви? Ага, разбежалась! У него невеста есть, и к тому же любовь с первого взгляда бывает только в приторных книжных романах. «Они увидели друг друга и в ту же секунду лишились чувств от страсти...» Ага, как же! От страсти чувств не лишаются. От страсти друг другу на шею вешаются! В общем, моя песенка спета, осталось только привести этого красавца к его невесте и тихо зеленеть от зависти, глядя на то, как эти двое лобызаются друг с другом в едином страстном порыве. Кстати, вот тут как раз этой страсти самое место – они же друг с другом черт знает сколько времени не виделись! А мне придется срочно сменить место ночлега, потому что Гертруда стопроцентно утащит своего суженого в шатер на постоянное место жительства. В смысле, до того времени, пока оппозиционеры власть не сменяют. А потом парочка пожалует во дворец. Хотя мне-то какое до этого дело? Никакого, и точка.

Под мрачный марш моих гневных мыслей мы появились на поляне. Скромно так встали в сторонке, ожидая, когда нас заметят. Заметили, нужно сказать, тотчас же.

Только вот опомнились далеко не сразу. Сначала дружно впали в столбняк, потом у кого-то сбежала из котелка каша (мы появились в самый разгар готовки завтрака), и народ ожил: радостно загомонил и двинулся к нам в едином порыве.

«Задавят! – мелькнула у меня паническая мысль, – Щитом, что ли, каким-нибудь прикрыться?».

Но тут сквозь строй стрелой пролетела Гертруда и, радостно взвизгнув, бросилась Грею на шею. Правильней сказать, запрыгнула на него, обхватив руками шею, а ногами бедра, и впиалась в губы страстным поцелуем.

Толпа остановилась, кто-то присвистнул. Я скромно позеленела от зависти, как и собиралась. Потом отошла в ряды вояк, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег, и ощутила себя бесконечно одинокой. К счастью, видимый лишь мне одной домовый колдовал над завтраком, шустрой юлой носясь между котелками, и отвлекал мое внимание. Я решила ему помочь.

– Я тут травки-приправки добавил, – объяснил домовый, заметив меня. – И мясо вяленое в кашу засыпал. Надоело им, поди, на крупе одной сидеть, а уток и зайцев леший в эту часть леса не пускает. На такую ораву никаких зверушек не напасешься!

За спиной послышался шорох. Я оглянулась. Судя по тому, что Грей с прилепившейся к нему Гертрудой направились, как и ожидалось, в шатер, к завтраку эта парочка точно не выйдет. Хорошо если к ужину появятся.

Вздохнув, я помешала кашу. Мужички, сообразив, что представление продолжится в другом месте, почесали в затылках и направились ко мне и к котелкам. Пусть не так зрелищно, зато сытно.

Завтрак прошел весело: то и дело сыпались шуточки и анекдоты. Но когда он закончился, лично мне стало еще веселей. Мужички, не хуже меня сообразив, что в шатре мне больше не ночевать (по крайней мере, сегодня), принялись наперебой предлагать разделить с ними одеяла.

В отличие от Гертруды, все ее войско спало под открытым небом, и в распоряжении

каждого имелась только пара одеял, так что в предложениях не было ничего оскорбительного. Тем не менее я отказалась от предложений и отшутилась тем, что превращусь в птицу и буду спать на ветке. Шутку восприняли хорошо, а я взяла свою книгу, вновь незаметно подsunутую домовым, и отправилась под дерево, преисполненная желания в очередной раз штудировать страницы в поисках новых записей и знаний. Берегись, злобный старикашка!

Увы, я просидела почти до самого вечера за чтением, но и на этот раз не нашла ничего нового. Захлопнув книгу, разочарованно поджала губы: либо рано я собралась воевать, либо уже стала такая умная, что дальше просто некуда.

Сбоку послышался шорох. Повернув голову, я увидела Грея и, не сдержавшись, искренне округлила от удивления глаза. Надо же, а я всерьез полагала, что он со своей невестой до самого ужина не расстанется. Промолчать, впрочем, ума хватило.

Грей присел рядом на траву, я с любопытством на него уставилась, пытаюсь понять, с чего это вдруг он решил почтить меня своим присутствием. Помощь, что ли, понадобилась? Ах, нуда, как я могла забыть! Престол!

– Новых заклинаний не нашла! – бодро отрапортовала я, предвосхищая ненужные вопросы, – Видимо, ничего больше мне знать пока не полагается.

Красавец удивленно вскинул брови. Похоже, мысли его в данный момент были далеки от выбранной мною темы. Да и выглядел он каким-то грустным. Совсем не таким, каким положено быть после встречи с любимой.

– Не волнуйся, я обязательно придумаю, как разобраться со стариком! – решила подбодрить я его. Мало ли, вдруг нервничает, а сказать не может. Мужики, они же всегда все молча переживают, демонстрируя силу духа.

Грей вздохнул, промолчал. Взгляд стал виноватым. Я опустила голову, едва не выругавшись с досады. Хотела как лучше, получилось как всегда. Решив извиниться, вновь посмотрела на Грея. Извинения застряли в гортани.

Красавец смотрел на меня в упор, причем таким взглядом, что по спине моментально дружным строем замаршировали мурашки. В синих глазах, несмотря на сумерки, отчетливо читались тоска, мольба, восхищение и нечто невысказанное, такое, от чего меня резко бросило в жар. В груди противно заныло, а в висках застучало. Совершив невероятное усилие над собой, я отвела взгляд. Дышать моментально стало легче, голова прояснилась.

Грей тихо поднялся с травы и ушел. Быстро и молча.

После нескольких глубоких вдохов я попыталась сделать вид, что ничего особенного не произошло, и принялась вновь перелистывать уже надоевшую за сегодняшний день книгу. Радуюсь вечеру, вокруг запели сверчки, я же лихорадочно размышляла над странным поведением Грея, машинально переворачивая страницы.

Зачем приходил? Чего хотел? Может, зря я начала разговор первой, не дав ему возможности высказаться? Но что такого особенного он мне может сообщить? И с чего вдруг виноватый взгляд? Может, мне просто показалось? А потом тоже показалось? Как же! От «показалось» в жар не бросает! Хорошо, что стемнело, а то у меня есть дурацкая привычка краснеть по поводу и без. Кстати, он такими глазами должен не на меня смотреть, а на свою обожаемую Гертруду! Впрочем, если он на меня смотрит так, что в жар бросает, то представляю, какими глазами он смотрит на нее. Эх, ревность, конечно, плохое чувство, но подавить ее порой очень трудно даже ведьмам.

– Дарья, с тобой Грей поговорить хочет!

Я обернулась на голос. Неспешным шагом ко мне приближалась бодрая, улыбающаяся и ничего не подозревающая Гертруда. Я ощутила укол совести.

– Не знала, что ты видишь в темноте! – усмехнулась подруга, присаживаясь рядом.

Я захлопнула бесполезную книгу, она моментально пропала из рук, наверняка стараниями домового, и задала в ответ совершенно глупый вопрос:

– Ты счастлива?

– Невероятно! – Гертруда доверчиво прижалась к моему плечу и заглянула в глаза сияющим взглядом. – Ты молодец! Даже представить не могу, что было бы, если бы ты не появилась. Я теперь твоя должница на всю жизнь. Проси все, что хочешь!

– Боюсь, что мне в жизни всего хватает, – усмехнулась я, осторожно отодвигаясь от сияющей подруги. На душе заскребли кошки, потому что в голове, напрочь игнорируя совесть и здравомыслие, сумасшедшим дятлом долбилось единственное желание: «Отдай мне Грея!» Я стиснула зубы, чтобы, не дай бог, эта бредовая мысль не вырвалась наружу. Человек – это не вещь, чтобы его по заказу передавать!

– Это сейчас тебе кажется, что всего хватает, но жизнь – она длинная и переменчивая, так что не спеши отказываться, – философски заметила Гертруда и мягко толкнула меня в бок: – А сейчас иди в шатер, тебя там Грей дожидается. Хочет поговорить. А я пока с ужином разберусь.

Я молча встала и пошла. Возражать побоялась, чтобы не наговорить лишнего, но внутренне, конечно, удивилась. Во-первых, Грей уже подходил ко мне с разговором, но попытка провалилась. А во-вторых, знала бы Труды, какие мысли меня одолевают, и на дух к своему суженому не подпустила бы.

Хотя, с другой стороны, чего ей бояться? Я, конечно, вполне хороша собой – зеленоглазая блондинка с тонким станом, но рядом с горячей южанкой смотрюсь словно белая мышь. В общем, та еще соперница. Тем более что Грей меня в целом не замечает, только в частности, да и то не находит слов.

Я сжала ладонь, ногти больно впились в кожу. Грей, черт тебя побери, что ты со мной делаешь!

ГЛАВА 21

В полумраке шатра одинокая фигура, сидящая на полу, выделялась светлым пятном. Изорванные лохмотья сменила белая одежда. Когда Грей подходил ко мне на поляне, я почему-то не обратила на это внимания, но сейчас перемена резко бросилась в глаза. Виновата игра света, точнее, сумерек.

Я не стала подходить слишком близко, опустилась на ковер на некотором расстоянии. Мне так будет проще общаться. Уняв предательскую дрожь в коленях, взглянула на Грея.

– Ты звал меня? Что случилось?

Сумрак окутал мои слова мягким шлейфом, сделав их едва слышными. На какой-то момент появилось зыбкое ощущение нереальности всего происходящего.

– Ничего не случилось, – тихо, но сухо отозвался Грей. – Просто есть одно незавершенное дело.

– Да, конечно, я помню, – Романтика разлетелась вдребезги, оставив лишь сухой деловой тон. Примерно таким я общалась на работе со своим начальством, когда предоставляла отчеты. – Обещаю, что не стану затягивать с решением этого вопроса и в ближайшее время найду способ разобраться с магом, который не дает тебе спокойно вернуться на трон.

Повисла долгая тишина. Поначалу я настороженно следила за Греем, ожидая ответа, потом расслабилась, и меня потянуло в сон.

– Я не хочу, чтобы ты рисковала своей жизнью! – наконец ответил Грей.

Я вздрогнула и выплыла из состояния полудремы. Абсурдность услышанного быстро привела меня в адекватное состояние.

– И что же ты, позволь спросить, собираешься делать, если я не разберусь с магом? – иронично поинтересовалась я. – Будешь понапрасну рисковать жизнью людей? Или своей? Полагаю, что своим обликом тощего страшилища ты обязан как раз этому старику? Поправь меня, если я неправа. Молчишь? Вот именно! Поэтому давай не будем больше тратить время на глупые разговоры. Тем более что всех твоих людей ждут семьи: жены, родители и дети. Им есть к кому возвращаться. Я же подобным грузом не обременена. И если не разделаюсь

со стариком, то все усилия – и твои, и твоей невесты, и людей, что собрались на этой поляне, – пойдут прахом. К тому же зря я, что ли, по-твоему, столько времени магию штудировала?

Посчитав, что к сказанному добавить нечего, а выслушивать дальнейшие пустые уговоры незачем, я вскочила с ковра и покинула шатер.

Болван ты, Грей, но ради тебя я готова не только жизнью рискнуть!

После ужина, как ни странно, Гертруда позвала меня в шатер, а Грей, подхватив пару одеял, отправился под открытое небо к мужчинам. Либо парочка не поладила, что маловероятно, либо меня не стали лишать теплого во всех смыслах места по той простой причине, что я женщина. Второй вариант куда более правдоподобен.

– Грей рассказал тебе о том, какие вести принесли дозорные? – спросила Гертруда, как только мы обе устроились на ночлег.

– Не успел, – тихо отозвалась я, чувствуя, как виновато сжимается сердце. Ну вот, выскочила из шатра, не дослушала, а Труды теперь может черт знает что подумать!

– Тогда слушай, – прошептала подруга, к счастью, не придав никакого значения моим словам, – Сегодня вернулись дозорные. Тебя ищут по всему городу и близлежащим деревням. За голову обещана награда. Так что появляться открыто среди народа нельзя. Деньги, как ты понимаешь, могут оказаться сильнее человеколюбия. В общем, нужно как можно быстрее придумывать план нападения, иначе приспешники Фрея скоро доберутся до нашей стоянки.

Услышанное не стало для меня новостью. Все вполне предсказуемо. Но сейчас меня больше интересовали другие вопросы. И раз у меня не получилось задать их Грею, придется спросить Гертруду.

– Скажи, Грей тебе рассказывал, как умудрился обзавестись обликом крысолака? – поинтересовалась я.

– А как же! – возмущенно воскликнула подруга, – Этот плешивый Фарах хотел его убить, но заклинание сработало иначе. Вместо неминуемой смерти Грей получил новое тело и полный бардак в голове. К счастью, он успел улизнуть из дворца и долгое время скрывался в лесу. Потом ему приснилась какая-то старушка и показала дорогу к одной деревне, пообещав, что там он найдет помощь. Грей пришел в деревню, но там его поймал какой-то мужик и посадил в мешок. А потом он оказался у тебя. Вот и все.

– И все? – удивленным эхом откликнулась я. – А дальше?

– А дальше ты и так все знаешь, – отмахнулась Гертруда. – Ты училась, он ждал. И вот наконец дождался!

Я подавила тяжелый вздох. Да, действительно, время, проведенное со мной, вполне укладывается в четыре коротких слова. Он просто ждал. И все. Ни чувств, ни переживаний. Я вообще пустое место – некий инструмент для достижения цели.

– А если Грей вернет себе престол, пойдет ли за ним народ? – Я не узнала своего неожиданно глухого голоса, – Ведь его считают преступником. Кстати, за что?

– А никто и не считает Грея преступником, – Гертруда села на импровизированной постели. Одеяло соскользнуло, обнажив плечо. – Если тебе фреевский прислужник что-то сказал, то это вовсе не значит, что так оно и есть на самом деле. Просто всех людей, неугодных власти, обычно объявляют преступниками или отступниками. Но народ, вопреки ярлыкам, прекрасно понимает, кто есть кто. Кстати, окажись на месте тебя кто-нибудь другой из жителей, плюнул бы прислужнику в рожу и разговаривать не стал. Вот так.

Я скептически усмехнулась, вспомнив свою соседку Маланью. Что-то не похоже, чтобы она собиралась плевать. Скорее дрожала, словно осиновый лист, и явно не от ветра. Увы, Труды, далеко не все такие боевые, как ты думаешь. Но вслух сказала другое:

– Ладно, давай спать, подруга. Утро вечера мудренее.

И первая отвернулась к стене шатра, подтянув к животу Марусю, свернувшуюся теплым мохнатым клубком под одеялом.

Эх, слышала бы меня сейчас Василиса Прекрасная... Голову оторвала бы за плагиат!

Ночная тишина мягко стелилась по шатру, попадая под серебристый свет лунного сияния. Я в который раз прислушалась. Подруга спала тихо, не было слышно даже легкого дыхания. Оставалось надеяться на то, что сегодняшний день утомил Трудю и в данный момент она видела десятый сон. К тому же вряд ли ей сумеет прийти в голову то, что пришло мне. Она боец, но не авантюристка. Я же как раз наоборот.

Пока я дожидалась крепкого сна подруги и окружающих, в сотый раз прокрутила в голове план нападения на мерзкого старикашку. Остальные для меня были не страшны. Даже Фрей без своего мага мало на что способен. Вот только никаких разумных вариантов в голову никак не приходило. Наоборот, лезла всякая муть, успешно прижившаяся в моем высокотехнологичном мире, как то: пистолет, автомат, граната. Ни первое, ни второе, ни, разумеется, третье меня категорически не устраивало.

Во-первых, стрелять я не умею, а старичок, даже если и заинтересуется неизвестной штуковиной в моей руке, вряд ли безболезненно подпустит на близкое расстояние, чтобы я наверняка смогла попасть. Во-вторых, ну нет на моих руках крови невинно и даже винно убиенных, и пачкать их очень не хочется, даже для блага кучи знакомого и малознакомого народа. Ну и, в-третьих, самый облом состоит в том, что даже если я и решусь наплевать на вышеперечисленные препятствия, то все равно ничего не получится. Я сюда из моего мира не могу даже малюсенькую чашку кофе протащить, хотя мне так не хватает обожаемого напитка, а уж про пистолет и вовсе говорить нечего.

В общем, имея в голове сей неповторимый бардак и отсутствие хоть какого-нибудь логического плана, я решила по-тихому свалить из спящего лагеря и разобраться с проблемой уже на месте. Разумеется, мою прыть немало подогрел вечерний рассказ Трудю. Рисковать несколькими сотнями чужих жизней из-за себя одной было, откровенно говоря, стыдно. К тому же у меня в арсенале имелась магия и домовой, на помощь которого я, в случае чего, отчаянно надеялась. А вот у повстанцев имелись только луки да мечи с кулаками. Короче, силы явно неравные.

Решительно вздохнув, я ужом выползла из-под одеяла, стараясь не потревожить Марусю. Иначе с нее станет увязаться за мной, и проблем в таком случае только прибавится. Тихо поднявшись на ноги, медленно и аккуратно пересекла шатер, бесшумно откинула полог и выбралась на воздух. Облегченно выдохнула, огляделась.

Неподалеку бродили дозорные, скользя плотными тенями по периметру поляны, а под рубашку настойчиво пробирался прохладный ночной воздух. Убедившись, что вокруг все спокойно, а ко мне никто не собирается бросаться с вопросами, я обогнула шатер и скрылась за деревьями. В этом лесу, где хозяйничал леший, я совершенно ничего не боялась. Особенно учитывая тот факт, что у меня на шее в мешочке живет домовый.

Впрочем, памятуя рассказы Тихона о том, что у него время течет иначе, чем у меня, до сих пор не могу понять, как и в каком измерении существует пушистик. Спрашивать не хочу, вдруг от объяснений голова лопнет. Только бы сейчас не появился, иначе весь настрой перебьет!

Домовой, к счастью, и не думал появляться, только мне упорно казалось, что за мной все время кто-то крадется. Несколько раз я оборачивалась, но в итоге списала все на слишком напряженные нервы. Решив, что отошла достаточно далеко, сосредоточилась и открыла портал.

Туманное марево, похожее на спустившееся с неба облако, бесшумно и послушно повисло в метре над землей. Я несколько раз обошла его по кругу, критически осматривая со всех сторон, словно сомневаясь в том, что это именно то, что мне нужно, а затем, решившись, зажмурилась и шагнула.

Едва моего лица коснулась мягкая, едва ощутимая пелена, как я почувствовала чьи-то руки, крепко обхватившие меня за талию. Ни вырваться, ни позвать на помощь, ни вернуться уже было невозможно. В итоге переход я совершила в обнимку с кем-то неизвестным.

ГЛАВА 22

Не удержавшись на ногах, рухнула во что-то звенящее, придавленная сверху чужим нехилым весом. Глухо выругалась. На спине завозились, тяжесть исчезла. Потом меня рывком подняли на ноги, послышался очередной шуршащий перезвон. Открыв глаза, я обнаружила, что попала не куда-нибудь, а прямиком в королевскую сокровищницу и перезвоном обязана залежать золотых монет, в которые, собственно, и свалилась. Интересно, а кто-нибудь еще из моих современников сможет похвастаться тем, что лежал в золоте по самые уши? Вряд ли. Современники, они больше лицом в салат предпочитают. Особо стойкие – в десерт.

Преисполнившись кратковременной заслуженной гордостью, я обернулась, чтобы посмотреть, кто это увязался за мной по любопытству или неосторожности, да так и застыла с открытым ртом, не зная, материться ли долго и упорно, или сразу въехать кулаком в глаз, без лишних разговоров. Выбрала первый вариант, потому что *наэти* глаза у меня кулак категорически не поднимался.

– Грей, идиот! – зашипела я, брызгая слюной от злости. – Какого черта ты за мной увязался! Кто тебя просил? Проваливай немедленно к своей драгоценной принцессе, и чтобы духу твоего тут не было!

– Я никуда не пойду! – коротко мотнул головой Грей и вновь уставился на меня своими синими глазищами.

В отличие от меня, он был спокоен словно удав. Во всяком случае, я отчетливо почувствовала себя кроликом, которого успешно гипнотизируют взглядом.

Ненавижу! Ненавижу, когда от одного взгляда на красивого мужика начинают трястись колени! Впрочем, сейчас я была злой словно тысяча чертей, а потому трясущиеся колени только прибавили мне ярости.

– Слышь, ты, умник, вали отсюда немедленно! Или хочешь, чтобы твоя Гертруда мне потом шею свернула, если по моей вине с твоей головы слетит хоть один волосок? Ты мне здесь на фиг не нужен! – Отвернувшись, чтобы не видеть его лица, я сотворила портал и указала на него Грею: – Уходи!

– Не знаю, что такое «на фиг», но, судя по тону, явно что-то грубое, – усмехнулся Грей, – Только я все равно не уйду. К тому же осмелюсь заметить, что ты сейчас рискуешь жизнью ради меня, а значит, я не имею права оставлять тебя одну.

– Ну и на кой черт мне сдалось твое благородство? – мрачно усмехнулась я, лихорадочно придумывая способ, чтобы спроводить неподходящего помощника. – Лишние проблемы, только и всего. К тому же с чего это ты вдруг решил, что я пришла сюда, чтобы рисковать своей жизнью? Ошибаешься! Я всего лишь хочу добавить ярких ощущений! Ночь, как ты понимаешь, время свиданий. Вот я и пожаловала к королю. Не забывай, что, несмотря на подлость, мужик он видный. Правда, комнатой немного ошиблась, но эту оплошность легко исправить.

Эх, блин, топорная ложь... но вдруг поверит?

– К королю? На свидание? – неожиданно усмехнулся Грей. В синих глазах появилось незнакомое мне прежде выражение, – Что ж, пусть будет свидание!

Я уже готова была облегченно выдохнуть, решив, что ложь удалась, но Грей сделал несколько шагов по направлению ко мне, неожиданно крепко схватил за плечи и впился в губы поцелуем.

?!

Черт!

!!!

Удивление быстро улетучилось, сменившись восторгом, а потом столь же быстро включились мозги. Понимая, что повторного шанса у меня больше не будет ни для первого, ни для второго поступка, я с удовольствием ответила на поцелуй, а затем сделала то, чего в

данной ситуации Грей от меня ждал меньше всего.

С трудом оторвавшись от манящих губ, со всей силы толкнула красавца в портал. Получилось. Туман померк, я осталась одна.

В голове плясал хмель от неожиданного подарка судьбы, а в душе шевелилось смутное чувство вины. Готова спорить, что с Греем после поцелуя так еще никто не поступал. По крайней мере я могу поздравить себя с нестандартным мышлением. А вот задаваться вопросом «почему это вдруг меня поцеловали», не буду ни за какие коврижки. Может, он решил таким способом мой боевой дух поднять? М-да, не буду себя расстраивать. *Нотеперь*, Грей, я не только горы сверну, но и... впрочем, там видно будет.

– Я так и знал, что это ты!

Вздрогнув, я обернулась на звук.

Однако целоваться перед важными событиями все же нехорошо. Грозит кратковременным выключением мозгов и погружением в нирвану. Соответственно, теряешь связь с реальностью в тот самый момент, когда это категорически запрещено. Я вот потеряла – и пропустила появление главного злодея, причем не где-нибудь, а прямо за Моей спиной.

– Зачем в сокровищницу пришла? – нехорошо прищурился старик.

Ой, дядя, ну кто же такие глупые вопросы задает...

– Воровать! – невозмутимо пожала я плечами, прикидывая, на сколько атак старика хватит всей той защиты, которую я нацепила на себя перед тем, как сунуться во дворец. А также над тем, какую тактику лучше выбрать: нападение или ожидание. Остановилась на последнем. Иначе вдруг мой первый выпад окажется настолько пустяковым, что старикашка меня попросту засмеет и поймет, что сражаться со мной – дело двух секунд.

В отличие от меня, дедуся не стал маяться лишними размышлениями и без предупреждения пальнул в меня сгустком огня. Не успев даже пискнуть, я рыбкой улетела за ближайший сундук с драгоценностями.

Половину сундука снесло, меня засыпало камнями. Оказывается, когда драгоценных камней много, по весу они мало чем отличаются от обычных булыжников.

Какое-то заклинание возникло в голове, настойчиво просясь на язык. Не стала спорить, произнесла. Тяжесть моментально исчезла.

Высунувшись из-за остатков сундука, я с удивлением и любопытством смотрела на то, как камни, еще мгновение назад похоронившие меня под своей массой, полетели в старика. Против половины дедуся выставил щит, еще часть спалил прямо в воздухе, а некоторые, облетев преграду, все же достигли своей цели.

Увиденное меня серьезно впечатлило. Во-первых, красиво, «Матрица» отдыхает. Во-вторых, опасно, я реально могу не выжить.

Потерев макушку и выплюнув пару ругательств, из которых я узнала о себе прелюбопытные вещи, в природе совершенно невозможные, дедуся решил не мелочиться и запустил сгустком побольше.

Огненный шар размером с футбольный мяч с опасным свистом двинулся ко мне. Его продвижение прикрывала странная, влажно поблескивающая туманная сетка. Видимо, дедуся решил таким образом обезопасить себя от моих ответных выпадов.

В памяти быстро всплыли бисерные строчки на пожелтевших от времени страницах. Вскинув руку, я шепнула всего одно слово. Следовавшая на некотором отдалении за шаром сетка изогнулась и окутала огневой мяч. Бабахнуло знатно. Как человек осведомленный, я вовремя укрылась за сундуком и открыла рот, чтобы избежать удара звуковой волны. А вот дедушка такого ответа с моей стороны явно не предвидел. Поэтому молча плюхнулся на пятую точку и затряс головой, словно китайский болванчик. По описанию долго, на деле же вся операция не заняла и десяти секунд. Признаться, не ожидала от себя такой скорости!

К несчастью для меня, старикан довольно быстро пришел в себя и от падения, и от удивления. Не потрудившись даже встать, что-то прошептал и несколько раз взмахнул руками, словно заправский дирижер. Пол подо мной ощутимо тряхнуло, подбросив меня в

вертикальное положение, а воздух перед лицом принялся сгущаться с ужасающей быстротой, грозя раздавить меня своей плотностью.

Паника быстро вскипятила мозг. Я отчетливо осознала, что против *этого* ничего не смогу противопоставить. Выжить, впрочем, тоже не смогу, потому что вся защита на мне – это просто шелуха по сравнению с надвигающейся мощью.

«Портал! – отдаленно мелькнуло в голове, – Нужно сматываться, и быстро!»

Я попятилась, а через несколько шагов уперлась во что-то твердое, мешающее дальнейшему продвижению. Обернулась. За спиной оказалась та самая статуя, ожерелье с которой мне ранее отказались отдать. Золотая сетка с рубинами по-прежнему украшала каменную грудь.

Решив, что имею право на компенсацию за испытанный риск, я потянула ожерелье через мраморную голову. Замысел удался – ожерелье легко снялось со статуи, благо сама скульптура была почти одного роста со мной.

Неожиданно в уши врезался громкий вопль. Забыв о статуе, я обернулась и увидела, что передо мной сгустилось матово-черное облако, а старик, дико вопя и вытаращив до предела глаза, несется ко мне на крейсерской скорости, совсем не присущей его почтенному возрасту. От удивления я застыла памятником самой себе, а дальше случилось непредвиденное.

Черное облако со всей силы врезалось мне в грудь, и почти одновременно подоспел старик. Ощувив толчок, будто меня двинули тяжелой каменной плитой, я нелепо взмахнула руками и упала, больно ударившись затылком. Почему-то статуи за спиной не оказалось. Неожиданно воцарилась тишина. Я же решила, что попросту оглохла.

Пролежав некоторое время в полнейшем безмолвии, я все же открыла глаза и попробовала пошевелить конечностями. Попытка удалась. Приподнявшись на локтях, с любопытством огляделась.

Черное облако куда-то исчезло, словно его никогда не существовало, никакой дырки в моей груди и поломанных ребер тоже не наблюдалось, а рядом со мной, на том самом месте, где я в последний раз видела старика, стояла статуя мужчины. На шее этой статуи висело мое ожерелье, а сама статуя была подозрительно похожа на мерзкого старикашку, раскрывшего рот в беззвучном крике.

Кажется, я начинала кое-что понимать. Встала на ноги, отмечая, что в теле ничего не болит, и обошла статую по кругу, внимательно разглядывая каждую морщинку на белом мраморе. Потом ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Обернулась.

Женщина с подозрительно знакомыми синими глазами ласково улыбнулась и протянула мне руки:

– Ну здравствуй, Дарена!

ГЛАВА 23

– Мы знакомы? – Я недоуменно нахмурилась.

– О да, конечно! – Женщина звонко рассмеялась, а затем провела ладонью перед лицом: – В таком виде ты меня куда быстрее вспомнишь. Не так ли?

Ее черты потекли, словно подернутые дымкой, и мгновение спустя передо мной оказалась пожилая женщина с темными, удивительно добрыми глазами, окруженными сеточкой ласковых морщинок. Мироновна...

– Вы?... – От удивления все слова застряли в горле. Я застыла, тупо глядя на неожиданную метаморфозу, даже не пытаясь осмыслить произошедшее.

– Не ожидала? – Мироновна лукаво прищурилась, словно не заметив моего состояния. – Только не нужно удивляться и тем более пугаться. Это действительно я, и спасибо тебе огромное за то, что ты меня спасла!

– И что все это значит? – Восторженный тон не произвел на меня особого впечатления, но главную суть я все же уловила. Теперь душа и разум жаждали подробностей.

– Может, я сначала увижусь с сыновьями, а с тобой поговорим потом? – Мироновна задумчиво склонила голову, глядя на меня внимательным взглядом.

– Ну уж нет! – не поддалась я на сентиментальную провокацию, – Ваших сыновей я знать не знаю, зато себя знаю более чем достаточно. А потому не хочу изнывать в ожидании ответов на многочисленные вопросы. Тем более, сначала сыновья, потом появятся дочери, внуки, Жучки и прочая родня – так обо мне вы и через год не вспомните. А между прочим, я, как далеко не последнее действующее лицо в недавнем происшествии, имею право на предоставление полной информации хотя бы в знак вашей благодарности, если таковая вообще существует.

– Красиво сказано! – Мироновна согласно кивнула. – А ты уверена, что хочешь все знать? Ведь многие знания – большие печали.

– Вот только не надо мне зубы заговаривать красивыми речами! – Я поморщилась, ощущая, как в недобром предчувствии сжимается сердце. – И так уже понятно, что ничего хорошего я от вас не услышу.

– Почему понятно? – Старушка удивленно вскинула брови.

– Да потому что от двуликих людей вряд ли можно ожидать чего-то хорошего, – мрачно процедила я, присаживаясь на край ближайшего сундука.

– Двуликих? – Старушка задумчиво качнула головой. – Возможно, ты и права. Только жизнь порой диктует такие условия, что двуликость, а порой и многоликость подчас просто необходимы. Ну да ладно, сейчас ты хочешь услышать информацию, а не скучное морализаторство. Тогда слушай. На деле все очень просто. Я была заключена в камень при помощи рубинового ожерелья, а сейчас пришла ты и меня освободила.

– И почему именно я? Неужели не нашлось других желающих?

– Желających было много, но сумела лишь ты одна.

– Почему? Потому что дуракам и новичкам всегда везет?

– Потому что только ты одна сумела пройти в сокровищницу и снять ожерелье! – серьезно пояснила Мироновна. – Для человека, не обладающего магическими способностями, это ожерелье невидимо, а единственный маг во всем этом королевстве ни за что бы не снял ожерелье по той простой причине, что сам же на меня его и надел.

– Почему? – Я пристально посмотрела на Мироновну. – Испугался конкуренции?

– Именно, – кивнула старушка.

– Странно выходит: ожерелье надел, а статую в сокровищницу спрятал. По-моему, если он вас так сильно боялся, то не проще ли было разбить статую, чтобы уже наверняка избавиться от конкуренции?

– Конечно, проще, – не стала отпираться Мироновна, – Только сын ему не позволил трогать меня. Фрей хоть и не самый порядочный человек, но на мать руку не поднял.

– Фрей? – Я едва не свалилась с сундука, – Ваш сын?

– Ну да, – пожала плечами Мироновна, – Я, если хочешь знать, вдовствующая королева-мать.

«Бог мой, я же с Греем прямо на ее глазах целовалась!» – вспыхнула в мозгу паническая мысль. Вслух, к счастью, я произнесла совсем другое:

– Дворец, стало быть, тоже ваш? А зачем тогда был нужен домик в деревне, все эти сны и мое перемещение?

– А вот здесь, дорогая, не все так просто, как ты думаешь. – Мироновна глубоко вздохнула и принялась медленно ходить взад-вперед по сокровищнице, глядя по сторонам, но избегая смотреть мне в глаза. – Насчет домика – ничего необычного в нем нет. Это своего рода отдушина, место, где я могу под видом пожилой женщины заниматься своим любимым делом – помощью людям. Королеве, как ты понимаешь, подобное занятие не к лицу. Да и очереди страждущих у дворца не слишком привлекательное зрелище. К тому же к королеве далеко не все пойдут со своими проблемами, многие постесняются, оробеют. Куда симпатичней в этом плане выглядит обычная деревенская знахарка, умудренная годами и убеленная сединами. Согласна? К ней и доверия больше, и тайн, соответственно, меньше.

Только когда Фрей задумал забрать престол у Грея, заманил меня обманом его маг-прислужник и накинуд на шею проклятое ожерелье. Честно говоря, я до сих пор не знаю, где Фарах сумел его достать. Но факт остался фактом: я перестала существовать и как человек, и как, собственно, ведьма. Без моей поддержки и защиты черная магия Фараха быстро сделала свое черное дело – власть целиком и полностью досталась Фрею, а Грей, заключенный в личину крысолака, был вынужден бежать из города и скрываться в лесу, опасаясь за свою жизнь. Вот тогда-то мне и понадобилась ты. Точнее, я долго перебирала варианты, пока не нашла тебя. Поскольку магия Фараха раскинула свои щупальца буквально по всей моей земле, я не могла договориться с человеком из окрестностей. Пошли бы слухи, сплетни. К тому же основным условием выбора являлись задатки магии в самом человеке. Как ты понимаешь, просто выучить магию по учебнику невозможно. Нужно, чтобы магический дар присутствовал в самом человеке, и тогда его можно разбудить, совершенствовать, шлифовать. Наш мир, в отличие от вашего, беден на такие самородки, поэтому маги здесь на вес золота. В вашем же мире способных людей намного больше, но вся проблема заключается в нехватке знаний. Вот я и решила забрать тебя сюда, чтобы, с одной стороны, ты помогла мне, а с другой стороны, я помогла тебе. Ты же, когда вернешься, сумеешь помочь другим людям. Если, конечно, захочешь. Вот такая история. Что скажешь, Дарена? – Старушка остановилась и посмотрела на меня внимательным взглядом.

– Бред! – мрачно припечатала я. – Бред сивой кобылы, и ничего больше! Зачем нужно было морочить мне голову красивыми сказками насчет любви к родине и прочей чепухой? Разве нельзя было просто появиться в своем обычном облике и прямо сказать, мол, я такая-то: и мне нужна такая и такая помощь. Зачем нужны были все эти хождения вокруг да около?

– Думаешь, ты поверила бы? – Мироновна усмехнулась. – Вот представь, явилась бы тебе во сне незнакомая женщина и сказала: помоги мне спасти мое королевство! Только тебе для этого придется переселиться, где-то так на полгода, в иное время, а еще просидеть не один десяток дней за скучной зубрежкой и в конце концов реально пожертвовать жизнью на благо неизвестного тебе королевства. Ну и как, ты бы согласилась?

– Да уж вряд ли! – вынужденно признала я. – Вот только насчет жертвования жизнью вы что-то перебрали. Все получилось довольно гладко, а сегодняшние разборки со стариком лишний раз доказали, что я вполне освоила магию, если сумела выстоять против его непонятной черной тучи. Страх, разумеется, не в счет.

– Выстоять? – Мироновна горько усмехнулась, я же искренне удивилась. – Тот факт, что ты спаслась от заклинания раздавливающей мглы, лишний раз доказывает твою уникальную везучесть. В момент своего падения ты удачно взмахнула руками и выпустила ожерелье. Я же благодаря тебе к тому времени уже ожила и успела не только развеять смертоносное заклинание, но и немного подкорректировать траекторию полета ожерелья. И все.

– Выходит, я так ничему и не научилась?

– Ну почему же? – Мироновна ласково улыбнулась, – Ты прекрасно помогала людям и животным в деревне. Вспомни! И не твоя вина, что Фарах воспользовался запрещенным заклинанием. Итак, у тебя еще остались вопросы? Не забывай, что история еще не закончилась и нам нужно вернуться в лес. Только подумай, какую панику поднял там Грей и какую бурную деятельность развил он после того, как ты выкинула его отсюда!

Мои щеки предательски залило горячей волной. Все дальнейшие вопросы, если таковые и оставались после рассказа Мироновны, разом отпали. Смущенно потупив глаза, я отрицательно покачала головой.

Действительно, пусть и не панику, но деятельность Грей развел впечатляющую: нас встретили ровные шеренги подтянутого и снаряженного по всем правилам войска. Опоздай мы хотя бы на полчаса, пришлось бы довольствоваться пустой поляной. К счастью, успели вовремя.

Разумеется, с нашим появлением войско потеряло строй по причине любопытства и последующей радости. А главнокомандующие в лицах Грея и Гертруды спешили с коней и кинулись к Мироновне, которая успела сменить облик старушки на свой настоящий.

Теперь это была миловидная женщина примерно сорока пяти лет, невысокая, но статная, и от ее облика веяло мудростью и спокойствием. Величием, впрочем, тоже веяло, только не тем кичливым, которым за версту разит от новоиспеченных толстосумов, а тем величием, которое неотделимо от достоинства и благородства. В общем, от такой королевы и я бы сама не отказалась.

Кстати, насчет меня. Теперь, когда, как выяснилось, моя миссия была выполнена до самого конца, я оставила всех присутствующих наслаждаться радостью и долгожданным праздником, а сама тихо ушла в лес, подхватив на руки ожидавшую меня под деревом кошку. Во-первых, не хотела никому мешать, а во-вторых, понимала, что на этом празднике жизни я была чужой и к тому же прекрасно знала дальнейшее развитие событий.

Теперь, когда с магией злобного старика покончено, повстанцам будет несложно скрутить приспешников Фрея. И Грей без всякого труда вернет себе корону. А там и до свадьбы недалеко. А дальше, как в сказке, будут Грей с Гертрудой жить долго и счастливо, а Мироновне больше не нужно будет искать себе помощников для спасения королевства. Кстати, а как на самом деле ее зовут, если старушка – это всего лишь образ?

В общем, все у всех хорошо, кроме меня.

Несмотря на откровенный рассказ вдовствующей королевы, который я поняла и приняла, в душе поселилось стойкое ощущение предательства. С одной стороны, все вроде было правильно, а с другой стороны, на душе скребли острыми когтями десятки, если не сотни, кошек. Мною просто воспользовались, пусть даже и для всеобщего блага, вот только меня забыли спросить. Заманили, приручили, а затем сделали все для того, чтобы я выполнила предназначенную миссию. Но разве это честно? Нет. Потому что я живой человек и умею чувствовать.

Кстати, о чувствах: если бы я заранее знала все правила этой игры, то вела бы себя по-другому и не совершила бы одну ужасную, грубейшую ошибку, которая в данной ситуации просто недопустима, – не влюбилась бы в того, кто не может быть моим, потому что предназначен другой и влюблен в другую. А в качестве компенсации за все свои заслуги я получила магические способности, будь они неладны, и разбитое сердце. Разве это справедливо?

Увы, никого, кроме меня, этот факт не волнует. Жаль, конечно, но вполне законно – жертвовать незначительными мелочами в пользу всеобщего блага. В данном случае незначительная мелочь – это я.

– Дарья, ты – молодец! – Неожиданно впереди меня пушистым серым шариком по траве заскакал домовый. – Извини, что не помог тебе в битве с магом, но только в людские разборки мы, домашние духи, не можем вмешиваться. По хозяйству помочь – это всегда пожалуйста. А вот ежели какие битвы, так это извольте сами, без нашего участия. А ты почему такая грустная? Ведь все хорошо закончилось!

– Значит, ты дух? – улыбнулась я, уходя от душещипательной темы. – Странно, а я думала, что ты мелкая домашняя нечисть. Духов ведь не видно, они же призраки. Или я неправа?

– Духи разные бывают, – пояснил домовый, судя по голосу, ничуть не обидевшись на колючее слово «нечисть», – Бывают домашние духи, вроде меня, лесные, вроде лешего, а бывают и, как ты говоришь, призраки. Мы все разные и неповторимые, а потому и общаться с нами нужно осторожно и уважительно.

– Угу, – подтвердила я, размышляя над тем, что, попадись мне, к примеру, сейчас привидение, вряд ли бы я вспомнила об осторожности и уважении. Наверняка понеслась бы с оглушительными воплями через весь лес, да так, что только пятки бы сверкали.

– Возвращаемся? – поинтересовался домовый, помахав мне веточкой земляники с сочными красными ягодами, зажатой в мохнатой ручонке. – Или сначала ягод наберем?

ГЛАВА 24

Дом, милый дом. Чужой дом...

Поставив на стол берестяное лукошко, презентованное нам лешим, полное душистой земляники, я огляделась по сторонам. Прошло несколько долгих месяцев с тех пор, как я попала в этот дом, и почти неделя, как его покинула, но только сейчас я остро ощутила, что соскучилась по этому тихому месту, не обремененному благами цивилизации. Теперь я не знала, останусь ли в этом времени, или все же вернусь в свой мир.

Здесь, несмотря на междоусобные разборки, было тепло и уютно, словно в детской волшебной сказке, прочитанной бабушкой у жарко натопленного очага зимним вечером. В моем же мире меня ждали обычные будни с редкими праздниками, заранее известные и в большинстве своем одинаковые, похожие друг на друга, словно близнецы. Но самое главное, никакого волшебства в нем и в помине не существует. Только красивый мир фэнтези, иногда показанный на телеэкране.

Смогу ли я теперь жить без дружбы с домовым? Не потому, что он выполняет всю домашнюю работу, а потому, что он милый, забавный и с ним интересно. Смогу ли прийти в лес без подарка для лешего? Вряд ли. Без этой уникальной и совершенно неотъемлемой части этого мира, называемой в моем времени фольклором, или в последнее время чаще фэнтези, в моем мире будет серо и скучно.

Выходит, придется проситься у Мироновны, точнее, у королевы, на постоянное место жительства в ее королевстве и подыскивать себе новый дом, потому что теперь, после своего освобождения, она точно вернется сюда, в свою отдушину, в свою тихую гавань. Вернется не сейчас, потом, после свадьбы...

Свадьба в данном случае – счастье для двоих и душевная боль для третьего. Но ничего, я помимо любви найду себе занятие, ведь помогать людям куда важнее. А любовь... пройдет время, и придет другая любовь. А Грей пусть будет счастлив со своей принцессой. Во всяком случае, я ему этого искренне желаю. Им обоим желаю.

– Дарья, ты пирожки будешь? – неожиданно вмешался в мои мысли негромкий голос домового. – Если будешь, то давай к столу, а то остынут.

Вздыхнув, я плюхнулась на лавку. Пирожки пахли потрясающе: теплым запахом ароматной сдобы с нотками ванили и сладкой свежестью душистой земляники. Вдохнув умопомрачительный запах, я потянулась за первым пирожком...

Наверное, я смогла бы съесть их все, но внезапно тарелка с пирожками уплыла на дальний конец стола, а мои пальцы схватили пустоту.

– Много горячего теста есть вредно, – объяснил домовый, – Может, поговорим? Какие у тебя дальнейшие планы на жизнь?

– Остаюсь! – кивнула я, не поддавшись на здравые рассуждения и все-таки отлевитирав тарелку с пирожками поближе к себе, – Мне здесь у вас понравилось. Или, думаешь, двум ведьмам будет тесно в одном королевстве? Если так, то подамся в другое. Мне Мироновна говорила, что с магами в этом мире большой напряг, так что, думаю, не пропаду.

– А зачем тебе другое королевство? – не понял домовый, – Оставайся с нами. Со мной! Я к тебе привык, ты ко мне вроде тоже. И Мироновна тебя не выгонит. Или есть еще какие-нибудь причины?

«Угу, – мрачно подумала я, – Есть одна причина – темноволосая и синеглазая». Вслух же ответила, что все отлично и замечательно.

Кажется, домовый мне не поверил. Во всяком случае, желтые пуговицы смотрели очень уж пристально.

Воздев глаза к потолку в мечтательном взгляде, я стянула с тарелки еще один пирожок и принялась уминать его с удвоенной силой. Вроде как рот занят, и ни на какие вопросы отвечать не могу.

Тихон наглядную демонстрацию оценил и ретировался, попросту растворившись в воздухе.

Обернувшись к Марусе, сидевшей на противоположном конце лавки, я неожиданно наткнулась на еще один рентгеновский взгляд. Удивленно приподняла брови.

– Думаешь, я не знаю, что ты с Греем целовалась? – мелодично произнесла кошка. – Ну и как? Понравилось?

В ответ я запустила недоеденным пирожком.

Маруся поймала его на лету и перемахнула через подоконник, зажав в зубах вкусный трофей. До меня донеслось звонкое хихиканье. Я же осталась в компании с одной-единственной мыслью: кто и когда успел наябедничать и кому за это дать по голове?

Несмотря на тоску, которая стойко одолевала меня вечерами, моя жизнь легко вошла в прежнее русло: снова во двор потянулся народ со своими проблемами и заботами, и о Грее я могла вспоминать лишь поздним вечером, когда ложилась спать. Поскольку удовольствие от таких воспоминаний было, мягко говоря, сомнительное, то я нарочно загружала себя делами до предела, чтобы сил хватало лишь на то, чтобы дойти в спальню, упасть на кровать и отключиться без всяких сновидений.

Новостями из дворца я особенно не интересовалась, хотя, разумеется, земля полнилась слухами, и нашу деревню они не обходили стороной. Как выяснилось, Мироновна, которую на самом деле звали просто и незатейливо Миррой, после своего возвращения довольно быстро взяла власть в свои руки, а после свадьбы намеревалась передать эту власть старшему сыну, как, собственно, и положено. О судьбе младшего королевского сына сарафанное радио упорно молчало, о судьбах его зеленокафтаных приспешников тоже.

Проявлять любопытство о королевской семье я принципиально не хотела, надеясь таким образом избавиться от пусть и не совсем далекого, но прошлого. К сожалению, никаких результатов подобное поведение не принесло, потому что в один из дней прошлое нашло меня само в облике Мироновны. Точнее, я хотела сказать, королевы Мирры.

Она пришла среди дня, когда я сидела в одиночестве (довольно редкий случай при моей занятости) и чистила овощи на обед – еще более редкий случай, учитывая, что к хозяйству домовой подпускал меня крайне неохотно, предпочитая все делать самостоятельно. Мирра просто появилась из портала посреди комнаты.

Я отвлеклась от овощей и поздоровалась с гостьей. Подниматься с лавки, впрочем, не спешила.

– Все еще обижаешься на меня? – мягко улыбнулась королева, присаживаясь на другую лавку с противоположной стороны стола.

– Уже нет, – честно призналась я, – Наоборот, даже благодарна вам, что вытащили меня из моего скучного времени. Вы были правы, сказав в самом начале, что здесь я открою для себя много нового и интересного, гораздо более интересного, чем технический прогресс и гламур глянцевого журналов. Спасибо!

– Значит, ты остаешься? – тихо подытожила королева, не сводя с меня внимательного взгляда.

– Если позволите, – улыбнулась я, отводя глаза и хватаясь за очередную картофелину, в безуспешной попытке унять бешено бьющееся сердце – из-за того, что глаза королевы в очередной раз напомнили Грея, будь он неладен.

– Вот и хорошо. – Не заметив моего душевного смятения, Мирра извлекла из складок платья небольшой конверт и положила его на стол, поближе ко мне. – В таком случае, я с еще большей радостью вручаю тебе приглашение.

– Куда? – упавшим голосом поинтересовалась я, чувствуя, как тревожно замирает сердце.

– Как это «куда»? – Королева изумленно приподняла тонкие брови и улыбнулась. – Дорогая, ты настолько заработалась, что потеряла связь с внешним миром? На свадьбу, конечно же! Грей и Гертруда хотят видеть свою спасительницу в числе почетных гостей.

Разумеется, и я тоже хочу тебя видеть. Ты же понимаешь, что, если бы не ты, ничего этого могло бы и не быть. Так что откладывай нож и овощи, бери конверт и пойдем во дворец!

– Я... я не могу! – выдохнула я, судорожно пытаюсь найти оправдание своему отказу.

– Почему? – моментально отреагировала королева, не оставив мне на размышления и нескольких секунд.

– А... дома никого нет, а я овощи обещала почистить... – Я продемонстрировала зажатую в руке измусоленную картофелину с болтающейся лентой кожуры. – Тихон появится – ругаться будет. Он же у нас с характером, если помните.

– Ох, Дарена! Вроде такая умная, столько всего знаешь, а самых элементарных вещей понять не в состоянии! – Королева покачала головой и шутливо погрозила пальцем, – Да твой домовый лучше тебя знает, что и когда с тобой происходит! Ты же его хозяйка, поэтому он в ответе – как перед тобой, так и за тебя. Знать о том, что с тобой происходит – его прямая обязанность.

«Так вот кто донес до Маруськиных ушей весть о поцелуе! – догадалась я. – Ну Тихон! Ну и тихоня!»

– Так что бросай свою картошку и пойдем! – Мирра встала с лавки и, подойдя ко мне, вынула из одеревеневших пальцев нож и несчастный клубень.

– Но... зачем так рано? – предприняла я последнюю попытку отдалить неизбежное. – Свадьба ведь только завтра. Вот завтра я и приду.

– Нет, так нельзя! – Мирра бесцеремонно сдернула меня за руку с лавки и потянула за собой к зависшему посреди комнаты облаку портала. – Сегодня вечером мы даем праздничный ужин в честь наших гостей. Тебе еще нужно успеть переодеться и сделать красивую прическу. И, ради Всевышнего, не придумывай больше поводов для отказа, иначе мы на тебя обидимся всей семьей!

Чувствуя, как подкашиваются ноги в предчувствии чего-то непоправимого, я обреченно шагнула в портал вслед за королевой.

ГЛАВА 25

Несмотря на упомянутых королевой гостей, в данный момент во дворце царила тишина. Вероятно, все были заняты подготовкой к предстоящему ужину. Не миновала сия чаша и меня. Выйдя из портала, я оказалась в просторном светлом помещении, обозначенном Миррой как «предоставленные в мое личное пользование лучшие покои для гостей». Не знаю, как насчет лучших покоев, поскольку ранее не имела возможности ознакомиться с убранством комнат во дворце, за исключением двух, но вот покой в прямом смысле этого слова мне сейчас точно не светил, причем даже далеким, призрачным светом.

Дело в том, что моего прибытия в этом самом помещении ожидали сразу несколько человек, и стоило нам появиться, как я моментально оказалась в самой настоящей осаде парикмахеров, модисток и прочих законодателей местного мира моды и красоты. Удовлетворенно улыбнувшись, Мирра исчезла из моего поля зрения, я же смогла в полной мере ощутить на собственной шкуре, что бывает, когда красота начинает требовать жертв.

Для начала меня провели в отдельную комнату, оказавшуюся купальней. Первое, что бросилось даже не в глаза, а в нос, это запах: теплый, почти горячий воздух изобилует ароматами, словно парфюмерный магазин. Лично я одурела от запаха за считанные минуты, а потому все дальнейшее воспринимала почти безучастно, лениво скользя взглядом по окружающей меня обстановке.

Посмотреть было на что: купальня представляла собой довольно большую комнату, сплошь выложенную серым мрамором с зеленоватыми прожилками, а в качестве украшения по стенам змеились замысловатые узоры, выполненные золотом с вкраплением крупных желтых камней. Добрую половину площади пола занимало подобие бассейна – круглая мраморная чаша с росписью по невысокому бортику, наполненная странной красной пеной. Вокруг чаши прямо на полу стояли батареи разнокалиберных посеребренных кувшинов и

кувшинчиков, расписные плошки с неизвестными мне мазями и порошками всевозможных цветов и, разумеется, свечи в высоких канделябрах. Вокруг суетились служанки.

Сначала я хотела выставить всех за дверь за ненадобностью, но, погрузившись в подозрительную пену, оказавшуюся горячей и нежной, словно пенка капучино, неожиданно почувствовала восхитительную слабость.

Такую, что расхотелось не только мыться, но и вообще шевелиться хоть как-нибудь.

Меня искупали в пене, затем вытерли, завернув в широкую простыню, и подтолкнули к лежанке, где в течение часа растирали пахучими маслами. В итоге я сама себе стала напоминать парфюмерный магазин, а от изобилия ароматов закружилась голова. К счастью, мне разрешили подняться, завернули в очередную простыню и наконец выпустили из купальни.

Едва я успела вдохнуть глоток свежего воздуха, как меня снова взяли в оборот и, усадив на высокий стул без спинки, в течение целого часа терроризировали в четыре руки мои несчастные волосы, успевшие к этому времени высохнуть. Когда я, было, испугалась, что осталась без волос, местные цирюльники сунули под нос большое зеркало в оправе и с гордостью продемонстрировали мне прическу а-ля «взрыв на макаронной фабрике», в которой я свою родную растительность признала с огромным трудом.

Нечто более всего напоминавшее воронье гнездо, высотой в добрых полметра (благо длина волос позволяла), обильно присыпанное пудрой и перевитое жемчужными нитями.

Первой и единственной реакцией был шок, но споры я решила отложить до тех пор, пока меня хотя бы не оденут. Возмущаться, будучи завернутой в одну лишь простыню, на мой взгляд, не слишком удобно, еще, гляди, свалится по неосторожности. А стриптиз в мои планы никак не вписывался.

За одеждой дело не стало. Закончив с прической, цирюльники удалились, передав меня двум портнихам. Те быстро облачили меня в подобающий празднику наряд, настолько туго стянув корсет, что я едва могла дышать, и повели к зеркалу. Причем именно подвели, взяв под руки, иначе под тяжестью наряда я споткнулась бы на первом же шагу.

Высокий блестящий прямоугольник в витой раме равнодушно отразил мой нынешний, совершенно непривычный, если не сказать кошмарный, вид.

«Гнездо» грозило засыпать пудрой глаза как мне, так и всем тем бедолагам, которым на празднике выпадет несчастье оказаться рядом со мной. Корсет довольно четко разделял тело на две половинки на манер песочных часов, из-за чего у меня возникло стойкое ощущение скорого перелома собственного позвоночника. А само платье из-за обилия воланов и жесткой серебряной вышивки оказалось настолько плотным и неудобным, что меня незамедлительно бросило в пот.

Ни о каком ужине, а тем более вечере в подобном облачении не могло быть и речи, если я хотела остаться живой. К тому же из-за пышной юбки-колокола я совершенно не представляла, как в подобном наряде можно присесть за стол. Фантазия рисовала жуткие картины от сломанного под тяжестью веса стула до перевернутого объемами юбки стола. Надо сказать, нынешних модниц я пожалела искренне, от всей души.

подавив тяжелый вздох по причине боязни сломать собственные ребра, я обернулась вокруг своей оси, волоча по кругу тяжеленный подол с хвостом шлейфа, и процедила сквозь зубы:

– Благодарю за труд. Но буду еще куда более благодарна, если вы немедленно освободите и меня, и мои волосы от всего этого безобразия!

Угрозу-просьбу подкрепила небольшим пульсаром, красноречиво покачав его на ладони перед носами оторопевших портних.

Подействовало. Оправдываясь на два голоса, что королева будет недовольна, а другого наряда для меня не предусмотрено, женщины все же сняли кошмарное платье и распустили прическу.

Вычесав пудру, я оставила волосы свободными, а к объемному наряду даже не прикоснулась, оставив сие сомнительное удовольствие портнихам. С интересом понаблюдав

некоторое время, как женщины воюют с платьем, водружая его на отдаленное подобие манекена, я мысленно представила наряд, который хотела бы видеть на себе, воссоздавая его во всех деталях. А мгновение спустя уже держала на руках длинное вечернее платье нежно-бежевого цвета.

Летящая ткань легко заструилась по телу, мягко обнимая фигуру. Облегченно вздохнув, я откинула за спину волосы и в очередной раз подошла к зеркалу. Вот теперь отражение меня вполне устроило: платье на тонких бретельках выгодно подчеркивало силуэт, оставляя открытыми плечи, грудь и часть спины в допустимых пределах, а к низу расходилось мягкими складками. Получилось красиво, женственно и, главное, легко. Почувствовав вожаделенную свободу, я с удовольствием вдохнула полной грудью.

Как выяснилось, рано обрадовалась. Чуть слышно скрипнула дверь и появилась королева в праздничном наряде, почти полном подобии отвергнутого мной. Я замерла в ожидании неминуемой взбучки на тему «в чужой монастырь со своим уставом», но взбучки не последовало. Взглянув на мои новшества, Мирра лишь улыбнулась и, взяв за руку, повела из комнаты.

– Куда мы идем? – настороженно спросила я, шагая рядом с королевой и бегло осматривая пустой коридор, богато украшенный золоченой лепниной и фресками по потолку и стенам.

– На ужин, – послышался краткий ответ, – Все уже собрались и ждут одну лишь тебя.

Я повернула голову в сторону узких витражных окон, расположенных на противоположной стороне коридора. Никаких признаков наступившего вечера не наблюдалось. Хотя кто сказал, что ужин в королевском дворце должен проходить обязательно в темное время суток?

Толпа собравшихся изобиловала яркими красками. Оправдывая мои ожидания, женщины все как одна были облачены в чересчур пышные платья, а замысловатые прически могли поспорить своей сложностью и масштабностью с самым грандиозным сооружением моего времени. Эйфелевой башней, например.

Из-за этой пышности сопровождавшим кавалерам приходилось держаться на приличном расстоянии от своих дам и далеко выдвигать локоть, держа руку на бедре, чтобы спутница могла ухватиться за предложенную опору без ущерба для своего наряда.

Оказавшись морально не подготовленной к подобному зрелищу, я едва удержала улыбку на лице. Ну что же вы, дамы, проще надо быть, тогда и кавалеры к вам потянутся! Кстати о кавалерах...

Судя по многочисленным заинтересованным взглядам, потянуться ко мне хотели все без исключения. Даже Грей, идущий нам навстречу через весь зал под руку со своей невестой, смотрел на меня так, как никогда раньше. Впрочем, анализировать его взгляд я намеренно не стала и сосредоточилась на Гертруде. Вопреки местной моде, южная красавица была облачена в изящный кружевной наряд цвета слоновой кости, щедро расшитый золотыми нитями, а волосы завилы тугими кольцами и распустила. Смелое декольте украшало то самое бриллиантовое ожерелье, из которого я ранее пыталась заполучить камушек. Сочетание белого и золотого цветов, смуглой кожи, пышного плаща волос (кольца спускались до самой талии) и огромных, блестящих, словно спелая вишня, глаз даже у меня вызвали укол легкой зависти. Могу представить, что творилось с окружающими. Бесспорно, Гертруда была самой красивой среди всех присутствующих дам, а вдвоем с Греем они составляли просто великолепную пару.

Я, разумеется, ни на что не претендовала, но вновь получила лишнюю возможность осознать, насколько невозможными были все мои прошлые мечты. Труды была похожа на бархатную летнюю ночь, жаркую и пьянящую. Я же была настоящим днем, безоблачным, теплым и светлым. Грею конечно же подходила ночь...

К счастью, мои размышления довольно быстро прервали. Ее величество, кратко поприветствовав сына и будущую невестку, подвела меня к высокому, довольно

симпатичному мужчине и принялась знакомить. Я не сразу поняла, в чем суть, и очнулась лишь тогда, когда Мирра, перечислив титулы и звания, перешла к цели знакомства, попросту объяснив, что вручает меня незнакомцу (имя я тоже благополучно пропустила мимо ушей) на весь вечер. Если бы сейчас на дворе был двадцать первый век, я бы непременно насторожилась из-за двусмысленности фразы. К счастью, век был невесть какой, но точно не двадцать первый, поэтому подобный сарказм посетил исключительно мою голову, благополучно миновав остальные.

Кавалер расцвел в восхищенно-радостной улыбке, словно ему преподнесли не меня, а как минимум половину королевской казны, и склонился в изящном поклоне. Ощущая себя полной душой, я присела в реверансе, старательно удерживая равновесие. Увидев, что знакомство состоялось, королева удалилась с гордо поднятой головой.

Кавалер выпрямился, в меня незамедлительно вонзились две пристальные горячие иглы его карих глаз. Забыла добавить – восхищенных. Приятно, но не сногшибательно. Хотя столь повышенное внимание мне, бесспорно, польстило.

Что же, если Грей находится вне зоны досягаемости и недоступен, словно пресловутый журавль в небе, придется извлекать выгоду из синицы, которую сунули в руки. В конце концов, сегодня праздник, и я хочу внимания и веселья.

– Могу я узнать ваше имя, прекрасная незнакомка? – неожиданно спросил незнакомец, учтиво, но крепко беря мою руку своими ладонями и прикасаясь к ней губами.

Я недоуменно воззрилась на него, едва не брякнув в ответ «Дуся», и раскрыла от удивления глаза. Он что, глухой? Даже несмотря на рассеянность, я прекрасно помню, что королева называла ему мое имя! Впрочем, мне тоже не мешает задать ему подобный вопрос. Хотя зачем? Вряд ли я увижу этого человека еще хоть раз в жизни, потому что появляться в замке не планирую, а он, похоже, даже и слова «деревня» не знает. Так что...

– Предлагаю обойтись без имен и сохранить интригу, – улыбнулась я, вынимая руку из крепких пальцев.

Ответить мужчина не успел, потому что звонкий голос королевы пригласил всех к праздничному столу. Взяв спутника под руку, я принялась лавировать между парами, стараясь не наступить на шлейфы дам – еще одну головную боль здешней моды.

ГЛАВА 26

За столом пришлось изрядно понервничать. Дело в том, что мое место оказалось рядом с Гертрудой, а напротив, соответственно, сидели Грей и мой спутник. Если слова благодарности, которые периодически шептала мне Труди, я еще могла спокойно выдерживать, то взгляды, которыми меня одаривал незнакомец, вызывали во мне безудержное веселье.

Когда мужчина тебе нравится, то страстные взгляды с его стороны воспринимаются благосклонно и разжигают в крови ответный огонь. Если же мужчина тебе, что называется, до лампочки, причем самой что ни на есть высокой, то его взгляды вызывают лишь желание расхохотаться, причем от души.

В общем, мой бедный кавалер искренне старался, смотрел на меня горящими глазами, едва не прожигая взглядом стол. А я в ответ тихо бесилась в душе и раздумывала над тем, как прекратить этот призывный фейерверк, который уже давно заметили окружающие и теперь с нескрываемым интересом наблюдали за развитием событий.

В голове, конечно, крутилось несколько вариантов. К примеру, можно было от души наступить источнику красноречивых взоров на ногу, пользуясь тем, что этого никто не увидит. Опасность заключалась лишь в том, что можно было ошибиться и навредить не тому человеку.

Также я могла воспользоваться магией, но колдовать при таком количестве народа попросту боялась. Вдруг опять что-нибудь не так рассчитаю и переверну весь дом вверх дном.

Был и еще один немаловажный фактор, который останавливал меня от решительных действий. Не знаю почему, но Грей тоже не сводил с меня глаз, правда, лишь в том случае, когда этого не видела Гертруда. Вот только в его взгляде я читала такую безысходную грусть и тоску, что мне хотелось завывать в голос на луну, которая к этому времени с любопытством заглядывала в узкие окна залы.

С одной стороны, я старательно запрещала себе думать об этих взглядах и Грее вообще, с другой – искренне недоумевала по поводу столь явной грусти. Судя по всему, в его жизни наступили счастливые перемены, все складывается наилучшим образом, а через несколько часов состоится свадьба с самой красивой девушкой в королевстве. Ладно, не буду отвечать за все королевство, но, во всяком случае, здесь, во дворце, Труды, бесспорно, самая восхитительная. Так с чего же вдруг грусть? Тоска по холостой жизни? Суший бред! Ревность ко мне? Ага, как же! Размечталась! Бред вдвойне! Тогда в чем же дело? Хотя, впрочем, меня это не касается – и точка. Знать ничего не желаю!

Я задумчиво подцепила вилкой лист неведомого растения, более всего напоминавшего по форме подорожник, и покосилась на соседа, бойко уписывающего неизвестно какого по счету рябчика.

Как ни странно, в этой стране напрочь отсутствовал этикет. Точнее, он присутствовал, но совсем не в той форме, к которой я привыкла в своем мире. Ничего хотя бы отдаленно напоминающего нож я, как ни старалась, так и не увидела. Жареных барашков и поросят подавали уже разделанными, причем мясо с общего блюда полагалось брать руками. А птицу ставили перед каждым гостем на отдельной тарелке. Благо вилки были в ходу: маленькие, двузубые.

Салатов, в каком виде я их знала, не существовало и в помине, а грандиозную в своем величии смесь овощей и всевозможной травы, аккуратно выложенную высокой горкой, вынесли на нескольких блюдах. Присмотревшись, я определила, что овощи не потрудились нарезать, а трава торчала со всех сторон живописными пучками.

Не стану спорить, со стороны сей шедевр смотрелся красиво, но стоило только первому гостю посягнуть на это великолепие с ложкой, которую любезно поместили на край блюда, как горка овощей рассыпалась по скатерти, оставив незадачливого любителя витаминов практически ни с чем.

Любитель, правда, ничуть не расстроился и быстренько помог себе руками, попросту накидав овощей на тарелку, но подобное поведение мало сочеталось с его пышной, расшитой золотом и камнями одеждой, а также шляпой а-ля д'Артаньян. Роскошное белое перо на шляпе периодически задевало за высокие прически сидевших поблизости дам, когда мужчина начинал слишком интенсивно вертеть головой. Дамы испуганно взвизгивали и игриво шлепали обладателя шляпы по плечам.

Я следила задумчивым взглядом за застольем и прикидывала в уме, что могу оказаться в этом мире очень даже полезной и без всяких магических способностей. Во-первых, расширю ассортимент столовых приборов, далее внесу некоторые поправки в этикет, а еще смогу научить здешних поваров многочисленным интересным рецептам из моего мира. Покажу, к примеру, как готовить домашний майонез, потом сварганю любимый оливье – классику новогодних застолий, научу печь торты.

Кстати, вот тортов я здесь за все время так и не увидела. Пирог, блинчики, расстегаи, кулебяки и прочая выпечка была прочно в ходу, а вот тортов не попалось ни одного. Короче, будет чем заняться. Тем более что готовить из здешних продуктов – сплошное удовольствие. Никакой тебе химии, концентратов, загадочных ГМО и прочей хрени, которой щедро изобилуют продукты моего времени, где в одной несчастной колбасе вместо положенного мяса приобретаешь всю таблицу Менделеева. Представляю, как бедный Дмитрий Иванович целыми сутками в гробу вертится – он-то свою таблицу явно не для таких целей составлял.

В общем, все было, конечно, хорошо, но слишком утомительно. Учитывая тот факт, что праздничный ужин, начавшийся чуть позже полудня, благополучно растянулся до позднего вечера, я успела наестся едва ли не на год вперед и теперь застыла на стуле скорбной

статуй, ожидая конца этого разгула чревоугодия. Хотелось как можно быстрее выйти из-за стола и удалиться в предоставленную мне комнату, спокойно растянуться на кровати кверху объевшимся пузом, подальше от этой глупой, никчемной суеты и озабоченного страстью блондина напротив.

Грей, с его тоской в глазах, к этому времени уже бесил изрядно – ну не пристало счастливому жениху взирать на мир с такой неподдельной грустью!

К счастью, наконец подали десерт, и когда большинство гостей перестало размазывать по изящным тарелочкам разноцветную смесь, в которой я с трудом признала мороженое, королева объявила танцы.

Я озадаченно прикусила губу. Вряд ли здешние танцы будут похожи на дискотеку. Оркестр скорее порадует нас заунывными вальсами, менуэтами, мазурками и подобной дребеденью, в которой я нисколько не разбираюсь и, честно говоря, не горю желанием разбираться. А значит, наступил самый подходящий момент свалить с праздника, не привлекая излишнего внимания.

Я аккуратно сползла со стула, намереваясь раствориться в толпе ринувшихся к выходу из залы парочек, но неожиданно была схвачена за локоть прытким кавалером, неизвестно каким образом оказавшимся столь быстро рядом со мной. Едва не уткнувшись носом в его расшитый серебром камзол, я выдала сквозь зубы пару ненормативных словечек и испуганно прикусила язык. Потом, правда, успокоилась, догадавшись, что в этом мире матом не только не ругаются, но и, к счастью, даже не понимают смысл подобных выражений.

– Потанцуем? – улыбнулся кавалер, подавая мне руку.

– Искренне советую поберечь ноги, уважаемый, – честно ответила я, но, не найдя свободных путей к отступлению, вложила пальцы в его ладонь, – Я танцую словно слон, поэтому быстро отдавлю вам ноги. Лучше поищите себе другую партнершу!

– Исключено, – Собеседник вежливо улыбнулся, в глазах запрыгали шальные чертики, – Я мечтаю, чтобы мои ноги в танце отдавили именно ваши туфельки и ничьи больше.

Я смогла лишь огорченно вздохнуть в ответ. Вот мазохист хренов! Туфельки ему понадобились! Так, может, стоит разуться, отдать эти чертовы туфли, а самой свалить подобра-поздорову? Пусть себе пляшет с туфлями, если они ему так нравятся!

Невысказанное предложение застряло на языке, потому что, закончив словесную перепалку, кавалер потянул меня в толпу. Среди болезненных тычков локтями под ребра и прочих «прелестей» толкотни, стало совсем не до разговоров.

В итоге в предназначенный для танцев зал мы выбрались всего лишь немного помятыми, а кому-то повезло меньше – нашлись оторванные манжеты, оборки и съехавшие набок грандиозные прически. Еще было слышно много жалоб из-за истоптанных шлейфов. В общем, танцы начались весело: дамы манерно отряхивались, а кавалеры чертыхались сквозь зубы под аккомпанемент нежных звуков вальса, издаваемых горсткой музыкантов, стоявших на небольшом возвышении у дальней стены.

Именно в этот момент Грей, как, видимо, полагалось по этикету, вывел в пустой центр залы Гертруду. Грациозно поклонившись друг другу, они плавно заскользили по мозаичному полу под чарующие звуки музыки. Присутствующие быстро прижались к стенкам, образуя большой круг, и принялись наблюдать за танцем.

Я честно подавилась слюной зависти, глядя на пару, и осознала, что по сравнению с ними буду смотреться не просто как слон, а как очень неуклюжий слон. Все мои дискотечные подергивания не шли ни в какое сравнение с тем, что вытворяли в данный момент Грей с Гертрудой. Танцевать в такой манере я не умела, хотя, признаюсь, теперь, после увиденного, была бы совсем не прочь научиться. Вот только для этого, похоже, нужно несколько лет потеть в танцклассе. Причем потеть как следует. Я же никогда в жизни не переступала порог подобного заведения.

В круг медленно потянулись пары. Понимая, что приближается момент моего неминуемого позора, я оглянулась в сторону выхода, пытаюсь понять, насколько далеко мы

от него отошли. Потом взглянула на своего кавалера и, наплевав на то, какой дурой покажусь ему сейчас, решительно выдернула руку из стальной хватки.

– Извините, сейчас вернусь. Понимаете, утюг забыла выключить!

Оставив блондина озадаченно хмурить брови, раздумывая над загадочным словом «утюг», я смешалась с толпой и заторопилась к выходу, ощущая на щеках лихорадочный жар.

Выбежав из танцевальной залы, я благополучно миновала помещение, в котором нас столь долго угощали, и выбежала в пустой коридор. К счастью, никто не окликнул, никто не остановил. Не желая и дальше испытывать везение на прочность, я быстро открыла портал и мгновение спустя упала на возделенную кровать в предоставленных мне апартаментах.

Разумеется, было немного стыдно за свое поспешное бегство перед безымянным кавалером, но, с другой стороны, если бы я осталась, то краснеть пришлось бы сразу перед сотнями людей. Так что я выбрала наименьшее из двух зол. На том и покончим с угрызениями совести. Надеюсь, что кавалер не отправится на мои поиски по всему замку. Впрочем, даже если сунется, не открою!

Поднявшись с кровати, я подошла к двери и повернула торчавший в замке ключ. Послышался тихий щелчок. Вот и все, я вне зоны досягаемости. Так, чем бы теперь заняться?

В комнате царил мягкий полумрак, на прикроватном столике ярким пятном горели три свечи в золоченом подсвечнике. Я тоскливо вздохнула.

Эх, сюда бы люстры и свет! Много света! Да здравствует лампочка Ильича! А полумрак я не люблю, он селит тени по углам и создает ощущение одиночества. Некоторые барышни находят в полумраке романтику, но я не из их числа, меня от недостатка света клонит в сон. Искупаться, что ли? А то платье и волосы впитали в себя все запахи местной кулинарии.

Вот ненавижу это свойство волос и одежды! Еще в своем мире бесилась, когда попадала в курящую компанию – сама не куришь, зато волосы потом воняют, словно пепельница, а одежду нужно срочно стирать, а то впору задохнуться в никотиновом дурмане.

Я обошла кровать и толкнула небольшую дверь. В воздухе запахло влажностью, перемешанной с ароматами масел и благовоний. В купальне вместо пены в этот раз обнаружилась чистейшая вода, благоухающая розами. На дне отчетливо виднелась каменная мозаика. Самоцветы складывались в сложное переплетение цветов и листьев.

Разувшись, я спустила с плеч тонкие бретельки, позволив платью легко соскользнуть на пол, потом переступила ставший ненужным наряд и спустилась по каменным ступеням в купальню. К моему огорчению, воды было мало. Она едва доставала до середины бедер. Впрочем, в прошлое мое купание красной пены было ровно столько же. Просто в тот раз голова была занята другими мыслями, поэтому на глубину купальни я совершенно не обратила внимания. Сейчас же сдержала вздох огорчения и опустилась на дно, удобно устроив голову в специальной выемке на каменном бортике. Вода приятно обняла тело прохладой, намочила вмиг потяжелевшие волосы. С наслаждением вдохнув аромат роз, я закрыла глаза.

В памяти незамедлительно всплыли события сегодняшнего вечера. Пестрая толпа гостей, королева, произносящая благодарственную речь, мой вынужденный кавалер с восхищенным взглядом, скользящие в центре зала под звуки вальса Грей с Гертрудой...

Вопреки здравому смыслу, сердце кольнула острая игла. Я тяжело вздохнула. Ничего, все пройдет и забудется. Не имею привычки уводить чужих женихов, тем более что в данном случае у меня действительно нет никаких шансов. Память услужливо переключилась на прошлое: вот я открываю мешок и вижу страшнейшую образину, которая может существовать только в чьей-нибудь воспаленной фантазии, но никак не в природе. Потом эта образина спит со мной в одной постели, спихнув с законного места Марусю, и уже совсем не кажется страшной. А потом в дом приходит стража и показывает мне портрет беглого преступника, чей образ моментально западает в душу. И наконец, судьба делает финт ушами, и образина оказывается самым красивым мужчиной на всем белом свете. Чужим

мужчиной...

Все. Стоп. Хватит воспоминаний. Лучше всего сейчас вернуться домой к Тихону и Марусе, а на свадьбе и без меня будет вполне достаточно гостей. Скорее всего, моего отсутствия даже не заметят.

Я резко поднялась из воды, отжала волосы и... застыла неподвижно, глядя в сторону каменных ступеней.

На самой верхней ступеньке, не сводя с меня горящих глаз, стоял Грей и, судя по всему, намеревался сойти в воду...

ГЛАВА 27

Он сделал шаг.

Я автоматически отметила, что вода лизнула носки остроконечных сапог.

Второй.

Мой разум панически заметался в поисках выхода.

Третий.

Словно загипнотизированная, я не могла отвести глаз. Его взгляд умолял, обжигал, манил, обещая все то, в чем я отказывала себе даже в мыслях.

Четвертый.

Не придумав ничего лучше, я побежала к дальнему бортику, поднимая тучи брызг. Ноги неуклюже заплетались в воде, сердце готово было выскочить из груди, а щеки горели, словно от мороза.

Догнать меня Грею не составило никакого труда. Я лишь услышала короткий всплеск, и через мгновение сильные руки обхватили меня за талию. Золоченая вышивка костюма оцарапала обнаженную кожу. Развернув меня к себе лицом, Грей впился в губы поцелуем.

«Нельзя! Неправильно! Он чужой и любит другую!» – оглушительно вопила одна половина моего рассудка.

«Дура! Ты же любишь его, значит, можно. К тому же если он любит другую, то какого черта приперся к тебе?» – вещала другая половина.

«Нельзя, это другой мир, другие правила и нравы. Поддавшись на соблазн сейчас, потом ты не сможешь все забыть и будешь страдать. Не делай этого!» – вразумляла меня здравая часть.

«Если не сделаешь этого сейчас, потом уже не будет возможности. Никогда!» – постанывала другая, порядком опьяневшая от происходящего часть.

Пока я выбирала между здравым смыслом и искушением, Грей покрывал мое тело горячими поцелуями, изредка что-то бормоча глухим голосом, и торопливо срывал с себя мокрую одежду. Срывал в прямом смысле: несчастная материя безжалостно трещала по швам и лоскутами летела в воду.

Едва под моими руками оказалось его обнаженное, горячее тело, я потеряла голову. В конце концов, я живая женщина, а не робот какой-нибудь, и передо мной сейчас любимый и желанный мужчина. Тот, о ком я так долго мечтала и кого звала в своих снах. И неважно, что от него разит спиртным, неважно, что утром он женится на другой, неважно, что потом я не смогу жить без него, в то время как он будет счастлив с моей почти подругой...

Отрезвление наступило так быстро, что у меня на глаза навернулись слезы. Действительно, я самая последняя дура, потому что *думая* в самый неподходящий для этого момент! Правду говорят – горе от ума. Вот только я не могу иначе...

Оттолкнув Грея обеими руками, я отрицательно качнула головой и помчалась к ступеням. В память врезался последний взгляд, которым наградил меня любимый – взгляд побитой собаки, донельзя удивленный и обескураженный. К счастью, догонять меня он не стал.

Подняв с пола платье, я торопливо вышла из купальни. Оказавшись в комнате, натянула его прямо на мокрое тело. Увидела ранее отсутствовавший проем в стене –

потайной ход, которыми изобилует дворец. Именно через этот ход проник сюда Грей...

Послышался плеск. Видимо, Грей все же решил догнать меня. Очень жаль.

Шепнув несколько слов, я открыла портал и шагнула в туманное марево, даже не оглянувшись. Вслед полетел короткий окрик – мое имя голосом Грея...

Вот я и дома. Знакомая до мелочей комната в свете предрассветных сумерек. Сумасшедшая ночь близится к концу. И не только она...

– Проблемы с платьем? – Домовой сидел на лавке, сочувственно глядя на мое мокрое платье.

– Небольшие, – кивнула я и щелкнула пальцами, высушивая мокрую ткань, а заодно и волосы. Еще бы щеки высушить...

– Похоже, проблемы не только с платьем, – определил домовой, пристально разглядывая мое лицо.

– Что? – Я кинулась в спальню, но вдруг застыла, сообразив, что мои любимые джинсы остались во дворце. Из-за поспешного бегства и сумбура в голове я просто о них забыла. Ну и плевать! В конце концов, платье тоже одежда, пусть и не такая удобная.

– Уходишь?

Тихий вопрос буквально припечатал меня к полу. А ведь правда, уйду. Тяжело вздохнув, я подошла к домовому, присела рядом на лавку. Виновато заглянула в желтые круглые пучки глаз.

– Так будет лучше, понимаешь? – Черт, ненавижу оправдываться! И тем более ненавижу чувствовать себя виноватой! – Одно дело прийти и все исправить, а совсем другое – взять и сломать все собственными руками. Я не могу. Мне очень дорого все, что я узнала в этом мире, и все, кого я узнала. И очень понравилось жить здесь. Но я не хочу жить и страдать. Лучше забыть... Мироновна, то есть королева Мирра, пообещала, что я все забуду, если вернусь. Теперь я хочу вернуться. Раньше думала – останусь. Но теперь поняла, что не смогу. Прости.

– Дело в Грее, верно? – Домовой осторожно коснулся своей мохнатой ручкой моей руки, – Он причина твоего бегства.

Последние слова прозвучали утвердительно. Я опустила голову, разглядывая свои босые пальцы, выглядывающие из-под длинного подола. Надо же, и туфли забыла надеть...

– У Грея все будет хорошо. Через несколько часов состоится свадьба, потом он получит престол и проживет спокойной, счастливой жизнью. Он этого достоин.

– А чего достойна ты?

– Я? – Подняв голову, я обвела долгим взглядом комнату. Задержала взгляд на небольшой уютной печи, которую, как только освоилась в магии, раскрасила затейливым узором; на столе, покрытом ажурной скатертью; на ровных, снежно-белых стенах и потолке, который сделала выше на целый метр, упражняясь в изменении пространства. – Я оказалась достойна замечательного, потрясающего приключения! Только каждое приключение имеет начало и конец.

– Что ж, твой выбор – твое право, – кивнул домовой и слез с лавки. Деловито пошлепал к печке.

– Тиша, а пойдем со мной? – окликнула я пушистика. – Будешь у меня в квартире жить. Не дом, конечно, но тоже ничего.

– И рад бы, да не могу. – Домовой даже не обернулся, зашуршал чем-то в углу. – Мой дом тут. Да и тебе по возвращении положено забыть все. И брать отсюда никого и ничего нельзя. С чем пришла – с тем и уйдешь. Таковы правила.

– Да, знаю. – Я поднялась с лавки, не отрывая взгляда от серого пушистого шарика. – А где Маруся?

– В саду, – буркнул домовой. – Не волнуйся, ее ты заберешь обратно независимо от того, где она сейчас находится. Таков закон равновесия. И вещи, в которых пришла сюда, тоже получишь.

– Хорошо, – Я еще раз бегло оглядела комнату, – Тогда спасибо тебе за все и... удачи.
Сказать «прощай» язык почему-то не повернулся. В комнате замерцал портал. Не зная, что еще сказать, я шагнула в туман.

– Постой! – Домовой в последний момент неожиданно запрыгнул на руки, прижался к щеке. – Знаешь, я говорил, что ты устроишь здесь бардак, а получилось так, что это мы устроили бардак в твоей жизни. Верно?

– Зато это самый увлекательный бардак! – искренне улыбнулась я.
Домовой соскочил на пол, махнул на прощание. Туман растаял.

Королеву я нашла в танцевальном зале. В полном одиночестве она стояла у окна. Едва вышла из портала, тут же услышала ее спокойный голос:

– Я ждала тебя, Дарена.

Прозвучало несколько грустно, но твердо. Итак, сейчас меня будут обвинять в совращении королевского отпрыска? Нет, ошиблась.

Обернувшись, Мирра окинула меня внимательным взглядом.

– Я хочу... – начала было я.

– Знаю, – мягко перебила королева, – И отговаривать не стану. Ты вольна поступать так, как считаешь нужным.

Я не удержалась от саркастической усмешки. Ну конечно! Теперь, когда все, что от меня требовалось, оказалось выполненным, я вольна в своих поступках. Особенно учитывая события последней ночи. В том, что Мирра в курсе произошедшего, точнее, чуть не произошедшего, я ничуть не сомневалась. Поэтому и отговаривать не станет. Наоборот, думаю, считает секунды до моего исчезновения.

– Зря ты так, Дарья! – неожиданно осадила меня королева, впервые за все время назвав настоящим именем. С укором взглянула в глаза, словно прочитала мысли. – Будь моя воля, я удержала бы тебя всеми доступными способами. Но закон равновесия миров таков, что главную роль в нем играют желания перемещаемого. Именно поэтому я старалась всеми способами вызвать в тебе искреннее желание остаться, когда переместила сюда. И сказала, что верну, как только ты этого искренне захочешь. Сейчас этот момент наступил. Пойми, я ведь слушаю не твои слова, а твое сердце. Только оно знает наши истинные желания.

Я опустила глаза. Если бы королева и впрямь слушала мое сердце, то вряд ли отпустила обратно. Потому что как раз сердце в данный момент обливается горькими слезами, несмотря на все мое внешнее спокойствие. Но, к счастью, боль очень скоро закончится. А потом все пойдет так, как и должно быть: все будут на своих законных местах и заживут предопределенной жизнью. Жизнью без приключений. Закон равновесия, черт бы его побрал!

Яркая мозаика пола неожиданно бросилась в лицо, перед глазами потемнело. Не успев даже испугаться, я потеряла сознание.

Королева вздохнула и вновь посмотрела в окно. Первые робкие лучи солнца раскрасили утреннее небо. Рассвет. Жизнь продолжается, и окончание чего-либо несет в себе лишь новое начало...

Часть вторая НАРУШАЯ ЗАКОНЫ

ГЛАВА 1

Туман портала растаял, оставив его ни с чем. Выругавшись, он саданул кулаком по

распахнутой двери. Боль немного отрезвила, но в голове встревоженным роем гудели вопросы.

Почему отказала? Почему ушла? Ведь только слепой не заметит интереса в ее глазах! И ладно бы если просто интереса. Но он ей небезразличен! И она ему тоже! Возможно, испугалась? Да, скорее всего. К тому же на что он рассчитывал, направляясь сюда? Ведь совсем скоро состоится его свадьба. Как он вообще посмел прийти? Посмел. Потому что напился. Нет, не так. Напился специально, чтобы хватило смелости прийти, признаться во всем, в чем раньше не смел. Почему не смел? Проклятые условности! Положение, общество, свадьба... Гертруда, наконец.

Конечно, встретив Гертруду в лесу после долгой разлуки, он искренне обрадовался и был по-настоящему счастлив. Но постепенно выяснилась одна немаловажная деталь: да, Гертруду он по-прежнему сильно любил, но... как сестру, как близкую подругу. Разумеется, она оставалась его невестой, и обидеть ее ему бы и в голову не пришло. Но сердце диктовало свои правила: любовь изменилась, переродилась, если можно так сказать. Сегодняшний вечер лишнее тому подтверждение. И дальше так не может продолжаться. Потому что слишком долго он был рядом с другой.

Эта другая поначалу была смешной и неуклюжей, забавной, словно маленький котенок. Многие ее слова были странными и незнакомыми, а когда она пыталась колдовать, впору было уносить ноги, опасаясь за собственную жизнь. Но в характере девчонки присутствовали потрясающая сила воли и упорство. Она злилась, с чувством крыла все и вся непонятной бранью, изредка плакала в подушку, но все равно в итоге добивалась своего.

А как она смогла принять его, в странном образе уродливой твари! Сразу возникло ощущение, что она не боится никого и ничего. Домовой и тот помчался его убивать, не разглядев от испуга истинной сущности, а она отстояла, причем выражения отвращения на ее лице он так никогда и не увидел. Жалости – да. Однажды – испуга, когда разбудил ее на рассвете. Но отвращения – ни разу.

Поначалу он лишь терпеливо ждал, когда несмышленная девчонка освоится в магии. Но потом ему стало интересно рядом с ней. Заботы о своем будущем незаметно отошли на второй план. И он отчетливо представлял себе, как она однажды возненавидит его, узнав, что он всего лишь использует ее для того, чтобы вернуть себе законный человеческий облик. По крайней мере, именно так это выглядело со стороны. Но... ничего подобного не произошло.

Девчонка лишь сунула ему под нос его портрет, неизвестно как попавший к ней в руки, а потом молча уткнулась в книгу и просидела над ней до самого вечера. А потом был обряд, где она спасала его, не жалея ни собственных сил, ни собственной жизни. Ведь если бы он забыл, что на самом деле является человеком, вполне мог вцепиться зубами в ее горло и разорвать его, оборвав тем самым нить ее жизни. Она этого не знала, зато он знал и, к счастью, не позволил себе полностью забыться. Все равно потом было стыдно за причиненную боль, но подойти и сказать нужные слова как-то не получалось. Попытки поговорить ни к чему не приводили. К тому же рядом всегда была Гертруда.

Гертруда...

Как сказать ей, что он не хочет этой свадьбы? Разбить еще одно сердце? Он не имеет на это права. Она ждала его, собрала армию, а он теперь возьмет и бросит ее накануне торжества? Ославит перед гостями? Нет, так нельзя. А как же Дарья? Увидев ее рядом с другим, он едва не сошел с ума от ревности. Тогда и понял, как все серьезно, но было уже поздно что-либо менять. Сейчас тоже поздно. И может, даже к лучшему, что она ушла. Нет, не ушла, сбежала. Но все равно к лучшему. Скоро они увидятся на свадьбе. Свадьбе, которой он не хочет.

Грей оглянулся на купальню. В воде плавали обрывки его одежды, на бортике остались ее туфли, и стояла тишина. Вот и все, конец сказке, в которую он чуть было не поверил. Реальность же такова, что совсем скоро ему предстоит жениться на другой.

Он медленно прошелся по комнатам. На ширме обнаружил забытые ею джинсы и рубашку. Взял в руки. Усмехнулся. Никак не мог понять, почему Дарья так сильно любит эти

странные штаны. Впрочем, судя по рассказам, это самая удобная вещь в ее мире. Нужно будет вернуть. Конечно, она и сама скоро придет и заберет свою одежду. Но так у него будет лишний повод ее увидеть.

Сжимая в руках одежду, Грей вышел в потайной ход.
Рассвет. Пора возвращаться.

Едва он вернулся к себе, как в дверь постучали. Накинув рубашку взамен порванной и спрятав вещи Дарьи под подушкой, он открыл дверь. Робко улыбувшись, в комнату вошла Гертруда.

– Видеться перед свадьбой – плохая примета! – Грей недоуменно поднял брови.

– Я ненадолго. – Проигнорировав предупреждение, девушка прошла в комнату и села на кровать. – Нам нужно поговорить.

– Что-то случилось? – Он нахмурился.

– Случится, и очень скоро, – серьезно кивнула невеста, внимательно глядя ему в глаза, – если мы сейчас с тобой не поговорим.

Он закрыл дверь, подошел и сел рядом. Посмотрел на Гертруду. Красивая, даже слишком. Только Дарья лучше. Точнее, не лучше, а просто другая. Любимая...

– О чем речь?

– О нас с тобой, – Девушка вдруг озорно улыбнулась. – Послушай, Грей, давай перестанем обманывать друг друга. Ты меня не любишь. Точнее, любишь, но совсем не так, как любят невесту. Я не слепая и давно все вижу. Понятно, что мы с тобой находимся во власти обстоятельств и обязательств, но только это не должно стать помехой нашему счастью. Твое счастье рядом с Дарьей, а мне свое еще предстоит найти.

– Что ты такое говоришь? – недоуменно отозвался Грей, все еще не веря в услышанное. – А как же любовь? Разве тебе не больно?

– Нет! – Гертруда пожала плечами, подняла на него лучистый взгляд. – Я люблю тебя, Грей, правда, очень люблю. Но совсем не так, как раньше. К сожалению, за время твоего отсутствия мне понравилась та беспокойная жизнь, в которой я руководила армией, придумывала планы, разрабатывала стратегии. Так получилось, что со временем идея воевать за тебя вытеснила любовь к тебе. Она изменилась, стала дружеской. Ты мне по-прежнему очень дорог, но спокойная и скучная жизнь во дворце не для меня. А вот Дарья, думаю, отлично с этим справится. Учитывая то, как горят ее глаза при виде тебя, у вас все сложится замечательно. Извини, что я так долго молчала. Просто ждала подобного разговора от тебя, а потом поняла, что ты слишком благороден для того, чтобы нанести мне душевную рану. Поэтому пришла сама, пока еще не все потеряно.

– И чем же ты дальше займешься? – Грей внимательно посмотрел в черные девичьи глаза. – Как видишь, в моей стране воевать больше не с кем.

– Твоя страна не единственная. Кому-то где-то обязательно потребуется помощь. Вот там я и приложусь.

– Но тебя ведь могут убить?

– Вряд ли. Впрочем, обещаю тебе не лезть в самое пекло. Пока же знаю одно: главнокомандующий моего конного отряда очень расстроился, когда я распустила армию за ненадобностью. Судя по взглядам, которые он бросал на меня, вряд ли поводом для его грусти была только одна армия.

– Если хочешь, могу выделить тебе отряд под командование. И не нужно будет никуда уходить.

– Это бессмысленно. В твоей стране теперь все будет тихо и спокойно, а имея рядом жену-ведьму, ты вполне сможешь разобраться со всеми проблемами самостоятельно. Мне же придется куковать в ожидании очередной заварушки долгие годы. А потом я состарюсь, и будет уже не до армии. Так что спасибо за предложение, но оно мне не подходит. – Гертруда поднялась с кровати и дружески похлопала его по плечу: – Давай, милый, иди к Дарье! Думаю, после праздничного ужина, где мы с тобой намозолили ей глаза в качестве любящей

пары, на душе у нее скребут кошки. Очень много кошек. Кстати, я уже поговорила с королевой и сообщила ей о переменах в наших планах. Должна сказать, не заметила, чтобы она сильно удивилась. Просила только, чтобы ты к ней зашел. Ну все, мне пора!

Грей проводил ее задумчивым взглядом до самой двери, размышляя над тем, какими пронизательными создала женщин природа. Потом очнулся и догнал девушку, подхватил на руки.

– Спасибо!

Гертруда засмеялась, ласково взъерошила его волосы.

– Удачи, Грей!

Он опустил ее на пол, легонько поцеловал в щеку.

– Ты необыкновенная! Мне жаль, что у нас все так сложилось.

Гертруда качнула головой:

– Мы не виноваты. В наши отношения вмешалось время. А оно, как ты знаешь, очень сильный противник.

В очередной раз улыбнувшись, девушка вышла из комнаты. В тишине коридора слышались легкие торопливые шаги.

ГЛАВА 2

Было немного совестно, но душа пела от счастья. Свободен! Наконец-то! Правда, все получилось чуть сумбурно и неожиданно, но теперь все действительно встало на свои места. Права Гертруда – нужно бежать к Дарье, причем как можно быстрее. Главное, чтобы она к этому времени вернулась в свою комнату и не сбежала вновь, увидев его.

К сожалению, Дарьи в комнате не оказалось. Зато он встретил королеву.

– Я ждала тебя, – пояснила она в ответ на его удивленный взгляд. – Думала, кинешься искать Дарью и забудешь прийти ко мне, как я просила.

– Где она? Еще не вернулась после того... – Тут он прикусил язык, вовремя вспомнив, что не стоит посвящать мать во все подробности произошедшего между ними.

– Нет, не вернулась. – К счастью, королева не заметила его оговорки или сделала вид, что не заметила. – Но если ты хочешь ее найти, а ты ведь хочешь, то должна предупредить тебя, что это будет трудно.

– Почему? – Внезапно сбилось дыхание, а в горле встал непонятный комок.

– Потому что, несмотря на то, что я мать двух сыновей, вынуждена лишний раз признать, что все мужчины оболтусы! – усмехнулась королева. – Даже ты! Я, конечно, не хочу вмешиваться, но зачем нужно было пугать девочку, вместо того чтобы спокойно поговорить? Почему вы, мужчины, не умеете разговаривать с нами, женщинами? Поверь, в данном случае слова подошли бы куда лучше и сделали гораздо больше. Теперь же ты имеешь кучу проблем, в которых сам и виноват. Даже Гертруда все решила за тебя, хотя и действовала во благо. Самостоятельней надо быть, сынок. Все же ты уже далеко не подросток.

– Согласен. – Грей кивнул. Действительно, в данной ситуации следовало соглашаться со всеми доводами, чтобы скорее завершить разговор. К тому же мать редко ошибается, и раз говорит, что будут трудности, значит, они точно будут. Тем более что в ситуации с Дарьей он действительно сглупил. – Я поступил не так, как следовало. Но я найду Дарью и извинюсь. Думаю, в свете самых последних перемен мы очень быстро придем к взаимному согласию. Можешь открыть мне портал в ее деревенский дом?

– Открыть могу, – кивнула королева, – но только Дарью ты там не найдешь.

– Почему? Она все еще во дворце?

– Нет. – Королева вздохнула. – Во дворце ее тоже нет.

– Тогда где же она? – В душе шевельнулась непонятная тревога.

– Вернулась в свой мир, – лаконично обронила королева. В ее глазах появился вызов

пополам с лукавством.

Грей не сразу понял ни произнесенные слова, ни перемены во взгляде. Зато когда понял, отчетливо почувствовал, как земля уходит из-под ног. *Такого* поступка от Дарьи он не ожидал. По правде говоря, уже и думать забыл о том, что она из какого-то другого мира. Но... что же теперь делать?

Подняв глаза, он неожиданно наткнулся на насмешливый взгляд. Этого еще не хватало! Его родная мать смеется над ним? Но нет. В глубине насмешки таилось ожидание. Ожидание его дальнейших решений.

Еще не осознав до конца собственных мыслей, он твердо произнес:

– Я хочу ее найти. Где угодно.

Выражение глаз матери стало задумчивым.

– Твое желание вполне понятно, – после некоторой паузы произнесла она. – Но уверен ли ты, что готов бороться со всеми трудностями, которые выпадут на твоём пути? Трудностями, о которых ты сейчас и понятия не имеешь.

– Не нужно преувеличивать, – Он поморщился от трагизма, прозвучавшего в голосе матери. – То, что ее мир несколько отличается от нашего, я знаю. Но не думаю, что все так страшно, как ты пытаешься представить.

– Несколько отличается? – Королева скептически усмехнулась, – Увы, дорогой, ты даже не представляешь, *насколько* мир Дарьи отличается от нашего. Начиная от развития технологий и заканчивая человеческими ценностями.

– Хорошо, пусть я не знаю! – Грей подошел к матери и взял ее за руку, – Зато знаешь ты. Так покажи мне все, что считаешь нужным! Потому что с тобой или без тебя, но я все равно найду способ отправиться в этот чертов мир, чтобы найти ее!

– Хорошо, – К его удивлению, королева и не думала возражать. Лишь крепче сжала его ладонь. – Смотри!

В уши влился непонятный шум, глаза на миг застлало пеленой, а потом он увидел...

Непонятные каменные коробки, высокие настолько, что на их фоне ощущаешь себя карликом. Они окружают тебя со всех сторон, грозя раздавить своим величием, и устремляются в серое, почему-то лишенное привычной чистоты и голубизны небо.

– Дома, – вливается в уши знакомый голос, вытесняя все посторонние звуки. – В них живут люди этого мира.

Дома? Но разве в подобных гигантских строениях можно жить?!

– Можно, – усмехается его мыслям королева. – И даже с большим комфортом!

Голос замолкает, в уши вновь вливается странный шум. Он задумчиво осматривается. Вокруг полно странных разноцветных коробочек. Одни спокойно стоят на месте, другие с шумом и ревом проносятся мимо по широкой дороге из серого камня. Со стороны смотрятся жутковато, но внутри этих коробочек сидят люди, и они не выглядят напуганными.

– Повозки этого мира. – Он вновь слышит голос матери, – Машины. В этом мире люди не могут обходиться без машин, причем не только для передвижения. Здесь научились летать на машинах, лечить с помощью машин, плавать с помощью машин. Впрочем, смотри дальше!

Дальше? Он отворачивается от дороги. Мимо идут люди. Молчат, спешат и не обращают на него никакого внимания. Вполне возможно, для них он невидим. Все одеты в непривычные одежды, но на некоторых он замечает уже знакомые джинсы, причем как на мужчинах, так и на женщинах. Кстати, женщин и мужчин в этом мире довольно легко перепутать: и те и другие одеты почти одинаково, носят короткие стрижки.

– Такова нынешняя мода, – поясняет королева. – Довольно забавная, странная, но кое-что, думаю, можно перенять и нам.

«Угу, джинсы, например, – внутренне соглашается Грей, – Представляю, как глупо буду в них смотреться! Хотя почему сразу «глупо»? Учитывая то, как эти самые джинсы смотрелись на Дарье, все может получиться очень даже неплохо. Кстати, без джинсов она

смотрелась вообще замечательно...»

Память услужливо подсовывает картинку: обнаженная девушка неподвижно застыла в купальне. Влажная кожа, испуганный взгляд, точеная фигура...

Пытаясь прогнать неуместное воспоминание, Грей вновь осматривается вокруг.

Пейзаж этого мира ничем не напоминает его привычный мир. Земля здесь заключена в серый камень, лишь местами растет зеленая трава и ровными одиночными рядами тянутся тонкие, слабые даже на вид деревья. Похоже, природу здесь не очень любят.

– Увы, – в его мысли вновь вмешивается голос матери. – В городе всё стараются держать под контролем. Природу в том числе...

Изображение померкло, наступила полная тишина. В следующее мгновение он снова увидел перед собой королеву, а за ее спиной привычную обстановку гостевой комнаты.

– Ну что скажешь? – Королева вопросительно изогнула бровь, – Какие впечатления?

– Станный мир, – Грей озадаченно тряхнул головой, прогоняя неожиданное ощущение пустоты, – Но я все равно хочу найти Дарью, несмотря ни на что.

– Допустим. – Королева вновь усмехнулась, словно он всего лишь пошутил. – И как же ты собираешься ее искать?

– Я думал, ты поможешь! – Он удивленно посмотрел в смеющиеся глаза. – Ведь если ты сумела однажды найти Дарью в этом огромном мире, значит, сумеешь и еще раз. К тому же у меня остались ее вещи. Ты ведь сама рассказывала, что вещи хранят информацию о своем хозяине. Вот и выведешь меня с их помощью к Дарье. А там я с ней сам объяснюсь.

– Боюсь, ты слишком самонадеян! – Королева вздохнула. – Даже если ты найдешь Дарью, она не захочет вернуться с тобой в наш мир просто потому, что не помнит ни тебя, ни всего того, что с нею здесь случилось. Своей любви к тебе, разумеется, она тоже не помнит. А вещи ее, на которые ты так уповаешь, потеряли свою связь с ней, потому что остались в нашем мире, забытые точно так же, как и все остальное. Как тебе такая новость?

Новость... От неожиданности он замолчал и отступил на несколько шагов. Это даже не новость. Это удар в спину и крушение всех надежд. Это слишком неожиданно и... безнадежно?

Королева тихо вздохнула и растаяла в портале. Перемещать сейчас Грея в другой мир – чистой воды безумие. Нужно подождать, пока сын справится со всеми своими сомнениями. Ведь закон равновесия напрямую зависит от желания перемещаемого. И нарушать этот закон нельзя. А в данный момент огонек желания в сердце Грея трепещет, словно пламя на ветру. К тому же у него есть право на выбор, и, как ни печально это осознавать, он обязан им воспользоваться.

Забыла? Неужели она действительно все забыла?!

Грей метался по комнате, словно зверь в клетке, яростно комкая в руках несчастные джинсы, словно они одни были во всем виноваты. Теперь он и понятия не имеет о том, как попасть в неведомый мир, если, по словам матери, на ее одежду рассчитывать нельзя. Почему же все так несправедливо?

– Ты еще долго собираешься ковер топтать или, может, уже остановишься? – неожиданно послышалось из угла.

– Кто здесь? – Грей замер, настороженно покрутил головой, но никого не увидел.

– Это я – галлюцинация твоя! – хихикнул голос. – А если серьезно, то в данный момент, опуская ложную скромность и пафос, я – твое единственное спасение. Если, конечно, Дарью увидеть хочешь. А если нет, тогда бывай здоров!

– Подожди! – Когда прошли испуг и удивление, голос «спасения» оказался подозрительно знакомым, – Тихон, это ты, что ли?

– Ну я! – буркнул домовый, материализовываясь в углу возле кровати. – Разочарован?

– Нет, – Грей тряхнул головой, – Если, конечно, поможешь Дарью увидеть, как обещал. А может, ты не знаешь, что она вернулась в свой мир?

– Это я-то не знаю? – Домовой возмущенно подпрыгнул. – В отличие от тебя, я знаю все! Ну, или почти все. Между прочим, со мной она даже попрощаться приходила! И это именно я, зная, что ты обязательно сунешься следом за Дарьей, прицепил к ней маячок, чтобы ты потом сумел ее найти без особых проблем.

– Что ты сказал?

– Что слышал! – огрызнулся домовый. – И учти, одним «спасибо» от меня не отделаешься!

– А чем отделаюсь? – Грей лукаво прищурился. Весть о маячке заметно подняла ему настроение.

– А ничем! Я с тобой пойду, и это не обсуждается. Тем более что без меня маячок ты не найдешь, потому что он хранит на себе следы моей магии. Вот! – Яркие желтые глаза с вызовом уставились на Грея.

Верно подметила как-то Дарья: ну вылитые пуговицы!

– А если она этот твой маячок потеряла? Как тогда?

– Это вряд ли, – отмахнулся домовый, – Девчонки – они же страсть как всякие бантики-завязочки любят. Так что давай собирайся!

– Куда?

– Ну что значит «куда»? К Дарье, разумеется!

Грей обрадованно улыбнулся, но мгновение спустя просверлил домового подозрительным взглядом:

– А скажи мне, как же ты собираешься отправиться в другой мир, если не имеешь права добровольно покинуть свой дом?

– А очень просто! – Домовой запрыгнул на кровать и что-то нашарил на покрывале. – Вот, смотри, с легкой руки Дарьи я теперь не только домовый, но и мешковой. По ее просьбе обзавелся вторым жилищем. Как тебе?

Рассмотрев зажатый в мохнатой ручке небольшой мешочек на длинном шнурке, Грей озадаченно вскинул брови.

– Да не строй ты мне глазки! – Пушистик с силой впихнул мешочек ему в руку, – Когда Дарья во мне нуждалась, я просто подсказал ей способ все время находиться рядом друг с другом. Так что вешай мешочек на шею, и тогда я смогу быть постоянно рядом с тобой.

Пожав плечами, Грей послушно надел шнурок на шею и вновь посмотрел на кровать. Домового на ней уже не было.

– Ну и чего, спрашивается, застыл? – пробурчали из мешочка – Джинсы возьми, мы их Дарье вернем. По крайней мере, будет первое доброе дело на твоем счету. Или забыл, что теперь тебе ее придется заново завоевывать?

ГЛАВА 3

Переждав непонятный приступ головокружения, я стянула с себя пижаму, быстро переоделась в костюм и подскочила к зеркалу, чтобы привести в порядок волосы. Пару движений и... щетка запуталась. Выругавшись от нетерпения, я высвободила расческу и вытащила из волос небольшую ленточку.

Это что такое? Я вроде с косами не дружу. Да и ленточка какая-то странная – серая, а на конце поблескивает маленький красный камушек. Впрочем, сейчас не до ленты, главное, на работу не опоздать!

Пожав плечами, я бросила ленту на полку у зеркала. Влезла одной ногой в туфлю. В комнате запиликал мобильник. Схватив с пола вторую туфлю, я помчалась на звук голоса Майкла Джексона, под бодрую мелодию уверявшего на английском, что Билли Джин не его девушка.

«Ага, – мрачно подумала я в такт песне, – а лента на полке у зеркала тоже не моя!»

Наконец палец ткнул в заветную кнопочку, и мысли о ленте вылетели из головы.

– Я спускаюсь! – громко завопила в ухо Эллка, моя подруга, – Ты выходишь?

– Обуваюсь! – выдохнула я, стоя на одной ноге, обутой в высоченную шпильку, с мобильником у уха, пытаюсь второй рукой натянуть туфлю на ногу.

– Жду в лифте! – отрапортовала Элка и отключилась.

Я сайгаком поскакала к двери. Из кухни в прихожую вышла кошка, уселась в углу и принялась вылизывать белоснежную лапу.

– Марусь, не скучай! – Я послала кошке воздушный поцелуй и схватила сумку, – Вернусь – принесу креветок. До вечера!

Закрывая дверь, услышала шум спускающегося лифта. Закинула ключи и мобильник в сумку, в два прыжка подскочила к заветной створке, которая буквально через секунду отъехала в сторону, явив моему взору зевающую подругу.

– Эль, не спи, замерзнешь! – бодро порекомендовала я, нажимая на кнопку первого этажа.

– И тебе доброго утра, – мрачно кивнула Элка. – Готова к труду и обороне?

– К обороне готова, а вот к труду не очень, – честно призналась я, морщась от всплывшей в памяти физиономии Сан Саныча – начальника фирмы.

В глаза и на бумаге его, разумеется, величали Александром Александровичем, но между собой предпочитали не ломать языки. Мужик он был в целом неплохой, но пристающий, словно репей. Несмотря на наличие миловидной жены и столь же миловидной дочери – девицы семнадцати лет с очень большими запросами, не пропускал ни одной юбки. Поэтому я ходила на работу исключительно в брюках, тайно надеясь на визуальный обман, который позволит начальнику не выделять меня из толпы сотрудников.

Ага, размечталась!

Сан Саныч кружил вокруг словно коршун: все время находил многочисленные предлоги для того, чтобы позвать в кабинет, давал кучу заданий, придумывал разнообразные просьбы и поручения.

В половине случаев я благополучно спихивала все на секретаршу Лидочку, длинноногую пассию шефа. Во второй половине разбиралась сама, крепко сжимая челюсти, чтобы не послать начальника куда подальше за чрезмерную внимательность к моей персоне.

Внимательность эта, впрочем, объяснялась довольно просто: интересующие шефа особы, а таковых насчитывалась примерно половина офиса, довольно быстро сдавали свои позиции, со мной же подобный номер никак не проходил. Надбавки к зарплате я не просила, больничными не пользовалась, детьми обременена не была и работала, к счастью, добросовестно, без нареканий. В общем, придраться ко мне поводов не находилось. Приглашения на обед игнорировала, из кабинета вылетала пулей, а дверь всегда оставляла приоткрытой. К тому же меня страховала Элка – едва я задерживалась в кабинете шефа дольше пяти минут, подруга звонила на мобильный. Трубку я, конечно, не поднимала, но шеф заметно нервничал и сбивался со сластолюбивого настроения, будучи твердо уверенным в том, что звонит мой ухажер. Во всяком случае, фразу он выдавал всегда одинаковую:

– Дашенька, ответьте на звонок, быть может, вам звонит сама Судьба!

Я скромно улыбалась, внутренне кипя от злости на «Дашеньку», но к совету не прислушивалась, прекрасно понимая, что с Судьбой по имени Элла всегда успею пообщаться.

Кстати, саму Элку Сан Саныч благополучно оставлял без внимания. Несмотря на то что подруга была довольно привлекательна внешне, брюнеток шеф почему-то обходил стороной. Видимо, считал, что блондинки глупее, и видел в них более легкую добычу. Или же годы, проведенные бок о бок с женой-брюнеткой, напрочь отбили у начальника страсть к обладательницам темных локонов.

Лично мне не раз и не два приходила в голову мысль о том, чтобы перекраситься, но я не поддаюсь ей из принципа. Начиная с того, что моя внешность должна зависеть исключительно от моего настроения, а никак не от настроения моего начальника, и заканчивая тем, что нахожу эту затею совершенно бессмысленной. Ведь шеф будет упорно обхаживать меня независимо от цвета волос, просто потому, что встретил сопротивление.

Так что волосами тут не отделаешься.

Можно, конечно, работу сменить. Но над этим решением берут верх множество факторов, против которых я совершенно бессильна. Во-первых, в фирме работает Элка – моя бессменная подруга на протяжении долгих лет. Институт заканчивали вместе, да и живет она всего несколькими этажами выше меня. Во-вторых, зарплата вполне устраивает. А в-третьих, добираться недалеко и удобно. Так что на фоне всех этих плюсов минус в виде похотливого начальника выглядит мелким и практически незаметным.

Разумеется, я понимаю, что рано или поздно судьба устанет благоволить ко мне и в определенный момент шеф встанет «на дыбы», в мобильнике сядет батарейка, а дверь кабинета заклинит. И тогда придется отстаивать свою честь куда более действенным способом, после которого я вряд ли останусь в штате сотрудников. Только менять пока ничего не хочу, надеясь на банальное «авось». Вот когда появится проблема, тогда и буду думать. А сейчас незачем забивать голову.

– Прибыли!

Голос Элки вывел меня из состояния задумчивости. Выйдя из лифта, я бодро направилась к выходу, дробно застучав шпильками по ступенькам. Первой распахнула дверь подъезда и застыла в нерешительности.

– Эль, а ты зонтик взяла?

– Разумеется! – Подруга вытолкнула меня на улицу, – Дождь идет с самой ночи, как тут обойдешься без зонта? О чем ты только думала, когда собиралась на работу?

Я не ответила, молча дождалась, пока над Элкиной головой развернется желто-зеленый купол, и ухватила подругу под локоть. Вдвоем мы бодро зашагали по лужам к автобусной остановке.

О чем я думала, когда собиралась? О странной ленте в волосах, а еще о том, что за окном лето. Не знаю почему, но я ожидала увидеть тепло и солнце и совсем не рассчитывала на дождь. Глупо, конечно, учитывая, что в природе и погоде уже вторую неделю царит полноправный сентябрь. Тем не менее лужи под ногами сейчас воспринимаются мною как нечто чуждое.

К счастью, не успели мы подойти к остановке, как подкатил автобус. Проблема луж оказалась временно исчерпанной. Элка мрачно смотрела на зонт, с которого ручейками стекала дождевая вода, оставляя разводы на полу автобуса, а я разглядывала пейзаж за окном. Привычные улицы с вереницей домов и спешащими людьми, дороги, заполненные машинами, – все казалось чужим и непривычным. Хотелось на природу, в лес.

Видимо, просто устала, решила я про себя. Работы много, отдыха мало. На фоне такого образа жизни июльский отпуск благополучно канул в небытие, а душа и тело требуют новых впечатлений. А где их взять? Попросить у Сан Саныча неделю за свой счет и тем самым добровольно дать ему в руки лишний повод придрататься ко мне? Только этого не хватало!

Хотя к бабушке съездить было бы здорово. Взять Сережку, посадить в перевозку Маруську и укатить от цивилизации на недельку в деревню. Но не получится. Сережка сошлется на занятость, да и я в его обществе от тоски завою уже на третий день, если не раньше.

Со стороны и по правилам Сергея можно назвать моим парнем. Во всяком случае, планы на совместное будущее мы периодически строим. Вот только дальше планов с моей стороны дело вряд ли куда-то пойдет. Он мне больше нужен «для галочки», что ли: в кино сходить, на шашлыки съездить, вечер скоротать. В остальном с ним скучно. Требуется, чтобы я переехала к нему, оставила работу, родила детей (лучше троих и сразу) и занималась хозяйством. В теории все звучит неплохо, но когда я решила проверить все эти планы на практике, оказалось хуже некуда.

В качестве эксперимента я переселилась на его территорию на период майских праздников. Кошку Сережа вежливо попросил оставить дома. Пришлось передать Марусю на попечение Элки. Неприятно, конечно, но не смертельно. Дальше – больше.

Первомай Сережа провел, уткнувшись в телевизор, мне же было дозволено

хозяйничать на кухне. Почему было дозволено? Потому что после того, как мы пообедали первым, вторым и третьим блюдами, на меня посыпался ворох претензий: не так помыла, не туда положила, не там поставила и еще куча подобной мелочи. Правда, «спасибо» за приготовленный обед я все же услышала. Разобрав по косточкам хозяйственную часть, Сережа изложил мне подробный список всего того, что он не ест и чего подавать ему ни в коем случае нельзя. В завершение обрисовал распорядок своего дня: когда встает, что делает, к чему привык и когда ложится.

Мне хватило.

Улучив свободную минутку во время вечерней прогулки, когда Сергей отошел к ларьку за пивом, я позвонила Элке и попросила вызвать меня домой под любым предлогом. Подруга перезвонила через двадцать минут и слезливым голосом сообщила, что Маруся отравилась каким-то из многочисленных домашних растений подружки.

Вернувшись в Сережину квартиру, я быстро закинула в пакет спортивный костюм и тапочки и ретировалась восвояси. Разумеется, Маруся чувствовала себя отлично, потому что никаких ядовитых растений в Элкиной квартире отродясь не водилось. А Сереже я позже вежливо порекомендовала устроиться на работу в казарму. Там его командирский тон пригодится как нельзя кстати.

Кошку с тех пор Сергей разлюбил окончательно, я же поняла, что с экспериментами покончено. В наших отношениях воцарился худой мир, а добрую ссору начинать никто не собирался. Не знаю, как со стороны Сергея, но мне выяснять отношения было откровенно лень. Искать же другого претендента на сердце тоже не хотелось. Заново узнавать кого-то, привыкать к новому человеку казалось чем-то невыносимым и невыполнимым. Сергей же стойко делал вид, что ничего не происходит, и периодически поднимал тему совместного проживания. Я рассеянно слушала и отвечала что-нибудь отстраненно-невнятное, без определенных обещаний.

– Дашка, ты уснула? – Элка неожиданно пихнула меня в бок. – Приехали, выходим.

Я вышла из автобуса, уставилась на высокое здание, чей зеркальный фасад отражал хмурое небо с тяжелыми облаками. Сердце неожиданно сжалось в предчувствии скорых неприятностей. Похоже, сегодня мне в чем-то определенно не повезет.

ГЛАВА 4

– А ты уверен, что сможешь переместить нас? – Схватив джинсы, Грей принялся нервно комкать их в руках, выказывая чрезмерное волнение.

– Думаю, моих знаний и всего того, чему я научился у твоей матушки, для пары перемещений более чем достаточно.

– И где гарантия, что мы попадем именно туда, куда нужно, а не в какое-нибудь Богом забытое место?

– Во-первых, я ориентируюсь на маячок, – обиделся домовой. – А во-вторых, если Дарья и живет в Богом забытом месте, то как раз именно туда мы и попадем.

Грей хотел еще что-то спросить, но перед глазами все вдруг резко поплыло, а мгновение спустя на него уставилось его собственное отражение.

От неожиданности Грей отскочил от зеркала на добрые полметра.

– Где мы?

– Похоже, уже на месте! – Домовой материализовался на полке под зеркалом и схватил в руки какую-то ленточку. – Вот, смотри, мой маячок!

На ленточке ярко светилась красная точка. Присмотревшись, Грей увидел крохотный мерцающий рубин.

Неожиданно послышалось шипение, и в следующее мгновение спину полоснуло острой болью. Грей взвыл и вцепился руками во что-то мягкое.

– Маруська! – завопил домовой, разглядев виновницу переполоха. – С ума сошла? Это же мы!

– Она не помнит! – просипел Грей, безуспешно пытаясь отодрать кошку от спины.

В ответ животное воинственно орало хриплым мявом, кусало руки и лишь глубже вгоняло когти.

– Ой, да! – Домовой хлопнул себя по мохнатому лбу. – Забыл! Сейчас исправлю!

Ор прекратился, но снять со спины кошку по-прежнему не получалось. Первая же попытка вызвала волну новой боли.

– Что ты с ней сделал? – сквозь зубы выдавил Грей, поворачиваясь спиной к зеркалу, чтобы рассмотреть, что там творится.

– Как что? Обездвижил!

– Ну спасибо! А когти из спины я должен сам вытаскивать?

Домовой что-то шепнул, и Грей наконец смог опустить руки, держа одной застывшую кошку за загривок. Подумав, положил животное на пол и хмуро посмотрел в зеркало. Рубашка была цела, крови не наблюдалось, боль тоже прошла.

Домовой спрыгнул на пол, подошел к кошке. Наклонился и принялся что-то быстро нашептывать. Грей в это время решил осмотреться в незнакомом месте и толкнул первую попавшуюся дверь по коридору.

Самое первое ощущение – захотелось пригнуться. После привычных огромных залов с высоченными потолками и роскошных дворцовых комнат помещение показалось похожим на коробку: низкое, маленькое, тесное.

Постояв некоторое время на пороге, он все же прошел внутрь. Вдоль стен стояли странные предметы. Присмотревшись, он смог узнать нечто похожее на кровать с мягкой спинкой и ворохом подушек и шкаф из светлого дерева с зеркальными дверцами. Назначение остальных вещей для него осталось загадкой. Непонятный ящик на подставке из темного стекла, второй ящик, поменьше, на некотором подобии стола, но с многочисленными полочками, и еще куча всего, чему он не мог подобрать названия. На окне стояли растения. Увидев хоть что-то привычное глазу, Грей направился туда, с непривычки ткнулся лбом в стекло и ошарашенно замер, пытаясь справиться с нахлынувшим головокружением.

Земля была так далеко внизу, что люди за окном казались крошечными, словно игрушечные человечки, а странные повозки, называемые «машины», – совсем не страшными. Еще было видно много домов-коробок. Наверное, сейчас он тоже находился в одной из таких. Коробки отличались высотой и иногда цветом. Зато небо было совсем близко: серо-голубое, какое-то мутное, непривычное.

Он провел пальцем по стеклу, потом по белой раме. Рука наткнулась на странный крючок. Повертев его, Грей сумел открыть окно. Помещение моментально наполнилось шумом, к горлу подкатила тошнота.

– С ума сошел! – Непонятная сила неожиданно оттолкнула его от окна, створка быстро захлопнулась, наступила тишина. – Десятый этаж! Свалишься – костей не соберешь!

– Что? – Грей озадаченно посмотрел на домового, застывшего посреди помещения и испуганно таранившего на него желтые круглые глаза.

– Опасно, говорю, – пояснил домовый.

Рядом с ним спокойно сидела Маруся и насмешливо щурила зеленые глаза.

– А она больше не опасна? – Грей кивнул на кошку и поежился, вспоминая малоприятное ощущение когтей на собственной коже.

– Нет, не бойся, память я ей восстановил. Вот только с речью никак не получается. Не разговаривают звери в этом мире – и точка. Но хоть речь понимают, и на этом спасибо. Да ты не стой столбом, присаживайся! – Домовой пошлепал к подобию кровати, подпрыгнул и уселся на край сооружения. Потянулся, зевнул. – Мя-а-агко! Иди сюда, это диван, на нем сидят и спят.

– Откуда знаешь? – Грей подошел, потрогал диван, осторожно присел и, подумав, откинулся на подушки. Действительно, было мягко.

– О, я теперь много чего знаю! – Домовой подпрыгнул на диване. Подумал. Снова подпрыгнул. – Например, то, что в этом мире не существует домовых, а также и то, что

Дарья сейчас на работе и появится дома не раньше восьми вечера. И еще знаю, что ни обеда, ни ужина в доме нет и готовить его некому. Так что поднимайся. В этом мире все продукты хранятся в комнате под названием «кухня». Туда-то мы сейчас с тобой и направимся!

– Зачем? – Идти в комнату, чье название звучит странно уже только на слух, очень не хотелось.

– Затем, что ужин готовить будем. – Домовой с укором посмотрел на Грея. – Забыл, что тебе нужно как можно быстрее добиться расположения Дарьи? Ведь для обратного перемещения нам требуется ее память и желание вернуться в наш мир.

Кухня была еще меньше предыдущей комнаты и оказалась набита под завязку непонятными вещами, назначение которых знала одна только Маруся. Впрочем, с ее помощью домовой довольно быстро освоился и за короткое время изучил холодильник, электрическую плиту и жутко шумевшую штуку под названием «соковыжималка». Несмотря на отсутствие человеческой речи, Тихон прекрасно понимал Марусю и, деловито кружа по кухне, словно по своему родному дому, попутно разъяснял Грею устройство здешнего быта. У последнего от переизбытка информации уже кружилась голова.

– Поставь банку на место! Это кофе, его в суп не кладут! И в пирог не надо, он горький! А это консерва, ее специальным ножом открывают. Знаешь, закрой лучше холодильник, а то продукты испортятся, и не мешай мне пока. Я тебе потом все объясню, когда ужин приготовлю.

Грей с тоской оглядел содержимое странной штуки с холодом внутри, нашел яблоко, взял его, осмотрел и откусил. Нормальное, вполне настоящее, только холодное. Съестные запасы здешнего мира находились в коробочках, баночках и пакетиках с непонятными надписями. Некоторые он мог прочитать, а некоторые состояли из непонятных закорючек. Узнаваемыми были только овощи, кое-что из фруктов да еще мука, обнаружив которую домовой пришел в неопиcуемый восторг. По его словам, Дарья оказалась вполне хозяйственной девушкой. Интересно, как она отреагирует, увидев его в своей квартире? Вряд ли обрадуется. Даже кошка набросилась, приняв за чужих. Значит, Дарья заттит грандиозный скандал.

– И не только скандал! – Домовой отвлекся от теста и бросил на Грея сочувствующий взгляд, – Как говорит Маруся, будет еще хуже. Она вызовет милицию – стражу здешнего мира – и отдаст им нас как грабителей.

– Час от часу не легче! – Грей устало вздохнул. – А ты теперь и мысли читаешь? Кошачьи, например.

– Ну да. – Домовой ничуть не смутился. – И не только кошачьи. Твои тоже. А иначе как мы с тобой общаться будем, когда Дарья придет? Ты же не хочешь в тюрьму? И я не хочу. Поэтому остается единственный выход – я сделаю нас невидимыми.

– А может, ты ей просто память восстановишь, как сделал это с Марусей? – Грей кивнул на кошку.

– Обязательно! Но только ночью, когда она будет спать. Потому что днем у меня сил не хватит справиться с ее сознанием. Так что придется подождать. Я хоть и владею магией, но все же не настолько сильной. К тому же потратил энергию на переход. Мы, домовые, в основном так, по хозяйству, а со способностями, как у меня, вообще редкость. Но кое-чему меня твоя матушка обучила.

– Интересно, она уже знает о том, что я, по сути, сбежал из дворца? – задумчиво произнес Грей.

– А вот поди спроси ее теперь! – хмыкнул домовой и принялся за начинку для пирога.

В это время в другом мире королева совсем недавно закончила свою речь перед гостями, собравшимися на свадьбу, в которой принесла извинения и нашла слова для объяснения причин. И теперь в одиночестве меряла шагами королевскую опочивальню, уставившись невидящим взглядом себе под ноги.

Случилось. Сын сделал свой выбор. Вопрос только в том, куда теперь этот выбор его приведет...

Странный тикающий кругляш под названием «часы» показывал без десяти восемь. Маруся уверяла, что с минуты на минуту придет Дарья. На кухонном столе остывал румяный пирог, на плите стояла кастрюля с супом. Еще они успели навести порядок: подмели пол, стерли пыль с многочисленных полочек и стоявших на них безделушек, полили цветы.

Также познакомились с большим плоским ящиком под названием «телевизор», который с помощью пульта показывал очень много интересного. Немного поругались из-за передач – долго решали, что именно будут смотреть, но, переключив несколько десятков раз каналы, так ничего и не выбрали. В итоге решили дело мирно – просто выключили занятный ящик, и проблема перестала существовать.

Напоследок изучили ванну – Грей даже сумел принять душ по всем правилам, вымывшись вкусно пахнущей штукой под названием «гель для душа». После водной процедуры ему даже подумалось, что жить в этом непонятном мире в целом не так уж и плохо, как показалось на первый взгляд.

В общем, к приходу хозяйки дома все было готово.

Грей, по всеобщему заверению уже невидимый, стоял и неотрывно смотрел на часы, ожидая той самой, обещанной Марусей, минуты. В его мире тоже были часы, но другие, песочные. Этот же механизм, со всеми его стрелочками и цифрами, был Грею незнаком. Тихон лежал на диване, разглядывая журнал с яркими картинками.

Неожиданно у входной двери послышался шорох. Сердце в груди пропустило удар и забилося с удвоенной быстротой. На ватных ногах он вышел в прихожую и спустя мгновение наконец увидел ту, ради которой пришел в этот мир. Она скользнула по нему равнодушным взглядом, закрыла дверь, поставила на пол пакет и крикнула:

– Марусечка, я дома! Сейчас креветки будем есть!

ГЛАВА 5

Вопреки мрачным предчувствиям за день ничего ужасного не случилось. Сотрудники в офисе тихо ругали понедельник, который, как известно, всегда тяжелый, и подтрунивали над шефом, когда тот не мог этого слышать. Сравнив свое настроение с настроением коллег, я перестала заикливаться на себе, любимой, и с головой ушла в работу. Вынырнула только тогда, когда Элка вознамерилась вытащить меня на обед. Промелькнув перед самым носом у шефа, выходящего из кабинета, мы благополучно сбежали на нижний этаж.

В столовой привычно толпился народ. Элка заказала комплексный обед, я ограничилась стаканом сока и бутербродом. В памяти неожиданно воскресли забытые в ящике стола сникерсы. Захотелось сладкого.

«Нужно будет пирожных домой купить, – решила я. – И креветок Марусе, как обещала».

С обедом я расправилась довольно быстро и, дожидаясь, пока подруга доест свою порцию, задумчиво скользила взглядом по столовой. За соседним столиком мужчина пил чай. На этикетке, свисавшей с чашки, по-английски значилось «Эрл Грей». Почему-то последнее слово запало в память, как до боли знакомое. Любимый сорт чая? Нет, не то. Но что тогда?

Ответ я искала до самого конца обеда, но так и не смогла найти. Слово провертелось на языке до самого вечера.

В магазине, куда мы заскочили с Элкой после работы, я сдалась и купила коробку с чаем, а также все, что ранее планировала. Вроде вела себя как обычно, но уже в лифте нашего дома подруга все-таки сделала мне выговор.

– Знаешь, Дашка, думаю, ты заработалась, – начала она, едва закрылись двери лифта. – Давай в кино сходим или на концерт? Развеешься и перестанешь напоминать зомби.

– Я никак не могу быть зомби, потому что еще живая, – усмехнулась я, пытаюсь перевести начинающийся разговор в шутку.

– Живой зомби – это еще хуже! – не поддержала меня Элка. – Слушай, сделай мне одолжение: брось своего дотошного Сережку и переключись на нормального парня!

– А ты знаешь нормального? – Тут уж я рассмеялась от души, – Как найдешь, зови, приду хотя бы ради любопытства.

– Почему ради любопытства? – не поняла Элка.

– Да потому, что сейчас нормальные мужчины только в музеях водятся, да и то в качестве экспонатов! – Я засмеялась и, выйдя из лифта, помахала подруге: – Все, пока, созвонимся!

В квартире все было как обычно; поставив на пол пакет с покупками, я включила свет и позвала кошку:

– Марусечка, я дома! Сейчас креветки будем есть!

Замерла на полуслове, буквально кожей ощутив чей-то внимательный взгляд. Осмотрелась. Увы, не считая меня и кошки, больше в прихожей никого не было.

«Права Элка, у меня переутомление», – мрачно подумала я. Скинула туфли, погладила кошку, прыгнувшую на полку под зеркалом, взяла пакет и прошла на кухню.

Пакет с покупками выпал из рук, в воздухе растаяло нецензурное слово. Постояв несколько минут памятником самой себе, я все же нашла в себе силы пошевелиться и кулем упала на стоявший рядом стул. В голове билась одна-единственная мысль: галлюцинация!

Действительно, пирог на столе не мог быть настоящим по одной простой причине: я его не пекла и не покупала. Тем не менее запах, исходящий от пирога, был самый что ни на есть настоящий – теплый, ароматный, сладкий.

Собравшись с духом, осторожно потрогала пальцем румяный край выпечки, почему-то спохватилась, что руки после улицы не вымыла. Увидела на плите кастрюлю. С утра ее там тоже не было.

К ногам прикоснулось что-то шелковистое. Опустив глаза, увидела Марусю. Кошка стояла рядом и смотрела на меня таким внимательным взглядом, что казалось, еще мгновение – и она заговорит. Чем дольше я смотрела на кошку, тем больше бредовых идей лезло в голову.

– Марусь, здесь кто-то был? – Самый спокойный из всех вариантов. Спокойный, потому что неопределенный.

Кошка прикрыла глаза. Я задумалась.

Ключей от квартиры я никому не оставляла. Даже Сережка за все время общения со мной не обзавелся подобной роскошью. Кто-то чужой проник? Тогда почему не видно следов взлома? К тому же воры обычно берут, а не оставляют, и тем более пироги. С улицы никто попасть не мог – десятый этаж, высоко. И все же насчет воров...

Я метнулась в комнату, бегло все осмотрела. В шкафу никто не прятался, все вещи были на своих местах, только... в идеальном порядке. Ни пылинки, ни Маруськиной шерстинки. Даже на полках все было сложено в аккуратные стопочки. Перебрала шкатулку с украшениями. Комплект из золотых сережек и кольца был на месте. Значит, версия о ворах отпадает.

У меня появился тайный поклонник? Но каким образом он попал в квартиру? Не в окно же забрался! Кто он?

Ответ пришел сам собой, рассмешив меня до истерики:

– Карлсон! Тот, что живет на крыше. Только здесь не Швеция, и тем более этот Карлсон – вымышленный персонаж, очаровательная писательская выдумка.

– Кажется, я схожу с ума! – трагичным голосом сообщила я Марусе, которая не отходила от меня ни на шаг. – Сейчас здесь появятся зеленые человечки!

Кошка мурлыкнула, я же, не найдя ответов, вернулась на кухню. Снова остолбенела.

Пакет с покупками, который выпал у меня из рук, исчез. Несколькими минутами позже, отойдя от очередного шока, я обнаружила креветки лежащими в морозилке, пирожные,

соответственно, в холодильнике, коробку с чаем – на полке, а пакет – в ящике кухонного стола. В общем, все было там, где и должно было находиться. В кастрюле обнаружился обалденно пахнущий суп. Еще одна загадка сегодняшнего вечера...

В полной тишине зазвонил телефон. Испуганно подпрыгнув, я понеслась в комнату и вцепилась в трубку как в последний шанс на спасение.

– Дашка, приходи ужинать! – радостно завопила Элка. – А то одной скучно!

– А-а-а... Эль, а давай лучше ты ко мне? – на ходу «созрела» я. – Чаю попьем... с пирогом.

– Ой, а у тебя пироги завелись? – Элка обрадованно взвизгнула и выдохнула: – Тогда бегу!

– Какой классный! А как пахнет! – Элка восхищенно втянула носом воздух и обернулась ко мне, сияя улыбкой: – Ну и где обещанный чай? И почему сама такая кислая?

– Эль, тут такое дело... – Я осеклась, соображая, не отправит ли подруга меня в заведение для буйнопомешанных за все то, что я ей сейчас тут наговорю. А может, лучше промолчать? И тихо сходить с ума одной... Вдох – выдох, – В общем, не знаю я, откуда этот пирог здесь взялся!

– В смысле? – Подруга достала нож и принялась аккуратно нарезать золотистую выпечку.

Задумчиво наблюдая за тем, как нож входит в тесто, словно в мягкое масло, я быстро рассказала обо всех переменах, которые обнаружила по возвращении домой. Элка отложила нож, присела на соседний стул и уставилась задумчивым взглядом в пространство. Повисла долгая пауза.

Глядя на застывшую подругу, я все больше убеждала себя в том, что совершила ошибку, рассказав о произошедших странностях, и внутренне тряслась от страха, ожидая ее разрушительного вердикта, который, скорее всего, положит конец нашей дружбе. Наконец Элка отмерла.

– Знаешь, Дашка, я думаю, у тебя завелся барабашка, – выдала подруга с абсолютно серьезным лицом.

Ожидавшая куда более устрашающих слов, я не сразу поняла, о чем идет речь. Лишь подняла на Элку удивленный взгляд.

– Ну, барабашка, полтергейст, понимаешь? Домашний дух, короче. О них еще в журналах пишут и по телеку рассказывают. Бывают добрые и злые. Одни вредят, другие помогают. Судя по всему этому, – подруга обвела широким жестом кухню, – твой барабашка добрый. Так что, считай, тебе повезло!

Я задумалась. Из всех идей, приходивших мне в голову, эта была самой подходящей, хотя и казалась самой сумасбродной. Впрочем, несколько лет назад вся бульварная пресса действительно стояла на ушах, публикуя рассказы обладателей подобных «подарков судьбы», а по телевидению часами крутили интервью с этими счастливицами.

Признаться, тогда я не верила ни единому слову рассказчиков, а над идеей существования полтергейста иронично посмеивалась. Теперь вот пришло время посмеяться над собой.

– Слушай, давай уже пирог есть! – Элка не выдержала моего молчания и закружила по кухне, доставая чашки и блюда. – В конце концов, кто бы там его ни приготовил, выглядит он вполне реальным и пахнет будь здоров. Думаю, мы совершим натуральное преступление, если позволим этой вкуснятине зачерстветь! Тем более на сытый желудок легче думается.

Дважды повторять Элке не пришлось. Идея съесть пирог показалась мне вполне разумной. Оставив на время тяжелые мысли, я встала со стула, взяла чайник и принялась набирать воду.

В общем, пирог оказался настолько вкусным, что к тому времени, когда наши чашки опустели, от него остались только воспоминания и пара крошек на блюде. И это несмотря на то, что перед пирогом мы с Элкой слопали по тарелке супа. Решили – если вдруг отравы, то

будем мучиться вместе. Мучиться действительно пришлось, но только от переедания. Слишком вкусным оказался ужин.

– Решено, с этого вечера я переселяюсь к тебе! – Элка встала из-за стола и сладко потянулась.

– А я – к тебе! – ответила я в тон подруге. – Иначе через неделю от такой еды буду в дверь только боком проходить. Хотя, может быть, этот твой полтергейст просто так, мимо проходил, и подобные чудеса больше не повторятся.

В Элкиных глазах запрыгали смешинки.

– Начнем с того, что полтергейст не мой, а все-таки твой. А насчет «мимо проходил» сейчас проверим!

Подруга протянула руку и резко перевернула солонку. Белый порошок щедро рассыпался по скатерти. Далее произошло необъяснимое: словно ожившие, крупинки прямо на наших с Элкой глазах поползли к солонке и высыпались обратно. Всего через несколько секунд солонка вновь стояла полная.

– Ну вот, что я говорила? – Подруга устремила на меня победный взгляд, – Полтергейст! Теперь-то ты веришь?

Я лишь вздохнула в ответ. Разумеется, после такого не поверить было просто невозможно. Но меня расстроил способ, которым Элка решила проверить существование так называемого барабашки. Рассыпать соль всегда считалось не к добру. Поэтому недолго думая я опрокинула на стол сахарницу.

Над ухом тихо охнули, а Элка вскочила, с грохотом отодвинув стул.

– Ты чего?!

– Примета такая. – Я пожала плечами, наблюдая, как сахар шустро собирается по скатерти в цельную горку и ссыпается обратно в сахарницу. – Если случайно рассыплешь соль, то нужно сверху присыпать сахаром, чтобы ссоры не было.

– И что, прямо всю сахарницу? – Подруга недоверчиво воззрилась на ползущие по столу крупинки.

– Нет, конечно. Это я так, от души. Потому что только ссоры мне сейчас для полного счастья и не хватает.

– Правильно! – поддержала меня Элка. – Ты, главное, со своим полтергейстом не ссорься. Иначе устроит тут тебе бурю в стакане, а точнее, хаос в квартире. Уж поверь, такого добра тебе точно не нужно. Квартиры после таких ссор обычно напоминают пепелище.

Я вздохнула и с тоской уставилась на сахарницу, полную до краев. Значит, не ссориться? Жаль. Потому что весь этот вечер у меня на языке вертится лишь одно заманчивое предложение для неведомого и невидимого барабашки: убратся восвояси. Чтобы голову мне не морочил и не проверял нервы на прочность.

ГЛАВА 6

Элка ушла, сославшись на ранний утренний подъем, я осталась одна. Точнее, вдвоем с Марусей. Несмотря на присутствие в квартире чего-то потустороннего, страшно не было. Было лишь немного непонятно, как себя вести со всем этим. Мысли о сумасшествии меня тоже благополучно покинули. Ладно я, но ведь не могла и Элка сойти с ума именно сегодня, так сказать, за компанию.

Покружив по пустой кухне, я разгладила идеально ровную скатерть, поправила жалюзи на окне, смахнула несуществующие пылинки со столешницы и тихо предложила, обращаясь в пустоту:

– Барабашка... или как там тебя... ты это, ужинай, если хочешь. И... спасибо.

Ощущая себя полной дурой, вылетела из кухни. Разговаривать с собой – это ли не первый признак помешательства? Казалось, даже Маруся смеется надо мной. Впрочем, кошка действительно не сводила с меня внимательных глаз.

Я прошла в комнату, включила телевизор. Голос диктора придал реальности

нынешнему вечеру и немного заглушил перезвон посуды, доносившийся из кухни. Похоже, полтергейст решил воспользоваться моим предложением, вот только меня это мало обрадовало. Все же, когда в квартире находится кто-то посторонний, чувствуешь себя не очень уютно. А когда этот посторонний еще и невидимый, то неуютно вдвойне.

К примеру, я сейчас хочу принять ванну. А где гарантия, что за мной не будут подсматривать? Причем я об этом даже не узнаю. Хотя вполне возможно, что этот барабашка, будь он неладен, просто дух и не имеет ни пола, ни тем более тех сумасбродных мыслей, что в данный момент посещают мою дурную голову. Впрочем, дух он или нет, а кастрюлей и тарелками гремит очень даже по-настоящему.

В мысли ворвалась птичья трель. Искренне недоумевая, кого это могло принести в гости в половине одиннадцатого вечера, да еще и в будни, я слезла с дивана и пошла открывать. На кухне воцарилась тишина.

Дверной глазок явил моему взору Сергея. Удивившись еще больше, я открыла дверь.

– Привет! – Гость улыбнулся и подмигнул: – Впустишь? Вот, держи!

Перешагнув порог, Сергей сунул мне в руки пакет. Пробормотав ответное «привет», я извлекла из шкафчика мужские тапки, предназначавшиеся как раз для подобных случаев, шлепнула их возле Сережкиных ног и ушла на кухню, разбираться с пакетом. Стоявшую на столе тарелку с супом и наполовину откушенный кусок хлеба рядом упорно старалась не замечать.

В пакете обнаружился небольшой букетик цветов, какими обычно старушки у метро торгуют, и упаковка жестянок с «Клинским». Я не сдержала скептической усмешки. Раньше «джентльменский набор» состоял из шампанского и коробки шоколадных конфет. Если к этому еще прилагались и цветы, то это вообще считалось полным шиком. Теперь же явиться в гости к даме сердца с пивом было вполне обычным делом. То ли времена изменились, то ли джентльмены измельчали...

Сунув пиво в холодильник, я сняла с полочки вазу, наполнила ее водой, поставила цветы. Тем временем Сережка вымыл руки и нарисовался на кухне.

– О! Ужинаешь? А что так поздно? Меня угостишь?

– Обязательно, – Я достала тарелку, наполнила супом и поставила на стол. Вытащила из ящика ложку, – Приятного аппетита!

– А пиво? – «созрел» Сергей, покрутив головой в поисках жестянок.

– В холодильнике.

– Ну конечно, – на лицо кавалера напозла гримаса разочарования, – в морозилку поставить не догадалась? Уже было бы холодное!

– Занята морозилка, – отрезала я, чувствуя, что начинаю медленно закипать, – Не рассчитывала на твое пиво, извини.

Сергей полез в холодильник, выудил одну банку. Досадливо покачал головой, сел за стол и взялся за ложку.

Я вернулась в комнату, выключила телевизор. Немного подумав, закрыла дверь и быстро переоделась, сменив рабочую одежду на домашний спортивный костюм. Убрала одежду в шкаф. Вернулась на кухню.

Тарелка была пуста, две банки пива стояли рядом. Тоже пустые. Сергей вытер руки салфеткой и, маслянисто поблескивая глазами, протянул руки:

– Иди сюда!

– Еще добавки? – прикинулась я чайником.

– Угу, только не супа, а кое-чего другого! – подмигнул кавалер, – И вообще, давай наконец определимся. Сдавай свою квартиру и переезжай ко мне. Тогда все наши вечера будут такими!

Я вздрогнула. Это чтобы каждый вечер банки пива и подвыпивший мужик? Увольте! К тому же почему это именно я должна сдавать свою квартиру? Мне тут до работы близко, и вообще, у Сережки тоже «однушка», только у меня еще и отремонтированная.

Сережка по-своему расценил мое молчание. Подошел и обнял, полез целоваться, а руки

по-хозяйски запустил под топик. В лицо пахнуло смесью пива и супа, мои нервы не выдержали.

– Отпусти! – Я вырвалась из объятий, подскочила к холодильнику, достала начатую упаковку пива и сунула ее в руки Сергею, – Ничего не получится, я не хочу переезжать к тебе. И... вообще ничего не хочу! Ты поужинал? Теперь уходи.

Сергей молча сверлил взглядом пол, но с места не двигался. Наконец взорвался.

– Значит, ничего не хочешь? – тихо спросил он, опасно сужая глаза. – И долго еще собираешься мне голову морочить? Хочу – не хочу! Хватит играть со мной, детка! У меня терпение не железное!

– У меня тоже! – Я с вызовом посмотрела ему в глаза. – Уходи!

– И не надо мне указывать! – Он швырнул пиво на столешницу и, подскочив ко мне, больно заломил за спину руки, – Ты лучше рот закрой, а то хуже будет!

Рот я, конечно, закрыла. Но вовсе не из-за того, что испугалась угроз. Просто, пока Сергей бесился, высказывая мне гадости, тарелка с супом, из которой ужинал барабашка, воспарила над столом и теперь медленно плыла к нам по воздуху. Я следила за ней с искренним интересом.

– Вот так-то лучше, – одобрил Сергей мое поведение, – На будущее запомни, детка, молчание – золото.

Тарелка зависла над его головой и перевернулась.

Пока матерящийся кавалер размазывал по лицу картошку с овощами, я благополучно выскочила в коридор и распахнула входную дверь. Во избежание дальнейших проблем остановилась на пороге. Сережка еще несколько минут сотрясал воздух отборным матом, затем ругань смолкла.

Я честно выжидала и на помощь не торопилась. Наконец кавалер, теперь уже с твердой пометкой «экс», появился в прихожей: относительно чистый, в мокрой рубашке, с грязным кухонным полотенцем в руке и упаковкой пива под мышкой.

– Мы еще поговорим! – мрачно пообещал он, проходя мимо меня. Грязное полотенце небрежно полетело мне в лицо.

Внезапно его подбросило от невидимого пинка и приземлило на пятую точку. Пиво выскочило из рук, послышался смачный чмок и тихое шипение: несколько банок не выдержали падения.

– Молчание – золото! – напомнила я, закрывая дверь перед носом экс-кавалера.

После столь бурного выяснения отношений настроение испортилось хуже некуда. С одной стороны, я была, конечно, рада, что положила конец неопределенности. С другой стороны, предпочла бы, чтобы объяснение прошло в иной обстановке и, разумеется, с применением совершенно другого тона.

Заляпанный супом костюм требовал немедленной стирки. Поскольку я находилась в непосредственной близости от Сергея, мне досталась щедрая порция брызг.

Вздохнув, я направилась в ванную, включила воду, налила пену. Пока наполнялась ванна, засунула в машинку костюм, смыла с лица косметику. Потом погрузилась в воду, расслабленно откинулась на подголовник и закрыла глаза.

В памяти тут же возникла перекошенная Сережкина физиономия, буквально за несколько мгновений до того, как на него перевернулась тарелка с супом. Понятно, конечно, что парень взбесился. Но, с другой стороны, я не хочу, чтобы вторая половина общалась со мной в приказном тоне. Приказы может отдавать начальник на работе, а никак не любимый муж. Если же он действует методом приказов, то какой же он тогда любимый? И уж тем более любящий?

Домашняя тирания в нашем мире уже давно перестала быть мифом, и мне очень не хочется пополнять ряды несчастливых жен. Уж лучше быть одной, чем жить бок о бок с мужем-тираном. И стоит сказать отдельное спасибо барабашке, с помощью которого мне удалось справиться с разбушевавшимся кавалером. В противном случае все могло

закончиться куда более плачевно.

Кстати, был бы Сергей чуть спокойнее, наверняка заметил бы, что ни в случае с тарелкой, ни на лестнице я его и пальцем не трогала. Хотя куда ему, наверняка от злости ничего вокруг не видел.

Я подскочила словно ужаленная и, раздосадованно прикусив губу, осмотрелась. Черт! Как же я могла забыть о том, что нахожусь не одна в квартире? А вдруг этот дух, или как там его, сейчас находится рядом?

К счастью, вокруг все было тихо, а пышная пена надежно укрывала меня от любопытствующих взглядов. Постепенно паника сошла на нет, и я успокоилась. В конце концов, вряд ли случится что-то страшное, если какой-то там бесплотный барабашка увидит меня в ванной. Вот был бы здесь Сергей, тогда бы мне точно не поздоровилось, а этот дух меня же еще и защитил.

Я вдоволь належалась в ванной, вымыла голову, приняла душ и теперь хотела только одного – упасть на кровать и уснуть. Тем более что завтрашний рабочий день никто не отменял. Но, когда отодвинула шторку и увидела паривший прямо перед носом услужливо распахнутый халат, не выдержала и вскрикнула. Причем больше от неожиданности, чем от смущения, потому что была надежно замотана в широкое банное полотенце.

Халат вздрогнул, сложился и метнулся обратно на крючок. Распахнулась дверь, пропуская кого-то невидимого. Я задумчиво проводила взглядом пустоту. Одно из двух: либо дух слишком услужливый, либо действительно интересуется женщинами.

Я выбралась из ванной, закрыла дверь и накинула халат. Освежила лицо тоником, слегка подсушила волосы. Критически посмотрела на свое отражение. Еще один день подошел к концу. Самый странный и непредсказуемый из всех – он принес мне множество новых открытий и, как ни странно, чувство огромного облегчения. Несмотря на повышенную нервозность, в целом я была довольна.

Дверь за спиной тихо открылась. Подавив очередной вопль, я обернулась. Вошла Маруся, бесшумно запрыгнула на ванную, легко прошла по бортику и перескочила на раковину. Большие зеленые глаза смотрели на меня выжидающе, словно я забыла о чем-то очень важном.

Нахмурившись, я перебрала в памяти все, что осталось невыполненным, и с громким воплем: «Креветки!» – кинулась на кухню.

Кошка проводила меня озадаченным взглядом, устало закатила глаза. Креветки – это, конечно, хорошо. Но только речь же сейчас совсем о другом!

ГЛАВА 7

Длинная стрелка часов переползла на цифру шесть, короткая застыла между единицей и двойкой. Я завела будильник и устало вздохнула: до кровати добралась только в половине второго. Учитывая утренний подъем в половине восьмого, спать мне оставалось до неприличия мало, и этот факт ощутимо расстраивал. Если просплю, получу нагоняй от шефа и кучу насмешек от Элки на предмет ночных бдений вдвоем с барабашкой.

А вообще забавно получается – избавилась от ухажера и неожиданно получила такого помощника и защитника, о котором даже помыслить не могла. У других семьи, мужа, а у меня барабашка! Со стороны посмотреть – смех, да и только. Впрочем, смеяться я лучше буду завтра, вдвоем с Элкой на работе, когда вовремя приду в офис. А сейчас нужно баиньки. И не просто нужно, а необходимо.

Едва голова коснулась подушки, я провалилась в сон.

Рядом с диваном проявились две фигуры, послышался напряженный шепот:

– Все, уснула. Теперь ты сможешь вернуть ей память?

– Постараюсь, если только ты мешать не будешь! И вообще, иди-ка лучше на кухню, поужинай, а то я твой ужин на голову тому буйному мужику перевернул.

– И правильно сделал! Иначе я перевернул бы ему на голову что-нибудь потяжелее.

– Свой кулак – однозначно, – хмыкнул домовый, – Ничего, думаю, ему и пинка твоего с лихвой хватило. Только у меня к тебе одна просьба – не сходи с ума и не суйся следом в ванную. Тебе девочку завоевывать нужно, а не пугать.

– А я и не пугал, – упрямо возразил Грей. – Просто халат подал. Проявил заботу, между прочим.

– Угу. – Домовой иронично хмыкнул, – И выбрал для этого самое подходящее время и место. Как будто ей на сегодня разборки с одним озабоченным мужиком не хватило!

– Слушай, ты ей память будешь восстанавливать или нотации мне тут читать?

– Я-то знаю, что делать буду, а ты иди поешь. Иначе скоро превратишься в скелет. Наслушаюсь я тогда нотаций от твоей матушки!

Грей тяжело вздохнул, но послушно ушел. Домовой сосредоточился и, застыв пушистым шариком на широком подлокотнике дивана, медленно протянул мохнатые ладошки к голове спящей. Повисла тишина, нарушаемая только мерным тиканьем часов.

Я находилась в небольшой светлой комнате. Обстановка вокруг напоминала деревенскую. В раскрытое окно изредка доносился задорный крик петуха.

Я у бабушки? Непохоже, хотя комната была мне хорошо знакома и, более того, привычна. У печки сутился пушистый серый шарик на мохнатых ножках, обернулся, махнул рукой:

– Садись, соня, сейчас завтрак подам!

В памяти мгновенно всплыло имя – Тихон. Домовой.

В дверь забарабанили. Я открыла. На пороге стоял мужик в странном одеянии цвета зеленого яблока. Пока он там чего-то чеканил бодрым голосом, грозно хмуря густые брови, я недоуменно его рассматривала. Было во всем этом что-то знакомое, словно это все я уже когда-то видела. И мужика, и кафтан, и даже фото, которое он в данный момент бесцеремонно тычет мне в лицо.

Фото? Скорее портрет... Сердце пропустило удар. Этот потрясающе красивый мужчина был мне точно знаком. Невозможно забыть такие глаза! И губы... Готова поклясться, что знаю вкус этих губ. Но как?

Я подняла глаза. Мужик исчез, комната тоже сменила очертания. Сейчас я находилась на небольшой поляне, вокруг плотной стеной стояли деревья, а рядом в траве спал тот самый красавец с портрета. Бледный, уставший и трогательно-беззащитный в своей клочьями порванной одежде.

Сердце опять полоснуло обжигающей болью: это уже было! Я видела его раньше в таком виде и в этом же самом месте. Более того, отчетливо знаю, что не удержусь и поцелую его. Снова...

Затаив дыхание я осторожно прикоснулась к губам незнакомца легким мимолетным поцелуем. Компенсация... Но за что?! Сердце сдавила невыносимая тоска. Почему же так больно?

Неожиданно вокруг сгустился полумрак, чьи-то руки крепко обхватили меня за талию, а чьи-то губы настойчиво приласкали шею. Под пальцами я ощутила горячее крепкое тело, испуганно распахнула глаза.

– Грей... – Полуслово-полустон вырвался сам собой, а потом... дальнейший сон прервало настойчивое пиликанье будильника.

С трудом разлепив глаза, я нашарила рукой ни в чем не повинные часы и с размаху приложила об пол. Подскочив на пушистом ковре, будильник не разбился, но, к счастью, заткнулся. А вот я едва не разрыдалась в голос, проклиная так не вовремя начавшееся утро.

Мужчина в моих объятиях был настолько реальным, что пальцы попрежнему ощущали бархат его кожи, обоняние ловило запах роз и влажности, словно там, во сне, вокруг нас была вода. А все мое существо возмущенно требовало продолжения сна.

Увы, сейчас, в реальности, руки судорожно комкали одеяло, лоб покрылся испариной и

ни о каких снах не могло быть и речи. На горизонте маячил очередной трудовой день, поэтому, стремясь не опоздать на работу, я вскочила с дивана и понеслась в ванную. После таких снов мне срочно требовался душ. Причем желательно ледяной.

— Ну, как думаешь, получилось? — шепнул Грей, провожая взглядом девичью фигурку в светло-голубой пижаме. Именно эта пижама была на Дарье по ночам в его мире, в то время, когда он спал, свернувшись калачиком в ее ногах в образе крысолоака.

— Думаю, что нет. — Домовой печально вздохнул.

— Почему?!

— Похоже, что не получилось.

— Но почему?!

— Да потому, что, проснувшись, она не увидела ни тебя, ни меня.

— Конечно, не увидела. — Грей недоуменно мотнул головой, словно отгоняя надоедливую муху. — Ты же сам сделал нас невидимыми.

— Так-то оно так, только чары невидимости, которые я наложил, почему-то проявили своеволие и получились немного другими. В общем, они исчезнут только в тот момент, когда Дарья вспомнит всех нас. И по-другому никак.

— А... если она нас вообще не вспомнит? Что тогда?

— Тогда ты будешь невидимкой ровно столько времени, насколько хватит твоего энтузиазма и любви к Дарье, а потом мамочка расколдует, когда домой вернешься.

Дверь ванной открылась, голоса смолкли.

Я прошла на кухню и замерла, восхищенно разглядывая дожидавшийся меня на столе завтрак: омлет, пирожки и стакан свежевыжатого сока. Странно, что я не проснулась от жужжания соковыжималки. Ведь сей агрегат способен поднять и мертвого оглушительными руладами спрятанного внутри его мотора. Прямо мотоцикл какой-то, а не соковыжималка. Терплю ее только по причине безумной полезности и необходимости. А вот пирожки...

Кажется, я начинаю чувствовать себя в полной мере счастливой оттого, что в моей квартире завелся такой полезный барабашка. Еще вчера сходила с ума от этого обстоятельства, а сегодня готова прыгать до потолка. Все же как мало нужно женщине для полного счастья: немного внимания и заботы. Жаль, что мужчины наотрез отказываются это признавать.

Воображение услужливо подсуло картинку из сна. Вспомнив умопомрачительного черноволосого красавца, я тоскливо вздохнула. Увы, внимание и забота — это, к сожалению, не все, что нужно для счастья. А такие мужчины, как этот, наверняка только во сне и водятся. Потому что в реальной жизни красивый мужчина обязательно альфонс и бабник, избалованный женским вниманием. Мне с такими не по пути. Ну и ладно, хоть во сне помечтаю...

Мечты мечтами, а время бежало неумолимо, словно на работу спешило оно, а не я. Приведа себя в порядок, я выскочила на лестничную площадку, торопливо зазвенела ключами.

Элка уже ждала в раскрытом лифте, удерживая палец на кнопке блокировки дверей, и отчаянно зевала. Увидев меня, приветственно кивнула и отодвинулась от кнопочной панели. Лифт загудел, двери закрылись.

— Рассказывай! — велела подруга, глядя на меня блестящими глазами.

— Что? — не сообразила я.

— Чем кормили на завтрак?

— А!.. — Я продемонстрировала пакет, — Вот, пирожки взяла нам на работу.

— Везет! — Элка мечтательно прикрыла глаза. — Мне бы так! И почему этот барабашка завелся только у тебя? Я тоже такого хочу, чтобы приходить вечером на готовый ужин, а утром вставать к готовому завтраку.

— Предположим, для этого барабашка тебе совсем не нужен. Можешь приходить ко

мне, – предложила я. – И тебе хорошо будет, и мне проблем меньше.

– Какие такие проблемы? – Элка прищурилась и смерила меня внимательным взглядом. – Хочешь сказать, после моего ухода полтергейст буяннить начал?

– Не полтергейст, – я мотнула головой, – а Сергей. Явился вчера ближе к ночи с пивом и цветами и начал ультиматумы выдвигать по поводу нашей совместной жизни. Пришлось объяснить, что этой самой жизни не просто нет, но и даже не предвидится в самом далеком будущем.

– Думаю, он расстроился! – Подруга состроила сочувствующую рожицу.

– Похоже на то. – Я серьезно кивнула. – Пообещал мне кучу проблем, после того как барабашка на него тарелку с супом опрокинул.

– Тарелку? – Элка расхохоталась, – Было за что?

– А как же! За бесцеремонное поведение после двух выпитых банок пива, без моего на то согласия.

– Знаешь, Дашка, теперь я уверена, что твой полтергейст мужского пола! – Элка вновь согнулась в приступе хохота, – Придумать только – суп на голову!

– Ты, конечно, не поверишь, но ему он был к лицу! – Усмехнулась я, вспоминая залитую супом физиономию брызжущего слюной и матом Сергея, – Овощи в волосах смотрелись действительно... мм... экзотично.

– Подлецу все к лицу, – глубокомысленно согласилась подруга.

Рабочий день протекал без осложнений, он был практически близнецом предыдущего. Во время обеденного перерыва я поведала Элке свой сон, за что получила очередную порцию внимательных взглядов и неутешительный вердикт в завершение.

– Мужика нормального тебе надо, – молвила подруга и, поведив задумчивым взглядом по потолку, словно искала на нем решение моих проблем, выдала: – Пойдем в пятницу на дискотеку!

– Думаешь, там водятся нормальные мужики? – Я иронично изогнула бровь, – Лично меня на этот счет гложут смутные сомнения. А точнее, и не такие уж смутные.

– Если сомневаешься – перекрестись, а от дискотеки все равно не отвертишься. Я не позволю! – отчеканила Элка и, поднявшись из-за стола, понесла пустой стакан из-под сока на стойку.

Вздохнув, словно перед каторгой, я взяла свой стакан и двинулась следом. Музыка – это, конечно, хорошо. Но дискотеки в потной и полупьяной толпе меня давно не прельщают. Даже концертные танцполы из-за этого разлюбила: несмотря на строгий запрет, многие умудряются проносить алкоголь, а ты танцуй потом на битом стекле и жестяных банках. О пьяных потасовках в толпе вообще говорить не стоит. Но в одном Элка права: развеяться действительно нужно. А значит, пусть будет дискотека, раз ей так этого хочется!

ГЛАВА 8

Пожинав восхитительно зажаренной курицей в медовой приправе со специями, довольная Элка помчалась переодеваться. Я же в очередной раз с недоверием принялась к медово-пряному аромату.

Почему-то ранее я искренне полагала, что курица и мед – несовместимые друг с другом продукты и понятия. Теперь же, после вкуснейшего ужина, во время которого я едва не облизывала пальцы до локтей, это убеждение дало широкую трещину. От души поблагодарив барабашку-затейника, я направилась в комнату, чтобы подобрать подходящую для дискотеки одежду.

– Что-то вид у нее кислый! – вздохнул домовой, пристально разглядывая куриную грудку, оставленную ему на ужин. – Судя по тому, что съела мало, не понравилось ей мое блюдо.

– Дарья и раньше мало ела, – шепотом возразил Грей, сосредоточенно уставившись в пол и о чем-то размышляя, – Вспомни, как ты постоянно ее ругал. А сейчас, похоже, она куда-то собирается, и мне совсем не нравится ее вид. Пойду-ка, составлю ей компанию.

– С ума сошел?! – вскинулся собеседник. – Один в чужом городе? Ты же заблудишься в два счета!

– Во-первых, не один, а в компании двух девушек. С ними и домой вернусь. А во-вторых, нужно же понять, что за мир находится вокруг. Или, по-твоему, я должен все время безвылазно просидеть в стенах этой каменной коробки?

Посчитав, что привел достаточно убедительные аргументы, Грей вышел из кухни. Домовой тихо вздохнул и, разрезав пополам ароматное мясо, ухватил свою порцию. В конце концов, пусть идет, если ему так хочется.

Я в задумчивости копалась в шкафу. В итоге выбрала джинсы и топик со стразами. Все исключительно белого цвета, чтобы в неоновом свете дискотечных огней одежда приобрела яркий голубой оттенок. Нравилась мне подобная метаморфоза. На случай прохладного вечера прихватила ветровку, распустила волосы, сунула в карман мобильник.

Критически осмотрела свое отражение в зеркале и пришла к выводу, что приготовления можно считать завершенными. Над ухом пропела птичья трель дверного звонка.

– Классно! – оценила мои старания Элка, протискиваясь в прихожую. – Если идти на мужиков, то во всеоружии!

С полки на пол слетела расческа. Я, вздохнув, закатала глаза – вот как объяснить подруге, что иду просто потанцевать, не рассчитывая на каких-то там мужиков? И в выборе одежды руководствовалась исключительно собственными вкусами, а не предпочтениями сильной половины человечества, которая, по моему личному мнению, уже давно перестала быть таковой. В итоге решила промолчать. Подняла расческу, которую не роняла, схватила ключи.

– Ну пойдем уже?

Элка кокетливо повела бедрами, обтянутыми коротенькой юбочкой, и распахнула дверь:

– Вперед, повеселимся!

Я вздохнула и переступила порог. В отличие от Элки, мне веселиться совсем не хотелось.

Ночной город выглядел ярким, шумным и пугающим. Ничего общего со спокойными просторами его родного мира. Несмотря на темное время суток, людей на улице было много, все куда-то спешили, не обращая друг на друга никакого внимания. Светились бесчисленными огнями окна домов, горели фонари, проносились урчащие машины с зажженными фарами, и тысячи крошечных огоньков украшали большие вывески и витрины магазинов. Этот мир был суетным, непонятным, но определенно красивым. Стараясь не отставать от подруг, Грей успешно лавировал между прохожими и вертел головой в разные стороны, рассматривая все вокруг.

– Смотри, кажется, те парни тоже направляются на дискотеку! – Элка пихнула меня локтем в бок и зашептала на ухо: – Давай перейдем дорогу, глядишь, познакомимся!

Я проследила за Элкиным взглядом и с сомнением прищурилась. На одном черная бандана, на втором кожаная косуха в заклепках, измятые джинсы, высокие ботинки – байкеры, да и только. Крепко ухватила подругу за локоть, чтобы та, чего доброго, не кинулась через дорогу.

– Эль, вряд ли тебе нужны эти парни. А мы им – тем более.

Внезапно в спину толкнулся чей-то пристальный взгляд. Не знаю, с чего я так решила, но ощутила буквально кожей. Обернулась. Никого не увидела. Списав ощущение на нервозность перед танцами, вновь посмотрела на Элку. Подруга с расстроенным

выражением лица провожала глазами спины удалявшихся парней.

– Уходят, – мрачно сообщила она.

– Ой, Эль, брось! – отмахнулась я и прибавила шагу. – И что тебя вечно тянет на какую-нибудь экзотику?

– Ну да, кто бы говорил! – Элка усмехнулась, – У самой дома настоящий полтергейст, а туда же – экзотика!

Дальнейший путь мы проделали в полном молчании. Наконец впереди замаячили двери ночного клуба, расположенного в небольшой пристройке жилого дома, с лаконичной надписью «Альфонс», светившейся десятком разноцветных огоньков.

Не сдержавшись, я фыркнула. На самом деле клуб назывался «Альфонсо», но перегоревшая последняя буква не только рассмешила, но и предусмотрительно отбила у меня всякое желание знакомиться сегодня с представителями мужского пола, пляшущими здесь на дискотеке.

Судя по лицу Элки, отслеживать подобные указующие знаки ей и в голову не приходило. Подруга была настроена решительно и несколько фривольно – еще одна причина, из-за которой я не слишком любила ходить на дискотеки. Вытаскивать подружку из перипетий, которыми обычно заканчивались подобные походы, приходилось именно мне.

Ничего не подозревая о мрачных мыслях, посетивших мою светлую во всех отношениях голову, Элка кивнула охраннику на входе, отвечающему за такую серьезную вещь, как фейсконтроль, и потянула на себя тяжелую, обитую металлом дверь.

Внутри оказалось довольно светло: небольшой холл с раздевалкой, крохотным окошком кассы и зеркалом во всю стену, сбоку убегали вверх и вниз две широкие лестницы. Отдав верхнюю одежду серьезному пареньку и получив номерки, мы оплатили в кассе предстоящее развлечение. Взамен получили на запястья фосфоресцирующие печати с витиеватой буквой «А», свидетельствующие о том, что на эту ночь мы принадлежим к танцующему обществу клуба. К утру же эта красота бесследно стиралась с кожи. Бросив мимолетный взгляд в зеркало, стали спускаться по лестнице. Другая лестница вела в ресторан, поэтому никакого интереса для нас не представляла.

За спиной послышалось напряженное сопение. Я быстро обернулась. Никого. И это уже второй раз за вечер. Интересно, неужели я настолько сильно нервничаю из-за какой-то пустяковой дискотеки, что начинаю чувствовать и слышать то, чего и в помине не существует? Права Элка, мне просто необходимо развеяться.

Лестница привела к широкой двери, которую перед нами вежливо распахнул очередной охранник; громкая ритмичная музыка ударила по барабанным перепонкам. Я окинула взглядом зал. Народу танцевало немного, но это ненадолго. Ближе к часу ночи здесь будет яблоку негде упасть.

Элка потащила меня к стойке, заказала алкогольный коктейль. Я ограничилась банкой энергетика. Пусть и вредно, зато голова утром не болит с похмелья. Успешно повисив в крови содержание адреналина, мы присоединились к танцующим.

Диджей крутил старое доброе диско, зал пронизывали разноцветные лучи прожекторов, струился неоновый свет. Мне было хорошо и весело. Решив наплевать на все призрачные тревоги, терзающие мою душу, я с удовольствием отдалась во власть музыки.

Грей изумленно озирался по сторонам. Непонятный полутемный зал, разноцветные лучи и множество людей,двигающихся под музыку. Музыка? Но почему не видно оркестра? И танцы непривычные. Впрочем, чем больше он смотрел, тем больше ему нравилось.

Да, в танцах этого мира не было особого изящества, присущего привычным для него балам, но в них завораживало другое – свобода и искреннее веселье. Не нужно было считать шаги и повороты, следить за правильным положением рук и корпуса, никого не волновало, как выглядит танцующий рядом, никто не сплетничал и не шушукался с умным видом, благочестиво прикрываясь веером. Наверняка в этом мире никто и не знает о том, что существует такая деталь дамского туалета. А во время медленного танца можно было крепко

обнять девушку, не опасаясь за пышные юбки и длинный шлейф, который так некстати может оказаться под ногами.

В общем, ему очень захотелось станцевать под медленную мелодию с Дарьей. Но, увы, она его не помнила, не видела и даже не подозревала о его существовании. А потому танцевала с каким-то парнем. Вот только выражение ее глаз, несмотря на легкую улыбку, по-прежнему оставалось грустным.

Ему тоже было не до веселья. Видеть любимую девушку в объятиях другого мужчины, пусть даже на один танец, – сомнительное удовольствие. Тогда, на балу в своем мире, он едва с ума не сошел от злости, когда увидел Дарью в паре с виконтом. Кто знает, не сбеги она той же ночью в свой мир, сейчас у него, возможно, был бы весьма сильный соперник. Виконт настойчив и галантен. Неизвестно, кого из них двоих предпочла бы Дарья. Впрочем, соперник у него сейчас и без виконта имеется, причем куда более сильный. Имя тому сопернику – память. И еще неизвестно, за кем останется победа.

ГЛАВА 9

Желающие расслабиться и потанцевать прибывали с каждой минутой. Наконец наступил тот момент, когда народу на танцпол набилось столько, что двигаться стало просто неудобно: локти то и дело задевали чей-то бок, а под ноги неизменно попадались чужие пальцы. Да и Элка была уже порядком навеселе. Я решила, что пришла пора попрощаться с этим милым и шумным заведением и, ухватив подругу за локоть, принялась пробираться к выходу сквозь танцующую толпу.

– Давай еще останемся! – вопила мне на ухо Элка, стараясь перекричать громкую музыку. – Весело же!

– Эль, завтра на работу, – возразила я, применив самый действенный из аргументов. Авось не сообразит после нескольких банок коктейля.

– Не-а, – замотала головой подруга, погрозив мне для верности пальцем. – Завтра суббота!

Сделав логическое умозаключение, что Элка еще вполне способна трезво мыслить, я все равно упрямо теснила ее к выходу, не замечая, что за мной пристально наблюдают двое парней. Когда же наконец тяжелые двери танцзала закрылись за нами, мне даже показалось, что я оглохла – настолько непривычной была тишина.

– Даш, ты – синий чулок! – беззлобно констатировала подруга, обзрев изменившуюся обстановку, и принялась первой подниматься по лестнице.

Пропустив мимо ушей нелестное высказывание, я пошла следом. У Элки всегда портится настроение, когда мы покидаем дискотеку, причем независимо от времени ухода. Однажды мы покинули сие заведение в пять утра – она все равно была недовольна. Утешало одно – утром от ее плохого настроения не остается ни следа, ни воспоминаний.

Мрачно сопя, Элка надела легкий плащ, я, вручив номерок пареньку-гардеробщику, накинула ветровку. Вдвоем мы вышли на улицу.

Жизнь вокруг немного утихла, но город не спал и, похоже, даже не собирался. По проезжей части проносились машины, светились многочисленные окна в домах, бродили по тротуарам влюбленные парочки. Неподалеку, на остановке, группа молодежи распивала пиво. Я взглянула на мобильный – часы на дисплее показывали половину второго ночи. Несмотря на капризный сентябрь, погода стояла довольно теплая, словно летняя, а на темном небе даже виднелась серебристая россыпь звезд.

– Пошли уже домой! – вздохнула над ухом Элка, – Или ты меня с дискотеки вытаскила для того, чтобы небом любоваться?

Я кивнула и пошла по тротуару. Шумно сопя, подруга двинулась следом, явно подыскивая в уме повод для ворчания. Но, на мое счастье, придраться Элке было не к чему, поэтому практически за всю дорогу никаких претензий в свой адрес я не услышала. Лишь когда почти подошли к дому, Элка очнулась и, толкнув меня локтем, громко зашептала на

ухо:

– Слышь, Даш, вон те два парня провожают нас от самого клуба! И не говори, что у меня галлюцинации.

Я обернулась словно невзначай и увидела неподалеку двух парней. Они шли, тихо переговариваясь между собой, но глаз с нас действительно не спускали. Сердце тоскливо сжалось в тугой комок. Если предположить, что Элка права и парни идут за нами, то зачем? Если хотят познакомиться, то давно уже догнали бы. Значит, отпадает. Обокрасть? У нас при себе из дорогих вещей только мобильные телефоны, а деньги благополучно потрачены в клубе. Развлечься?

А вот этот вариант вполне вероятен, потому что двор у нас темный и плотно заросший деревьями и кустарником. Ходить по нему вечерами, когда сидят бабушки на лавочках и гуляют мамочки с колясками – это одно. Идти же сейчас, когда вокруг тишина и никого – совсем другое дело. А кричать бесполезно – никто не поспешит на помощь, потому что большинство людей сейчас безразличны к чужой беде и пекутся только о собственном благе.

И Элка тоже хороша. Раньше, что ли, не могла предупредить? Пошли бы не домой, а в супермаркет, погуляли между прилавков, глядишь, парни и отстали бы. А теперь путь один – к родному подъезду.

– Прибавь шаг, но не оглядывайся! – шепнула я Элке. – Думаю, успеем дойти.

Не успели. Едва я договорила, из-за ближайшего дерева нам навстречу шагнул человек. В темноте я не сразу разглядела лицо, но голос узнала моментально.

– Нагулялись? Привет, детка! Не ждала? А зря. Я же предупреждал, что мы еще поговорим!

– Странное время ты выбрал для разговора, – как можно беспечнее усмехнулась я, стараясь ничем не выдать охватившего меня страха.

Испугаться было отчего. Из-за другого дерева на помощь Сергею вышел еще один тип, схватил Элку и предусмотрительно зажал ей рот ладонью. Подруга дернулась пару раз, а потом обмякла, словно уснула.

Преследовавшие нас парни при виде своих подельников перешли на бег и сейчас встали за моей спиной, прочно отрезав пути к бегству. Зря они, я бы и так не побежала, учитывая, что Элка находится в руках какого-то типа, который держит ее явно не с дружелюбными намерениями. Готова спорить, что в руке у него тряпка с хлороформом. Ведь Элка не настолько пьяна, чтобы так быстро отключиться.

– Главное, что ты выбрала правильное время для прогулки! – Сергей больно ухватил меня за плечи. – Ты зачем нарываешься, детка? Думаешь, со мной можно играть? Ошибаешься, я уже вышел из детского возраста. Хотя в одну игру я все же готов с тобой сыграть! Начнем?

Он по-хозяйски рванул топик, послышался треск разрываемой ткани. Одновременно чья-то рука зажала мне рот. Я подавилась матом и заехала бывшему кавалеру шпилькой по ноге, намеренно вгоняя ее как можно глубже. Не остановившись на достигнутом, ударила коленом в пах.

Сергей не ожидал ничего подобного, согнулся и зашипел в мой адрес кучу проклятий, но быстро пришел в себя и заехал кулаком мне в скулу. Поскольку за те несколько секунд, что он пребывал в согнутом состоянии, я успела укунить ладонь, служившую мне своеобразным кляпом, а мужик, соответственно, затряс пострадавшей рукой в воздухе, то удар получился сильным.

В голове поплыл противный туман, а во рту появился привкус крови. Я отшатнулась, открыла глаза и... вдруг резко ощутила, что меня никто не держит. Ни меня, ни Элку, неподвижно лежавшую на земле. Я бросилась к подруге, подтянула ее к себе на колени, убедилась, что дышит, и только потом догадалась осмотреться.

Двое из четверых несостоявшихся насильников лежали на земле без каких-либо признаков жизни, а Сергей с подельником кружили вокруг неизвестно откуда взявшегося незнакомца. Несмотря на то, что я не видела его лица, мне показалось, что мужчина спокоен

и хладнокровен. Его движения были мягкими и пружинистыми, в то время как движения двух хамов был хаотичными и резкими. Вот один, уловив момент, занес руку и кинулся на спину незнакомцу. Не оборачиваясь, тот перехватил руку и неуловимым движением перекинул нападавшего через себя. Послышался короткий звон металла по асфальту, мужик свалился мешком и затих.

– Ты следующий? – тихо спросил незнакомец, повернувшись к Сергею. – Или умеешь бить только женщин?

Вместо ответа Сергей сорвался с места и побежал. Я, не двигаясь с места, проводила его взглядом.

Вот почему так бывает: с виду нормальный мужчина неожиданно оказывается мерзавцем. Мы ведь не первая и не последняя пара, которая рассталась. А такая месть – это не просто низко и грязно. Это... даже не знаю, как назвать. Но знаю точно, что настоящий мужчина никогда не опустится до подобного уровня. Впрочем, настоящий мужчина никогда не будет угрожать и командовать. Так что, как говорится, видели глаза, что руки брали. Раньше нужно было ставить точки над «і». А так моя же лень меня и погубила. Поздно плакать...

– С вами все в порядке?

Я вздрогнула от тихого голоса, раздавшегося у самого уха, обернулась к присевшему рядом со мной мужчине. Его лицо надежно скрывали темнота и длинные волосы чуть ниже плеч. Почему-то захотелось протянуть руку и коснуться волос незнакомца. Просто так, без спроса и какого-либо умысла.

Удивившись этому неуместному желанию, я все же сумела взять себя в руки. Мужчина, видимо обеспокоившись моим молчанием, повторил вопрос с нажимом в голосе:

– Вы в порядке? С вами ничего не случилось?

– Нет, не случилось, – Я качнула головой, половину лица обожгло болью, – Но моя подруга...

– Ее ранили? – Его руки бережно прикоснулись к Элкиной голове, пробежались к вискам.

– Нет. – Я кивнула на тряпку, валявшуюся рядом с одним из наших обидчиков. – Похоже, она надышалась хлороформом. Скоро очнется. Спасибо вам за помощь! Нам очень повезло, что вы оказались рядом.

– Я помогу. – Мужчина подхватил Элку на руки и пошел вдоль дома.

Я поднялась с земли и пошла за ним, стараясь не смотреть на парней, по-прежнему лежавших без движения. Догнав, все же набралась смелости и спросила:

– А эти... ну... они живы?

– Просто без сознания, – сухо уточнил незнакомец и кивнул на дом: – Как мы попадем сюда?

– Ой, сейчас! – Я засуетилась, разыскивая по карманам ключи. Нашла. Первой подбежала к подъезду, открыла входную дверь. Мужчина прошел внутрь, я вбежала следом, нажала кнопку вызова лифта. Обернулась и... замерла, ощущая, как сердце стремительно падает в пятки, а горло перекрывает тугой комок, мешая дышать и понимать.

Держа на руках мою подругу, передо мной стоял тот самый мужчина, которого я совсем недавно видела во сне. Я жадно вглядывалась в его безупречное лицо и понимала, что брежу, потому что подобное никак не может быть явью. Нельзя увидеть незнакомца человека во сне, а потом неожиданно столкнуться с ним на улице.

Конечно, бывают вещие сны, но только то, что снилось мне, совсем не похоже на вещий сон. Скорее напоминало эротический бред соскучившейся по мужскому вниманию женщины. Подумать только, во сне меня обнимали эти сильные руки, которые сейчас так легко и бережно держат Элку, словно подруга легче перышка. Его губы были такими жадными и нежными, что я таяла от поцелуев, словно мороженое на солнце. А глаза, подернутые туманной дымкой страсти, до сих пор не выходят у меня из головы. Он был

такой родной, такой желанный...

– Лифт приехал, – сухо сообщил незнакомец, возвращая меня в действительность.

Я моргнула и подавила тяжелый вздох. Очарование, навеянное неуместными воспоминаниями, улетучилось. Мужчина, стоявший напротив, был по-прежнему красивым, но чужим. Пропустив его вперед, я вошла в лифт, нажала кнопку десятого этажа и уставилась в стену, повторяя в уме детскую считалочку, чтобы вновь не поддаваться воспоминаниям. Незнакомец тоже не стремился к разговорам. Лифт остановился, в полной тишине мы дошли до дверей моей квартиры, вошли внутрь.

– Сюда. – Я провела мужчину в комнату, посмотрела, как он бережно опускает Элку на диван. Почувствовала, как в сердце неожиданно впиваются острые когти невыносимой тоски.

Незнакомец вдруг обернулся, посмотрел на меня внимательным взглядом, от которого у меня ощутимо задрожали колени, а потом шагнул ко мне и... резко запахло на груди ветровку.

– Вам необходимо сменить одежду, – услышала я, словно сквозь вату, его негромкий голос. – Идите, переодевайтесь, а я посижу с вашей подругой.

Мне и в голову не пришло возразить. Наоборот, я подошла к шкафу, достала спортивный костюм и направилась в ванную, совершенно не опасаясь, что оставляю в квартире незнакомого человека. На фоне сегодняшних событий и сюрпризов я забыла о такой вещи, как собственная безопасность. А когда включила свет в ванной и увидела в зеркале свое отражение, вообще потеряла дар речи.

ГЛАВА 10

Всю левую щеку занимал огромный кровоподтек, из разбитой губы сочилась кровь, попадая каплями на одежду, а глаза сияли полубезумным блеском. Картину завершали разорванный топик, почти полностью обнаживший грудь, и всклооченные волосы. Ни дать ни взять – героиня дешевого боевика.

Теперь понятно, почему на мне предпочли запахнуть ветровку. Удивительно, что мужчина вообще не сбежал от такого страшилища куда подальше. Ну да, понятно, он истинный джентльмен и не смог бросить несчастных девушек среди ночи в беде. Тем более что Элку я одна вряд ли бы дотащила так аккуратно. Да и не пояись этот неожиданный спаситель вовремя, вполне возможно, что из нас двоих тащить домой пришлось бы меня, причем в куда более плачевном состоянии. Впрочем, и так все очень и очень хреново.

Куртку и джинсы я определила в стирку, топик – в мусорную корзину, а вот со щекой пришлось повозиться. Губы опухли и болели, синяк прямо на глазах наливался угрожающе-синюшным цветом. С моим бледным лицом и растрепанными волосами я очень походила на восставшего зомби. На предплечьях, там, где меня хватал своими стальными ручищами Сергей, тоже обнаружились кровоподтеки. В голове шумело, словно с похмелья, а в душе царил абсолютно трезвый пофигизм – защитная реакция организма на перенесенный стресс.

Под воздействием этой самой защитной реакции я сумела осторожно умыться прохладной водой, едва не повизгивая от боли, довольно сносно вымыть голову и принять душ. Запахнувшись в халат, ранее напугавший меня до чертиков самостоятельным парением в воздухе, я приоткрыла дверь и прислушалась к царившей в квартире тишине. Не услышав ровным счетом ничего, вышла из ванной и застыла в недоумении: дверь в комнату была закрыта, на кухне горел свет, а тишину неожиданно нарушил тихий смех подруги и перезвон посуды. Щелкнув выключателем, я прошла на кухню, мучимая вполне уместным любопытством.

Элка и наш спаситель пили чай, негромко переговариваясь между собой. В глазах подруги светился неподдельный интерес, а на лице незнакомца застыла светская улыбка. Стол был заставлен пирожками, вазочками с вареньем и чашками на блюдцах. Глядя на этих

двоих, я бы и в жизни не подумала, что она только очнулась от хлороформа, а он совсем недавно положил в драке трех человек. Пришлось кашлянуть, чтобы привлечь внимание обоих. Разумеется, привлекла. Гораздо больше, чем хотела.

Элка с горестным воплем слетела со стула и кинулась ко мне, матерясь на все лады. Ее гнев изливался исключительно на Сергея. Обозвав моего обидчика всевозможными нецензурными прозвищами и послав его туда, куда можно добраться исключительно силой воображения, а напоследок предложив заняться тем, чего и в Камасутре днем с огнем не сыщешь, подруга слегка остыла и кинулась к холодильнику за льдом.

Спаситель же мой повел себя куда спокойней: бросил внимательный взгляд на мое лицо и равнодушно уткнулся в чашку с чаем.

– Вот, держи! – Подруга сунула мне в руку пластиковую упаковку с кубиками льда. – Потом еще наморозишь. А мстителя этого ночного с замашками садиста непременно в тюрьму посади! С такими доказательствами, как у тебя на лице, его быстро повяжут и срок приличный впаяют! И не смей его жалеть! Кстати... – Выражение Элкиного лица сменилось крайне озабоченным: – За то время, пока я валялась в отключке, надеюсь, этот гад ничего не успел с тобой сделать? Ну, в смысле... понимаешь, о чем я?

– Нет, не успел. – Я поморщилась, прикладывая к щеке обжигающе ледяной контейнер. – Скажи спасибо вот этому молодому человеку. Если бы не он, то я не знаю, чем бы закончилась для нас эта ночь.

– Да, конечно! Я уже сказала и не раз! – затараторила подруга, почему-то стремительно покрываясь румянцем. – И чаем вот угощаю. Ну, в знак признательности. Пирожки тут, варенье...

Элка замолчала, неожиданно растеряв слова, я же посмотрела на гостя. Тот по-прежнему пил чай, только в мимолетном взгляде, брошенном на меня, читалось желание утопиться в этой самой чашке.

Ну, все понятно. Пока я приводила себя в порядок, Элка пала жертвой красоты и обаяния незнакомца, и ему от этого явно некомфортно. Такие красавцы не бывают одинокими, и его совершенно точно где-то ждут. Учитывая более чем позднее время, понятно, что парень нервничает. А тут еще и я появилась со своей разукрашенной рожей. Естественно, он понимает, что внимания двоих ему не вынести, а просто так развернуться и уйти ему, похоже, что-то мешает. Может, вежливость, а может, он денег хочет? Сейчас же за «спасибо» никто и ничего не делает. Впрочем, просто предлагать деньги в этой ситуации, по-моему, как-то вульгарно. А что если...

Я вернулась в комнату и достала из бара бутылку шотландского виски, подаренную мне по случаю дня рождения кем-то из коллег около полугода назад. Не то чтобы мне нравились крепкие напитки, но страсть к коллекционированию спиртных шедевров я определенно питала. Решив, что бутылка в бархатном футляре вполне сгодится для выражения благодарности, я пошарила в записке и, вытащив несколько приятно хрустящих розовых купюр, понеслась обратно в кухню.

– Э-э-э... Примите от нас на память небольшой презент. – Я мило улыбнулась, стараясь не думать о боли, вспыхнувшей в щеке, и выставила футляр на стол перед незнакомцем. – А это на такси. Уже очень поздно, метро не работает, а вы из-за нас потеряли столько времени!

Незнакомец отставил пустую чашку, обвел задумчивым взглядом презенты и кивнул на купюры:

– Что это?

– Как что? – Я опешила от вопроса. – Деньги. За полторы тысячи вас отвезут хоть в другой конец города.

– Мне не нужно в другой конец города! – неожиданно жестко ответил незнакомец. – Уберите деньги!

«Обиделся», – вздохнула я про себя, а вслух предложила:

– В таком случае возьмите виски. И не обижайте нас отказом! Подарок ведь от чистого сердца! Или вы не употребляете спиртного?

Мужчина промолчал, но футляр с бутылкой взял. Поднялся. И вдруг уставился мне в глаза немигающим взглядом.

По моему телу пробежал ток, я застыла, словно кролик перед удавом, и не могла отвести глаз. Во взгляде незнакомца читалась невыносимая тоска, а еще в пронзительно-синих глазах содержался призыв, нет, скорее мольба. Это завораживало и пугало одновременно.

Сердце забилося где-то в горле, неожиданно взмокли ладони, и я почувствовала, что хочу ответить на этот призыв, только не знаю как. Зато точно знаю, что хочу подойти к обладателю этих невыносимых глаз и прижаться к его груди, оказаться еще ближе, чем мы есть сейчас, хотя в данный момент нас разделяет всего лишь шаг. Но я хочу сделать этот шаг, и мне плевать на то, что он обо мне подумает...

Тут мужчина отвел глаза, развернулся и пошел в прихожую. Я еле слышно выдохнула и схватила полотенце, чтобы вытереть ладони. Элка смерила меня непонятым взглядом и выскочила из кухни вслед за гостем.

Я же уставилась в окно и попыталась разобраться в двух вещах: первое – не владеет ли наш спаситель гипнозом, и второе – чего больше было в глазах подруги, удивления или зависти. Не придя в итоге ни к каким выводам, решила списать все на свою бурную фантазию, разыгравшуюся из-за недавних событий.

На столешницу запрыгнула кошка, мяукнула и боднула мохнатым лбом в локоть. Я погладила ушастую головку и вновь уставилась в ночное небо за окном. Только что в эту ночь ушел самый загадочный и, уж чего греха таить, самый красивый на свете мужчина, а я... я даже не знаю, как его зовут. Впрочем, это не так уж важно, потому что он уже затерялся в городском лабиринте бесконечных улиц и мы вряд ли когда-нибудь встретимся вновь.

Такова особенность городской жизни: люди могут никогда не столкнуться друг с другом, даже если живут в домах, расположенных по соседству. Всею виной спешка, в которой мы проживаем свою жизнь, а также бесконечный список правил и обязанностей, необходимых для того, чтобы в этой самой жизни был не только хлеб с маслом, но и еще куча приятных сердцу вещей.

– Дашка, у тебя, часом, рассудок не помутился?!

Я обернулась. Элка застыла посреди кухни с мрачным укором в глазах.

– Нет, – подумав, ответила я. – А что такое?

– Нет, вы только послушайте! Она еще спрашивает, что такое! – горестно возопила Элка, всплеснув руками, – С головой у тебя, Дашка, проблемы! Это же надо было додуматься выставить за порог такого потрясающего мужика! Я тут, понимаешь, едва косоглазие не заработала, стараясь привлечь его внимание, как вдруг пришла ты и в два счета не только перевела на себя интерес, но и выставила гостя вон без малейшего зазрения совести! Вот я и спрашиваю: ты с дуба рухнула, подруга?

– Никого я не выставляла. – Я пожала плечами, ничуть не поддавшись на провокацию подруги. – Просто он, как любой другой нормальный человек, должен быть дома в такое время, а не шляться по чужим квартирам, выручая из беды незнакомых девушек. Наверняка у него семья, дети.

– Как раз обручального кольца я не увидела, – мрачно вставила Элка, явно не желая сдавать свои позиции. – А вот живой интерес к тебе был виден даже очень! Взгляд, которым наградил тебя Григорий, только слепой мог не заметить. В общем, подруга, не обижайся, но ты дура!

– Кто? – Я нахмурилась.

– Дура. – Элка вздохнула, – Извини, конечно, но только дура способна вот так запросто лишиться такого обалденного мужика, который тем более заинтересовался тобой.

– Я не об этом, – перебила я Элкин монолог. – Как, ты говоришь, его зовут?

– Гри-го-рий, – отчеканила подруга. – Видишь, в отличие от тебя, я сообразила узнать

его имя.

– И номер мобильного телефона, – усмехнулась я, чувствуя себя немного разочарованной. Имя как-то не клеилось к незнакомцу, кем-кем, но вот Гришей я никак не могла его представить. Хотя полновесное «Григорий» звучит вполне презентабельно.

– Увы, оставлять *мне* номер красавчик не пожелал! – Элка капризно надула губы. – Зато готова спорить: если *быты* спросила его телефон, он дал бы его тебе с огромной радостью! Но ты, как всегда, упустила свой шанс. В конце концов, не захотела бы сама, передала его мне. Уж я бы таким мужиком разбрасываться не стала!

– Эль, уймись! – Я поморщилась, плюхнулась на стул и подвинула к себе тарелку с пирожками, – Не забывай, что красивые мужики всегда находятся в центре женского внимания. Так что у него наверняка девиц по одной на каждый день недели. Даже при условии, что он женат. А если не женат, тогда девиц еще больше. Так что закатай губу – парень не нашего поля ягода. А насчет его симпатии ко мне, то с такой разукрашенной рожей, как у меня сейчас, как раз только людей пугать, а уж никак не нравиться им.

Я замолчала и откусила пирожок. Щека взбунтовалась, напомнив о себе жгучей болью, но есть в данный момент хотелось сильнее. К тому же пирожки в очередной раз получились просто фантастическими: пышными, сладкими, вкусными. В общем, спасибо полтергейсту!

Элка задумчиво покосилась на надкушенный пирожок и махнула мне рукой:

– Пойду я спать. Все равно все самое интересное уже случилось. А тебе, дорогая, на будущее дам бесплатный совет: в следующий раз будь внимательней к собственному счастью, а то так его и проворонишь. Пока!

– Стой! – Я схватила несколько пирожков, сунула их в пакет и помчалась в прихожую догонять Элку. – Вот, держи, на завтрак!

– После потери такого красавчика у меня надолго аппетит пропадет, – вздохнула подруга, но пакет взяла. – Спокойной ночи, дорогая!

– Не расстраивайся! – улыбнулась я, открывая замок, – Чем красивей мужик, тем сильнее от него головная боль.

– Угу. – Элка перешагнула порог и обернулась: – Между прочим, твой Сергей не такой уж и красивый, но вот головной боли от него было предостаточно, причем как в переносном, так и в прямом смысле. Так что я предпочитаю страдать из-за красивых. По крайней мере это не так обидно.

Элка направилась к лифту, а я закрыла дверь и пошла на кухню. Проходя мимо зеркала, бросила мимолетный взгляд. Щека порадовала синим цветом и припухлостью. Я мрачно усмехнулась – чтобы такое и понравилось? Нужно быть извращенцем или обладать чрезмерной фантазией, как моя подруга.

Убрав со стола, хотя этого и не требовалось, потому что в последнее время за порядком строго следил барабашка, я отправилась спать. В конце концов, хотя бы остаток этой излишне событийной ночи должен пройти спокойно.

ГЛАВА 11

– Ну и какого черта ты тут сидишь? – Домовой неожиданно материализовался рядом, покрутился по сторонам, оглядывая лестничный пролет, и присел на ступеньку. – Скажи, как вообще тебя угораздило стать видимым?!

– Не знаю, само получилось, – Грей отхлебнул из ополовиненной бутылки, – Видимо, от злости. Представь себе, этот... даже не знаю, как назвать, устроил на девчонок засаду! И взял себе в подмогу еще троих. И что это за мир такой, где у мужчин хватает совести поднимать руку на женщин?

– Я так понимаю, ты их по земле размазал? – тихо спросил домовый.

– Нет, живыми оставил, – мотнул головой Грей, – Считаю ниже своего достоинства пачкать руки о подобных.

– Понятно. Не переживай, утром у Дарьи и следа не останется на лице. – Домовой

быстрым движением выхватил бутылку из рук. – Так что пить не обязательно.

– Она меня не вспомнила. – Грей уставился себе под ноги стеклянным взглядом. – Представляешь? Даже видя вживую, совсем рядом, она меня так и не вспомнила!

– Ну подумаешь, не вспомнила! – как можно беспечней заявил домовой, старательно скрывая охватившую его досаду. То, что Дарья ничего не помнит, он понял сразу, как только они переступили порог. – Значит, тебе просто придется заново влюбить ее в себя, а потом рассказать о своей чудесной родине. В Дарье неминуемо разыграется женское любопытство, и, глядишь, история закончится вполне благополучно.

–

Но я не хочу так долго ждать. Ты понимаешь, она смотрела на меня совершенно безразличным взглядом! А видеть безразличие в глазах любимого человека – это страшной любой пытки. Я даже смотреть на нее толком не могу – все холодеет внутри от ее равнодушия. А может быть, сделаем все быстрее? Пока она спит, ты просто переместишь нас обратно, а там она или все вспомнит, или заново привыкнет.

– Не получится! – Домовой потешно всплеснул мохнатыми ручками, – Ты забыл, что нельзя перемещать из мира в мир того, кто этого не хочет? Заклинание перемещения может сработать неправильно.

– Но ведь королева переместила Дарью в наш мир в тот момент, когда она и понятия не имела о том, что этот мир вообще существует. У нее же все получилось!

– Ну да! То – королева, а то – я. Не забывай, что я научился многому, но не всему. Поэтому поосторожней с экспериментами. И вообще меня сейчас больше интересует, где ты теперь будешь жить. Ведь обратно к Дарье тебе уже нельзя вернуться.

– Почему? Просто сделай меня опять невидимым и перемести в квартиру.

– Не получается! Или ты думаешь, что я не пробовал? Вот сколько сижу тут рядом с тобой, столько и пробую. Не выходит! И не спрашивай почему. Не знаю!

– И что тогда?

– Не знаю. Пока посиди тут. – Домовой исчез, прихватив с собой бутылку.

Грей вздохнул и вновь уставился безразличным взглядом под ноги.

Лишь когда за окном в подъезде прилично рассвело, домовой материализовался вновь и тут же принялся оглашать руководство к действию:

– В общем, слушай: раз ты теперь видимый, то спрятать тебя никак не возможно. Поэтому придется быть как все. Хотел узнать этот мир? Вот и поживи. Снимешь квартиру, устроишься на работу и будешь ухаживать за Дарьей согласно здешним правилам. Впрочем, с твоим богатством, которое я тебе обеспечу, работать необязательно. А вот квартиру снять придется. Зато с этим вопросом ты можешь обратиться к Дарье. В том смысле, чтобы она помогла в поиске жилья. У нее для этого компьютер есть и знакомые. По крайней мере, так посоветоваласделать Маруся. Уж она-то знает, о чем говорит. Так что дождись, когда девушка проснется, позвони в дверь, скажи, что не местный, и сделай все, что я тебе тут наговорил. И смотри, не потеряй мешочек с шеи, иначе я тебя не найду! Все, я пошел лечить синяк нашей красавицы, а ты не скучай.

Домовой исчез, Грей вздохнул и поднялся со ступенек. В конце концов, сидя на одном месте, ничем себе не поможешь. Он поднялся по лестнице на самый верхний этаж, посмотрел в окно на пейзаж, ставший вдвое меньше и казавшийся совсем игрушечным. Потом спустился на знакомый этаж. Подошел к двери, остановился в нерешительности. Позвонить или подождать весточки от домового? Наверняка, когда Дарья проснется, он сообщит ему...

Дверь неожиданно открылась. Дарья переступила порог и уставилась на него долгим взглядом. Как и обещал Тихон, уродливый синяк исчез, а в любимых глазах читалось все что угодно, кроме удивления. Словно она ожидала увидеть его здесь и сейчас. На какой-то момент ему даже показалось, что она его вспомнила. Но, увы, всего лишь показалось.

– Простите, но мне нужна ваша помощь, – поспешно заговорил он, предвосхищая ее

вопросы, – Вот ждал, когда вы проснетесь.

– Проходите. – Дарья посторонилась, пропуская его в прихожую, – Чаю хотите?

И снова знакомая обстановка и любимый человек рядом. Вот только ощущения совсем другие. Сейчас он здесь чужой. И Дарья, хоть и смотрит на него внимательным взглядом, всего лишь проявляет вежливость, положенную хорошей хозяйке.

– ...в общем, не могли бы вы помочь мне найти квартиру? – закончил Грей свой длинный монолог. – Может быть, ваши друзья... или компьютер... – сбивчиво говорил он.

Я задумалась, уставившись взглядом на скатерть. С одной стороны, ситуация ясна как божий день: человек приезжий, остановиться негде, города, соответственно, не знает. Я и Эллка – единственные, с кем он успел познакомиться. С другой стороны, в голову постоянно лезли картинки из снов – прошлого, когда я страстно целовалась с этим человеком невесть где, и сегодняшнего, из-за которого вскочила в самую рань и понеслась открывать дверь, твердо уверенная в том, что увижу его на пороге. Так и получилось.

После невыносимо долгой ночи я уснула моментально, едва голова коснулась подушки. Вот только во сне творилась такая неразбериха, что проснулась я еще более уставшей, чем ложилась. Перед глазами с невероятной быстротой мелькали картинки, в которых были я и Григорий, я и какое-то существо, напоминавшее отощавшую до ужаса собаку, с острой крысиной мордой и рядами длинных игольчатых зубов в оскаленной пасти.

Потом я видела себя в толпе людей, у многих в руках была мелкая домашняя живность: куры, утки, поросята, одна женщина держала обмякшего петуха и вопила во всю силу мощных легких: «Веська, ирод, подавился! Чтоб ему!.. Дарена, помоги!» Затем перед глазами вновь появлялся Григорий.

Я видела, как он спускался по лестнице и останавливался перед моей дверью. В его глазах жили мольба и надежда. Я вдруг остро ощутила, что он нуждается в моей помощи. Видение было настолько живым, что я проснулась от собственного вскрика, слетела с постели и, запахивая на ходу халат, понеслась к двери. Обнаружив Григория на лестничной площадке, даже и не подумала удивиться, скорее восприняла как должное.

Все же эти сны были странными и необъяснимыми. И именно они ставили меня в тупик. Ведь невозможно настолько чувствовать чужого человека. Знаю, что существует духовная связь между близнецами, влюбленными, родителями, детьми. Но этого человека, сидящего напротив, я вижу всего первый раз в жизни. И, разумеется, он не приходится мне ни родственником, ни возлюбленным. Кстати, следует признать, что я ошиблась насчет него: в глазах мужчины не было даже намека на развязность, которую легко можно прочесть у ловеласов и бабников, а манеры поражали своей аристократичностью, что ли.

Сейчас, сидя рядом с ним в относительно спокойной обстановке и ведя негромкую беседу, я смогла лучше рассмотреть его. Манеры Григория были безупречными, а речь вежливой и правильной. Учитывая то, что большинство людей в наше время довольно редко утруждают себя знанием этикета и вежливостью речей, предпочитая сленг пополам с нецензурщиной, Григорий казался даже старомодным. Но именно таким он мне и нравился. Разумеется, отказывать ему в помощи я не собиралась. Тем более после того, как этот человек спас меня от расправы, которую уготовил мой бывший.

– Давайте сначала поспрашиваем соседей, возможно, кто-нибудь сдает квартиру поблизости. А Интернет и агентства оставим на крайний случай. Если позволите, один вопрос: на какую сумму вы рассчитываете?

– В смысле?.. – Чашка в руке Григория слегка дрогнула.

– Ну, я спрашиваю, какими деньгами вы располагаете, чтобы снять квартиру. Нужна вам «двушка», «трешка», «однушка»? Какую квартиру хотите?

– Квартиру... – Собеседник на мгновение задумался – Хочу такую, как ваша. А деньги... эти подойдут? – Он вытащил из кармана пачку пятисотрублевых, положил на стол. Потом еще одну, и еще.

Я с удивлением посмотрела на карман его джинсов, не совсем понимая, как там могло уместиться *такое* количество денег. Я даже телефон не могу положить в карман, потому что оттопыривается, а тут целые пачки, даже несколько.

– Этого хватит? – Григорий не спускал с меня напряженного взгляда.

– Да, конечно! – Я кивнула, а про себя подумала, что с такими деньгами можно запросто снять квартиру в престижном доме, куда более крутом, чем моя многоэтажка. С другой стороны, вдруг он экономит? А еще любопытно, почему у него в пачках одни пятисотенные купюры? Не проще ли было брать сразу тысячными? Впрочем, не моего ума дело.

– Когда приступим к поискам?

Я ненадолго задумалась:

– Лучше ближе к вечеру, когда на улице появятся всезнающие бабушки и мамочки с колясками. А пока, если хотите, можете принять душ. Я за это время приготовлю нормальный завтрак, потому что чаем сыт не будешь. Что скажете?

Открывать незнакомому человеку некоторые бытовые особенности моей квартиры я не стала. Если внимательный – сам заметит. А если нет, то и не надо. Уж он-то точно решит, что я ненормальная, если начну вещать о всяких там барабашках.

– Хорошо. – Григорий отставил чашку, встал со стула.

– В таком случае, сейчас принесу полотенце.

Я направилась в комнату, раздумывая над тем, как отреагирует Элка, когда узнает, что объект ее воздыхания находится у меня дома и еще не скоро пропадет из виду. Поиски квартиры – дело долгое и за один день не кончаются. Уверена, что подруга утащит Григория к себе и будет настойчиво добиваться его внимания.

В отличие от меня, у Элки с моралью все намного проще. Иногда я ей даже завидую. В то время как я веду долгие переговоры с совестью, подруга машет на все рукой, заявляя, что нужно жить в свое удовольствие, потому что жизнь дается нам один раз. И нужно прожить ее так, чтобы в старости писать романы, а не существовать на одну пенсию.

Проходя мимо зеркала, я бросила взгляд на свое лицо и замерла от удивления: уродливый синяк исчез, словно его и не было. Щека радовала белизной кожи и легким румянцем. Но... так не бывает! Синяки держатся как минимум неделю, а уж красота, что была у меня вчера, вообще должна была радовать меня по меньшей мере месяц. Интересно, может, вдобавок к полтергейсту у меня сверхспособности к регенерации открылись?

Озадаченно покачав головой, я пошла к шкафу.

ГЛАВА 12

После завтрака я оставила гостя смотреть телевизор, а сама помчалась к Элке – делиться новостями и впечатлениями. Подруга поначалу не поверила моему рассказу, потом долго визжала от радости, прыгая по комнате, словно заяц с батареей «Энерджайзер». Наконец взяла себя в руки, нанесла макияж, соорудила прическу, надела облегающее платье, подчеркивавшее все достоинства роскошных форм, и мы спустились ко мне.

Оставив Элку наедине с ее сокровищем, слегка впавшим в ступор то ли от соблазнительного вида, то ли от жарких, призывных взглядов моей подруги, я отправилась обзванивать соседей на этажах. Потому что Григорий, бегло просмотрев с моей помощью в Интернете роскошные квартиры жилых комплексов, отказался от них наотрез, заявив, что к роскоши равнодушен.

Зато Элка, заведя небрежно лежащие на компьютерном столе пачки денег, слегка побледнела лицом, а потом резко сменила голос на томно-мяукающий. Прямо как моя Маруся, когда греется на солнышке, растянувшись на подоконнике.

Как ни странно, но с поиском квартиры мне повезло намного быстрее, чем я ожидала. Вот только выбор оказался настолько неказист, что я раздумывала целый день, прежде чем сообщить о нем Григорию. Лишь когда мы прогулялись вечером по ближайшим лавочкам и

детским площадкам и нашли еще одну квартиру, только тогда я рассказала ему, какая недвижность сдается в моем доме.

Этажом ниже, подо мной, располагалась квартира женщины, которую все звали Люсей. Никто уже не помнил ее возраста, давая навскидку далеко за пятьдесят, а обратиться к Людмиле Михайловне по имени-отчеству ни у кого язык не поворачивался. Все дело было в том, что Люся пила. Пила много и постоянно. Не знаю, как долго я и остальные соседи смогли бы вытерпеть пьянчужку, но, на наше счастье, квартир у Люси было две, и скромной «однушке» она уже много лет предпочитала двухкомнатную, расположенную почти на другом конце города. Эта же квартира пустовала. Люся навещала сюда раз в полгода, а то и реже. Поэтому я, нажав пальцем на пухлую кнопку звонка, даже не обратила внимания на то, в чью квартиру звоню. Завидев же на пороге Люсю в засаленном халате и с неопрятными кудряшками ржаво-рыжего цвета, выдала скорее от удивления, чем осмысленно:

– Здрасьте! Квартиру случайно не сдаете?

Потом до меня все же дошел смысл происходящего, и я рванула наутек, подальше от соседки и неповторимого амбре, исходившего от нее. К сожалению, не успела. Сухонькая рука, странно тяжелая для такой худобы, по-хозяйски сгребла меня за плечо и пригвоздила к месту.

– Кто такая? – грозно поинтересовалась Люся, сверля меня мутными глазками.

– Соседка, – тихо пискнула я, стараясь едва дышать, чтобы не задохнуться. – Квартиру тут ищу. Но не для себя.

– Для хахаля, значит! – быстро определила Люся. – Мужики, они вечно за бабью спину прячутся. Ладно, приводи, а сама подумай, пока жить тут будет, нужен он тебе такой или нет.

Порядком ошарашенная житейской мудростью пьянчужки, я кивнула. Тяжесть на плече исчезла, Люся закрыла дверь. Пребывая в ступоре, я потихоньку отползла к лифту.

В общем, я не стала утаивать от Григория всей «прелести» сдаваемой квартиры, но его это совершенно не остановило. Наоборот. Даже не попрощавшись с хозяйкой, любезно проводившей экскурсию по уютной и опрятной «двушке», Григорий выскочил за порог с такой скоростью, словно за ним по пятам гнался сам черт. Удивившись столь неожиданной перемене в его поведении, я смущенно извинилась перед женщиной и выскочила следом. Догнать Григория смогла лишь у своего дома.

– Где живет твоя соседка? – спросил он совершенно спокойным голосом. Словно и не летел сейчас на всех парах к дому.

– Ты понимаешь, что эта квартира совершенно не пригодна для жилья? По крайней мере для нормального человека! – Я в очередной раз попыталась убедить Григория.

– Разберусь!

Пожав плечами, я набрала код и вошла в подъезд. В конце концов, некоторые люди не верят во что-то до тех пор, пока не увидят это что-то собственными глазами. Похоже, Григорий как раз из их числа. Ну что ж, пусть самостоятельно нюхает жареного, если ему так хочется.

Люся долго не открывала дверь. Наверняка разговор со мной не задержался в ее одурманенных выпивкой мозгах. Лишь когда я, уже отчаявшись дозвониться, пожала плечами и развернулась, чтобы пойти к лифту, клацнул замок, и на пороге нарисовалась столь необходимая нам пьянчужка.

– А-а-а... Хахаль пришел! – без тени смущения выдала она, смерив мутным взглядом Григория с головы до ног. – Ну проходи, чего встал? Слушай, девка, чересчур он смазливый! Найди рожей попроще, а то хлопот не оберешься из чужих коек вытаскивать.

Не удержавшись, я фыркнула в кулак, неожиданно найдя в Люсе единомышленницу. Потом выразительно посмотрела на Григория, словно говоря: ну что, видишь, куда хочешь сунуться? Прямо с порога в нос била едкая вонь немытого тела со смесью стойкого перегара, что уже говорило о многом, если не обо всем.

Тем не менее Григорий стойко выдержал мой взгляд и обернулся к Люсе.

– Могу я быть вашим гостем, уважаемая?

Если от его слов и учтвого тона, совершенно неуместного в данной ситуации, лично я впала в глубокий ступор, то о Люсе и вовсе говорить нечего. Удивленно оттопырив нижнюю губу и выкатив мутные глазки, женщина, а точнее, отдаленное подобие таковой, застыла на пороге.

Догадавшись, что ответа он вряд ли дождется, Григорий ухватил Люсю под локоть, ничуть не брезгуя касаться засаленного рукава халата, и повел в квартиру. Дверь за ними захлопнулась, оставив меня в гордом одиночестве.

В квартиру к Элке, терпеливо, а может, и не очень, ожидавшей конца наших поисков, я ворвалась с обреченным воплем:

– Эля, он извращенец! Причем в особо безнадежной форме! Потому что только извращенец может отказаться от нормальной квартиры в пользу сарая закоренелой пьяницы! И еще он вел с этой самой пьяницей такие учтвые разговоры, словно она королева какая-нибудь!

– Ты нашла красавчику квартиру, – понятно кивнула подруга. Захлопнула дверь, провела меня на кухню. Налила стакан сока, подвинула ко мне, сама села напротив и закончила фразу: – Теперь ревнуешь к хозяйке? Скажи еще, что она страшная, неумытая и вообще лишь отдаленно напоминает женщину!

– Ну да, – кивнула я, воскрешая в памяти неряшливый образ соседки. – Именно так!

– Все ясно! – Элка всплеснула руками. – Ты ревнуешь! Я так и знала, что Гриша тебе понравился. Но закатай губу, подружка: после того, как ты его выставила в ночь, я имею полное право на атаку. Ну и где теперь живет мое чудо?

– У Люси, этажом ниже меня, – Я уставилась на Элку абсолютно невинными глазами.

Подруга пару раз судорожно втянула воздух открытым от удивления ртом, а потом накинута на меня с обвинительными воплями:

– Ты с ума сошла?! Как ты могла подсунуть *его* этой каракатице?! Неужели не нашлось других вариантов? Он – и в этой дыре! Уму непостижимо! Дашка, где твои мозги? Ты их совсем растеряла? Да как тебе только в голову пришло...

– Но он сам захотел, – вклинилась я в Элкины вопли. – Причем захотел настолько, что кинулся в эту квартиру, даже не досмотрев предыдущую, которая, в отличие от Люськиной, была куда более презентабельной.

Элла уставилась на меня полубезумным взглядом:

– Нужно будет спросить у этой Люси рецепт...

– Рецепт чего? – не поняла я.

– Приворотного зелья! – выдохнула подруга.

Мученически вздев глаза к потолку, я отставила опустевший стакан и сбежала к себе домой, оставив Элку с ее переживаниями. В конце концов, пусть у меня и барабашка обитает, зато никто не сходит с ума от неразделенного чувства!

Воскресенье я провела вполне обычно и спокойно, провалявшись весь день на диване перед телевизором в обнимку с вазой, полной фруктов. Элка меня не трогала, наверняка разрабатывала планы по соблазнению Григория. Сам же красавец словно в воду канул. Поэтому я оказалась предоставлена самой себе и со спокойной совестью предавалась пассивному отдыху. Далее день сменился ночью, и началась тяжелая трудовая неделя. Действительно тяжелая, без преувеличения. Мы с Элкой добросовестно мотались в офис и к вечеру приползали едва живые. Шеф ожидал проверку, а потому отрывался на сотрудниках и словом, и делом. Слово зачастую было крепким, а дело затяжным и неотложным, поэтому на некоторое время мысли о Григории выветрились из наших умов, вытесненные отчетной документацией.

Так продолжалось до середины недели. До тех пор, пока, возвращаясь домой в среду, мы не встретили возле подъезда женщину с необъятными сумками. Судя по надписям на пакетах, женщина шла из ближайшего супермаркета. Разумеется, из женской солидарности

мы кинулись помогать: открыли дверь, занесли несколько сумок в лифт.

– Спасибо, девочки! – благодарно улыбнулась женщина и нажала кнопку с цифрой девять.

Стоя рядом с незнакомкой, я бросала в ее сторону заинтересованные взгляды и мучительно раздумывала над тем, что женщина кажется мне знакомой, но вместе с тем я точно знаю, что на девятом этаже ее раньше никогда не видела. Переехала? Приехала в гости? Ну да, все может быть.

На ней был светлый элегантный плащ чуть ниже колен, выгодно подчеркивавший тонкую талию, на ногах изящные шпильки. Русые волосы уложены в аккуратную прическу, на лице легкий макияж. На вид лет тридцать семь, не больше.

Пока я рассматривала незнакомку, лифт остановился. Женщина вышла на площадку. На сей раз мы с Элкой схватили по пакету исключительно из любопытства. Разумеется, оно нас не подвело.

Незнакомка уверенным шагом направилась к Люсиной квартире, позвонила в дверь. А когда та распахнулась и мы услышали до боли знакомый голос, лично мне показалось, что я сошла с ума. Прямо здесь и прямо сейчас.

– Людмила, я же просил оставить все хозяйственные дела мне! – укоризненно нахмурил брови Григорий, принимая пакеты из рук незнакомки.

– А мне тут девочки помогли! – Людмила обернулась, но никого не увидела. Только два пакета сиротливо стояли позади нее, прижавшись друг к другу. – Странно, они же только что здесь были!

Тем временем «девочки», рванувшие с крейсерской скоростью в лифт, к счастью не успевший к тому времени закрыться и уехать, молча сверлили друг друга ошарашенными взглядами, не будучи в силах произнести хотя бы слово. Только потом, когда подъемное, а заодно и спасительное средство послушно замерло этажом выше, а дверь квартиры, открытая на автомате, надежно отрезала их разом от всех соседей, они вновь посмотрели друг на друга и дружно выдохнули:

– Люся?!

ГЛАВА 13

Элка весь вечер проревела белугой, попеременно кляня то нехоти восставшую из пучины пьянства Люсю, то больного на всю голову Григория, решившего связаться *стак*ой женщиной. В то, что между этими двумя роман, Элка поверила сразу и безоговорочно и не желала слушать никаких увещаний и доводов.

Я же с выводами не торопилась, но, поняв, что вразумлять подругу сейчас попросту бесполезно, тихо сидела на кухне, уставившись задумчивым взглядом в пол. Разумеется, мне было безумно интересно, что в это время происходит в квартире подо мной, но поливать слезами диван на манер Элки я бы не стала при любом раскладе. Хотя бы из-за банальной гордости. А вот метаморфоза, произошедшая с Люсей, взволновала меня гораздо больше.

Во-первых, невозможно за какие-то три дня настолько измениться. Алкоголиков делают трезвенниками годами, и то не всегда успешно. Во-вторых, куда делись мутный взгляд и грубоватые словечки? Ну и в-третьих, Люся сейчас сама на себя не похожа! Не узнала меня, хотя это именно мне она обязана наличием постояльца. Перекрасила волосы, научилась одеваться и пользоваться косметикой. Еще и речь нормальную человеческую вспомнила! Так не бывает! Ну просто не бы-ва-ет!

В дверях нарисовалась подруга. Хлюпнув носом, жалобно сообщила:

– Я иду спать! Ведь из-за наличия глубокой душевной раны и истекающего кровью сердца еще никого не освобождали от работы?

Я улыбнулась и молча покачала головой. Элка кивнула и направилась к выходу. Дверь перед ней услужливо распахнулась, а потом аккуратно закрылась. Мне даже не пришлось вставать.

Вздыхнув, я подтянула к себе блюдо с пирожками и вцепилась в один. Есть хотелось просто зверски, а из-за солидарности с Элкой, наотрез отказавшейся от ужина, я была вынуждена терпеть. Теперь же дала волю чревоугодию, решив, что на выходных обязательно пойду в спортзал. Потому что со всей этой соблазнительной выпечкой очень скоро потеряю свои изящные формы.

Звонок в дверь прервал мой торопливый ужин. Недовольно фыркнув на манер Маруськи, я пошла к двери, не выпуская из пальцев пирожок и кусая его на ходу. Открыла.

– Могу я войти? – вежливо поинтересовался Григорий, протягивая мне в качестве входного билета даже не букет, а настоящую корзину с цветами, около полуметра в диаметре и примерно столько же высотой. Это были ярко-красные благоухающие розы, в непомерном количестве. Задумай я пересчитать, наверняка сбилась бы со счета через минуту.

Я молча отступила от двери, пропуская неожиданного гостя и не дотрагиваясь до корзины даже пальцем. Не потому, что сей подарок выбил меня из колеи, а исключительно из соображений тяжести корзины и жирных рук после пирожка.

Григорий протиснулся в прихожую и направился на кухню. Я закрыла дверь и пошла следом. Визитер поставил корзину на пол к моим ногам, устремил на меня горящий взгляд и вежливо поинтересовался:

– Могу я пригласить тебя в гости на ужин? Не волнуйся, несмотря на то что мы будем вдвоем, обещаю, что ничем тебя не обижу.

Ага, меня он не обидит, а остальных, значит, можно? В памяти всплыло заплаканное Элкино лицо, в мозгу что-то перемкнуло. Наверное, пресловутая женская солидарность.

– Сядь! – строгим тоном, не предвещающим ничего хорошего, попросила я. Хотя какое там «попросила»! Приказала, если уж быть точной. Тем не менее Григорий послушался. Я обошла корзину, встала напротив него и демонстративно сложила руки на груди: – А теперь слушай сюда, красавчик! Возможно, ты впервые в большом городе и не знаешь, как себя вести. А может, деньги окончательно затуманили тебе мозги и ты разучился соображать? Так я тебе помогу. Я, конечно, очень благодарна за то, что ты спас меня тем поздним вечером, но это не дает тебе права появляться у меня дома когда вздумается, и тем более с цветами! Не спорю, ты очень хорош собой. Даже слишком. Но это не значит, что все девчонки тут же должны вешаться тебе на шею. Думаю, ты и так неплохо устроился. Людмила, когда почистила перышки, оказалась вполне хороша собой. Так что забудь сюда дорогу. И еще, если надумаешь сунуться к Элке после провала со мной, то заранее не советую. Иначе позвоню в милицию и попрошу проверить неизвестно откуда взявшегося квартиранта. Уверена, что вы с Люсей никакого договора не заключали, кроме словесного. Моя подруга и так по тебе с ума сходит, поэтому не вздумай подавать ей ложные надежды! Знаю я вас, таких ловеласов – лишнюю победу в дневник любовных достижений, а девчонке потом разбитое сердце на память. Короче, бери свой веник и топай с ним, откуда пришел. И не вздумай тут свои гипнотические чары раскидывать, а то живо двину сковородкой! – На всякий случай я выхватила обещанный предмет из мойки.

Григорий вздохнул, ничуть не испугавшись моих угроз, и усмехнулся:

– Надо же! А Людмила говорила, что цветы безотказно действуют на девушек этого мира. И чем больше букет, тем больше шансов на удачу.

– Не продавайся за цветы – завтра встанешь у плиты! – мрачно продекламировала я забавный лозунг, прочитанный когда-то на стене подземного перехода. На сайт, указанный ниже надписи, зайти так и не рискнула, опасаясь потерять последние крохи веры в нормальных мужчин, которые все же обязательно где-то существуют. Но вот краткое и точное изложение сути брака запало в душу и память. – К тому же откуда может знать твоя Людмила тонкости всех ухаживаний за женщинами? Она же, если мне не изменяет память, пьяница, да еще и с многолетним стажем.

– Она *была* пьяницей, – с нажимом ответил Григорий, – теперь нет.

– Ну конечно! Твоя любовь ее вылечила! Не смей мои тапочки!

– При чем здесь моя любовь? Я не люблю Людмилу.

– Ну, тогда твои деньги, – пожала я плечами.

– Да, ты всегда умела отстаивать свою точку зрения, – кивнул собеседник. Причем прозвучало это довольно буднично, словно он действительно знал меня раньше.

Этого мои нервы не выдержали, я взвилась:

– Да кто ты такой, чтобы разбрасываться здесь громкими фразами?! Тебе русским языком сказали – убирайся! Так что сделай милость, забирай свой веник и оставь меня в покое!

– Я не могу. – Григорий поднялся со стула, оказавшись прямо передо мной.

– Почему?!

В ответ он просто прижал меня к себе и закрыл рот поцелуем.

– Ну наконец-то! – мягко выдохнул в тишине чей-то голос. Но его мало кто услышал.

Поначалу я хотела взбрыкнуть и послать Григория куда подальше, но... поцелуй мне неожиданно понравился, а губы отчего-то показались знакомыми. В общем, я вытерпела это удовольствие до конца, а когда кавалер отстранился, даже не стала претворять в жизнь все грубости, которые поначалу пришли на ум. Лишь вывернувшись из объятий и тихо буркнула:

– Получил что хотел? Теперь уходи!

Григорий как-то странно посмотрел на меня, потом сел обратно на стул и, ссутулившись, закрыл лицо руками.

– Значит, ты так ничего и не вспомнила, – слышался его глухой, даже какой-то обреченный голос.

– Хватит говорить загадками! – Я поморщилась, чувствуя, как злость в душе вновь поднимает голову.

– Давай договоримся? – Григорий посмотрел на меня так серьезно, что моя злость испуганно ретировалась в неизвестном направлении, – Я тебе сейчас кое-что расскажу, а ты просто помолчишь и выслушаешь. А потом я выслушаю тебя. Хорошо? Пожалуйста!

Что-то в его глазах заставило меня молча кивнуть. Собеседник воодушевился и принялся торопливо рассказывать тихим голосом долгую историю. Чем дольше я его слушала, тем больше понимала, что кто-то из нас двоих определенно сошел с ума.

Если кратко, то из слов Григория выходило, что он житель другого мира, существующего в ином временном отрезке. И пришел сюда за мной, потому что любит меня и не может без меня жить. Как он со мной познакомился? О, тут все очень просто! Когда его королевству в целом и самому Григорию в частности срочно понадобилась помощь, его мать, соответственно королева, просто переместила меня в этот самый мир как наиболее подходящую персону. Почему подходящую? Да потому что во мне сокрыты способности к магии, о которых я, разумеется, ни слухом ни духом. Там, в этом мире, я сумела не только спасти королевство, но и в полной мере раскрыть эти свои магические способности. Из-за чего стала ведьмой. Да-да, самой настоящей ведьмой! Помимо этого я влюбила в себя Григория, которого на самом деле зовут Грей и который является ни много ни мало настоящим королевичем. Разумеется, любовь у нас случилась взаимная, но из-за собственной робости, глупости и некоторых посторонних обстоятельств Грей сумел причинить мне боль и потому меня потерял. Я решила вернуться обратно в свой мир, а королева, естественно, не смогла не выполнить мою просьбу. Память я, разумеется, при перемещении потеряла. Теперь же Грей пришел за мной сюда, в надежде вернуть мою любовь, а заодно и вернуть нас обоих в свой мир. Помогает ему в этом деле Тихон, он же вполне обычный домовый, он же тот, кого я упорно зову барабашкой. Вроде все. Ах да, еще забыла – моя кошка Маруся умеет разговаривать. Правда, тоже в том, другом мире. В этом же мире животные, к сожалению, не говорят. Иначе она, кошка, давно подтвердила бы все слова Григория. То есть Грея.

Когда он замолчал, надолго повисла тишина. С одной стороны, я кипела от злости, с другой – было откровенно смешно: ради того, чтобы завоевать меня, парень вон какие небылицы сочиняет! А с виду вроде такой серьезный...

– Значит, говоришь, между нами была любовь? – Я подняла на собеседника задумчивый взгляд, мимоходом отмечая бледность щек и горящий надеждой взгляд. – А как

же теперь Люся? Разбил бедной женщине сердце и помчался вприпрыжку к другой?

До него не сразу дошло, что я попросту издеваюсь. Но когда дошло, взгляд потух, а голос зазвучал тускло, без каких-либо эмоций:

– Чем больше узнаю этот мир, тем больше начинаю его ненавидеть. Здесь все фальшиво и бездушно. Люди настолько погрязли в своих делах и в своем эгоизме, что их совершенно не волнует ничего, что их лично не касается. Вы сидите в своих каменных коробках, уткнувшись в говорящие ящики, и вам даже в голову не придет, что кому-то рядом нужна помощь. Вы не способны протянуть руку чужому человеку, поинтересоваться его бедой. Если бы несколько лет назад рядом с Людмилой оказался человек, способный выслушать, она не скатилась бы в алкогольную пропасть. Женщины слабы по своей природе, а женщины, перенесшие удар судьбы, слабы вдвойне. Потеряв в аварии мужа и сына, она нашла утешение в водке.

– А ты появился, словно рыцарь на белом коне, и спас ее! – возмущенно перебила я, не будучи в состоянии выслушивать столь дешевую проповедь. – Если хочешь знать, очень многие из нас переносят удары судьбы. И природа женщин намного сильнее природы большинства мужчин. Просто сильные люди остаются сильными и дальше, а как раз слабые заливаются по самое горло спиртом, оправдывая и жалея себя на все лады!

– Ты права, конечно, – неожиданно согласился Григорий, – Но и слабым людям все равно нужна помощь. Если бы люди больше общались друг с другом, а не замыкались в своих квартирах и в своих душах, многих проблем можно было бы избежать. А Людмилу не я спас. Это Тихон почистил ее память, убрав все случаи алкогольного опьянения, и заодно сняв тягу к спиртному вообще.

– Домовой?

– Ну да, домовый.

– А почему же он мне память вернуть не может, если такой умелый?

– Потому что не такой уж и умелый, – Григорий пожал плечами, – Мы пытались несколько раз, когда ты спала, но ничего не получилось.

Спала?.. Злость вернулась в мгновение ока. Так вот, значит, кому я обязана своими кошмарными снами!

– Слушай, ты, Григорий, Грей или как там тебя еще! Проваливай-ка по-хорошему! Надоел мне весь этот бред! К твоему сведению, завтра на работу пожелует комиссия, и мне нужно явиться на работу выспавшейся, отдохнувшей и со свежими мозгами. Так что у меня нет ни времени, ни желания выслушивать и дальше твои сказки!

– Сказки?!

– Хорошо, пусть будет бред сумасшедшего, – язвительно улыбнулась я.

Он встал и молча вышел. Хлопнула входная дверь. Я осталась в одиночестве. На полу ярким ароматным пятном укоризненно алели розы. Я из вредности показала им язык и вышла из кухни.

ГЛАВА 14

–

Считаешь себя самым умным? – язвительно поинтересовался пушистый шарик, ехидно прищуривая желтые глаза-пуговицы.

– Отстань, а? И без тебя тошно! – Грей растянулся на кровати, задумчиво глядя в потолок. Там, наверху, осталась Дарья, которая неизвестно что сейчас о нем думает. Как минимум считает сумасшедшим. А как максимум... как максимум даже думать не хочется.

– Ну вот скажи, – не отставал домовый, задумчиво топчась на постели, – Рассказал ты ей все, и что? Лучше стало? Ты же снова наступил на те же самые грабли – тебе ее завоевывать нужно: цветы там, кино, прогулки под луной. А ты что сделал? Опять рубанул сплеча и вывалил всю информацию бедной девочке на голову. Удивляюсь, как она еще после этого смогла с тобой нормально разговаривать, а не огрела сразу по голове обещанной сковородкой.

– Да, не огрела, – согласился Грей. – Зато выгнала вон, что, в общем, еще хуже.

– А ты чего ждал?

– Чего ждал?! – Грей резко сел на кровати, – Чуда я ждал! Понимаешь? Обычного такого чуда! Вдруг она вспомнила бы меня? Какие-нибудь события из прошлого... Вот так вот раз – и щелчок в голове. Но нет! Все напрасно!

– И что ты дальше намерен делать? Извинишься и свалишь все на временное помрачение рассудка от ее красоты или будешь по-прежнему гнуть свою линию, пока она окончательно не убедится в том, что ты псих?

– Нет, зачем. Просто украду ее отсюда. С твоей помощью.

– Нет, ты точно псих! – Домовой обреченно закрыл глаза и повалился на кровать, болтая в воздухе мохнатыми ножками, – Я же объяснял тебе, что так нельзя! Переход может не сработать!

– В отличие от тебя, я предпочитаю быть оптимистом. К тому же не забывай, в этой истории появился еще один персонаж, который может доставить мне крупные неприятности. Начнем с того, что отношения с Дарьей она мне уже испортила, причем не прилагая никаких усилий. И даже думать не хочу, что будет, если она эти самые усилия приложит.

– Людмила! – Домовой хихикнул. – Да, бедняжка моментально попала под твои чары, стоило мне только прочистить ей мозги. А если учесть, что ты первый нормальный человек, попавшийся ей на глаза после длительного алкогольного дурмана, то ее интерес к тебе вполне оправдан. К тому же чего греха таить, ты всегда действовал на женщин как валерьянка на кошек.

– Дарья – тоже женщина, – тоскливо возразил Грей. – Только на нее я почему-то не действую никак. Точнее, действую, но исключительно с отрицательным эффектом.

– Ну, Дарья тоже в свое время смотрела на тебя, как кошка на сметану. И... мне напомнить, кто виноват во всем случившемся?

– Не надо! Лучше напряги все свои силы и память для перемещения в наш мир. Да, и кошку не забудь, а то Дарья нам головы оторвет, если мы ее здесь оставим.

– Не буду! Не буду! Неправильно это! – Домовой пушистой юлой закружил по кровати, недовольно бормоча себе под нос. – В конце концов, женщины твои – ты с ними и разбирайся! И нечего перекладывать проблему на мои плечи. Не ухаживал, чувств не вызвал, а туда же – горазд свою работу на меня сваливать! Я, к твоему сведению, слабый домовый – мелкий домашний дух, а не маг со стажем навроде твоей матушки!

Не переставая бубнить, пушистый шарик пропал из виду, оставив Грея коротать вечер в гордом одиночестве.

Несмотря на здравые рассуждения домового, Грей своего решения не изменил. Остаться здесь надолго нельзя – Людмила обещала вернуться к выходным. А если вспомнить все томные взгляды, которыми она то и дело его награждала, то нетрудно догадаться, *зачем* пожалует эта милая барышня. Если вытерпеть атаку подруги Дарьи ему еще вполне по силам, то связываться с повидавшей жизнь женщиной заведомо опасно. Весовая категория не та, а грубить очень не хочется. Не бежать же к Дарье в поисках защиты? После всего, что он ей наговорил, она мало того что не послушает, но еще, чего доброго, в милицию сдаст. Значит, остается единственное средство – уговорить домового.

Легок на помине – Тихон появился вновь. На сей раз, разнообразия ради, на полу,

прямо перед носом Грея. Требовательно ухватил за штанину.

– А ну обещай, что выкинешь из головы мысли о перемещении до тех пор, пока не завоюешь Дарью! Иначе... иначе я тебе готовить не буду! Вот!

– Этого я тебе обещать не могу. – Грей подхватил домового и усадил на колено. – Но я постараюсь сегодня снова поговорить с Дарьей. Если результат будет опять отрицательным, тогда ты применишь заклинание.

– Ты упрям, как осел! – Домовой вывернулся из рук. – И нечего меня тискать. Я тебе не кот!

– Понимаешь, если Дарья вызовет милицию – стражу этого города, то, сидя в тюрьме, я вряд ли смогу за ней ухаживать. А вдруг ты не сможешь меня вытащить из застенков этого мира? Здесь и так слишком много непонятных вещей, и вряд ли тюрьмы так просты, как в нашем мире. И ты думаешь, что такой поворот событий будет лучшим вариантом?

– Уговорил. – Домовой вздохнул и махнул мохнатой рукой. – Только смотри, поговори с нею как следует! Учти, я буду рядом!

День не заладился с самого утра. Элка была хмурой и после короткого обмена приветствиями молчала вплоть до самого офиса, а шеф, едва мы предстали перед его светлыми очами, изрядно потемневшими от гнева, загрузил нас работой по самые уши. Приказал Лидочке подать в кабинет кофе на три персоны и исчез за дверью. У меня же в голове творилась невообразимая каша, и причиной этой самой каши был вчерашний разговор с Григорием.

С одной стороны, я была готова с легким сердцем записать его в сумасшедшие. С другой стороны, посуда по кухне летала вполне самостоятельно уже несколько недель кряду. Вот только как я ни уговаривала таинственного барабашку предстать перед моим любопытным взором в своем натуральном виде, результата так и не дождалась, хотя честно тарасилась широко раскрытыми глазами на все, что двигалось по кухне. В конце концов, после завтрака посадила перед собой на стол Марусю и попросила сказать хоть какое-нибудь слово. Задавала разные вопросы, упрасивала, делала самое умоляющее лицо, на которое только была способна, сулила всякие вкусности.

Маруся смотрела жалобно, мяукала громко, но ни одного слова человеческой речи я так и не услышала. Искерпав запас просьб и собственного терпения, я оставила наконец бедное животное в покое. Зато когда отошла от стола, прихватив заодно грязную тарелку после завтрака, Увидела, как Маруся подняла переднюю лапу и выразительно ткнула себя пару раз в область уха, глядя на меня та-аким взглядом...

Тарелка разлетелась осколками по полу, киска сделала ноги (в ее случае – лапы) подальше от грохота, ая, наткнувшись ошарашенным взглядом на часы, поняла, что серьезно рискуя опоздать на работу. Долг оказался превыше удивления, поэтому, оставив осколки барабашке, я резвым сайгаком понеслась переодеваться.

И вот теперь, на работе, я честно пыталась собрать мозги в кучу и заставить их двигаться в нужном направлении. Вот только получалось не очень. Через некоторое время мысли своевольно возвращались к вчерашнему разговору с Григорием и утренней выходке Маруси. То, что кошка осталась весьма невысокого мнения о моих умственных способностях, я поняла очень хорошо. И человеческой речи не потребовалось. А вот в ситуации с Григорием я никак не могла прийти к общему знаменателю.

– Занята? – сквозь шуршание бумаг, которые я перебирала, пробился голос Элки. Не среагировав, я что-то промычала под нос. – Ладно, не буду мешать.

– Мешай! – Отпихнув в сторону и бумаги, и бредовые мысли заодно, я взглянула на подругу.

– Ложку давай.

– Зачем?

– Мешать буду!

– Что?

– Есть, говорю, пошли, – усмехнулась Элка. – Обеденный перерыв. А то у тебя от работы уже глаза на лоб полезли. У меня, впрочем, тоже.

– Нам бы день простоять да ночь продержаться, – вздохнула я, вставая из-за стола.

– Насколько я слышала, посетители главного скоро уходят, – шепнула Элка на ухо, – Думаю, когда вернемся с обеда, вокруг будет тишь и благодать.

Подруга не ошиблась. Тишь и благодать после обеда действительно воцарились. Вот только вздохнуть свободно смогли все сотрудники, за исключением меня. Мне же была уготована роль директорской отдушины, объекта, предназначенного для выпуска пара, накопившегося после ухода проверяющих. Это стало ясно в тот момент, когда, сытые и немного отдохнувшие, мы с Элкой вернулись в офис и были встречены у самых дверей отдела встревоженной Лидочкой.

– Где ты ходишь? – укоризненно зашептала мне на ухо секретарша, впиваясь в руку мертвой хваткой. – Тебя Сан Саныч обыскался! Уже весь прямо кипит словно чайник!

Сердце тоскливо сжалось в мрачном предчувствии.

– Может, скажешь, что я домой ушла? Или отъехала срочно с бумагами? – зашептала я в ответ.

Ответить Лидочка не успела. Дверь кабинета начальника открылась, Сан Саныч окинул ястребиным взором офис и, увидев меня, грозно сдвинул брови. Из-за стеклянных перегородок на меня уставился десяток любопытных глаз, Лида подтолкнула в спину. Деваться было некуда.

Сохраняя невозмутимое лицо и ровную осанку, я прошла в кабинет. Дверь за спиной захлопнулась.

– Присаживайтесь, Дарья. – Сан Саныч стер гримасу суровости и благодушно кивнул на кожаный диванчик напротив рабочего стола. – Хочу с вами обсудить перспективы развития фирмы. Что предпочитаете? Коньяк, вино?

– Кофе.

– Ну что вы, дорогая! – Шеф растянул в улыбке тонкие губы, – Кофе нужно пить с подружкой, – Выбрав в итоге коньяк, налил две рюмки и присел рядом на диван. – Что вы скажете, Дарья, если я предложу вам принять на себя обязанности моего заместителя? В конце концов, не до пенсии же вам сидеть за перегородкой! Собственный кабинет с Лидочкой на подхвате – выглядит куда лучше. Вы согласны со мной?

Я бросила взгляд в сторону двери. Закрыта. И телефон не звонит, зараза. Ладно, еще рано отчаиваться.

– А как же Светлана Никитична? – прикинулась я чайником.

– А какое нам дело до Светланы Никитичны? – Рюмки в руках шефа недовольно дрогнули. – Судя по тому, какие недостатки в отчетах сумела обнаружить комиссия, она успела обеспечить себе весьма достойную старость за наш счет. Так не будем же мешать человеку.

Я, разумеется, проведу работу по возвращению долгов, но, учитывая то, как красиво и ловко Светлана все провернула, а также приличный стаж работы на благо нашей фирмы, я смягчу и свои претензии, и последующее наказание. Не удивляйтесь, Дашенька, просто я очень добрый человек. Так что вы ответите на мое предложение?

Первым делом я встала и отошла к окну, изобразив, что пребываю в глубокой задумчивости и безмерном удивлении от услышанных новостей. На самом же деле искала пути к отступлению и действительно размышляла над словами шефа. Только совсем в другом ключе, чем предполагал Сан Саныч.

Начнем с того, что в сказку, рассказанную шефом о его заместителе, я не поверила. Во-первых, образ Светланы Никитичны, приятной во всех отношениях женщины возраста пятидесяти четырех лет, всегда подтянутой, с аккуратной прической, неизменно добрыми глазами и приятным мелодичным голосом, никак не вязался в моем представлении с лживой, расчетливой особой, способной нарочно плести интриги и подделывать отчеты за компанию с главным бухгалтером. Поскольку без участия последней сей процесс, понятно,

невыполним.

Скорее это наш Сан Саныч прокололся в документах, а козлом отпущения, точнее – козой, как всегда, назначили самого подходящего на эту роль сотрудника. Ведь проще всего обвинить интеллигентного человека, который вряд ли ввяжется в судебные распри, чтобы доказать свою невиновность.

А во-вторых, вполне возможно, что никаких проблем с документами на самом деле не существует и рассказ Сан Саныча всего лишь лапша, предназначенная для моих ушей. В смысле – морковка перед носом. Глядишь, соглашусь на повышение, а потом буду должна шефу по самое... неприличное. И будет шеф «кормить» меня этой морковкой, как дуру, покушаясь на мое, столь вожаденное для него, тело.

Ну и, в-третьих, даже если я сейчас выдвину ультиматум – мол, сначала должность, а потом, соответственно, и доступ к телу Сан Санычу ничего не будет стоить уволить милейшую Светлану Никитичну хоть через пять минут – из-за моей прихоти. А дальше я все равно должна буду уступить похоти этого зарвавшегося самца. В общем, вот он, тот самый песец, который всегда подкрадывается незаметно. Страшный, надо сказать, зверь.

Ну что же...

– Сожалею, Александр Александрович, – недрогнувшим голосом произнесла я, оборачиваясь к шефу и глядя на него в упор, – Но я считаю, что предложенная вами должность мне не по силам. Большое спасибо за оказанное доверие, но моих знаний и умений явно недостаточно для того, чтобы стать вашим заместителем.

ГЛАВА 15

Шеф побагровел, поставил рюмки на стол, встал и мрачно поинтересовался:

– И долго ты еще собираешься выпендриваться?

«О! Нецензурщина пошла!» – внутренне восхитилась я, понимая, что разговор пошел по-крупному, а значит, мои дни в этой фирме сочтены. От понимания стало тоскливо, но отвлекаться на лирику в данный момент было недопустимо.

– Не думала, что вам настолько важно видеть мою персону на месте вашего заместителя, – попробовала я еще раз договориться по-хорошему.

Но шеф, видимо, договариваться не хотел. Он хотел послушания, четкого и беспрекословного.

– На месте? – злобно зашипел он, приближаясь ко мне. – Да место бабы всегда одно – в койке! И если думаешь, что ты здесь самая незаменимая, то с завтрашнего дня на твоё место придут десятки согласных! Так что подумай, стоит ли дарить свою вполне хорошую зарплату кому-то другому по причине своего ослиного упрямства? Причем совершенно бестолкового упрямства. Тебе ведь не пятнадцать лет, чтобы блюсти невинность!

Глядя на брызгающее слюной нечто, стоявшее напротив меня, раскрасневшееся от похоти и злобы, я вдруг резко ощутила отвращение. Отвращение к миру, так гадко устроенному, отвращение к похотливым засранцам, ломающим карьеры и жизни объектам своей похоти, и, наконец, отвращение к самой себе за беспомощность в предотвращении подобной ситуации.

«Придется искать другое место работы», – подумала я про себя. А вслух сказала:

– Да, вы правы, мне не пятнадцать, и невинность уже не мой конек. Но вот совесть и порядочность не имеют возраста, а потому я не собираюсь пресмыкаться перед каждым ничтожеством, возомнившим себя пупом земли и писаным красавцем. Пусть вам льстят молодые дурочки, которых за глаза выворачивает от вас наизнанку. Но, впрочем, соглашусь – продвижение по карьерной лестнице и новенькая иномарка вполне подходят на роль идеального средства от тошноты!

Высказавшись, я сайгаком понеслась к двери, стремясь оказаться как можно дальше от разъяренного шефа к тому моменту, когда он отойдет от столбняка, вызванного моей речью. Сейчас он хватал воздух открытым ртом, подобно рыбе, выброшенной на берег, и был

относительно безопасен.

Эх, хорошо бы еще успеть трудовую книжку забрать...

– Даш, ты телефон забыла! – Элка протянула мне уже бесполезную «Нокию». – Что случилось?

– Эль, держись. – Я серьезно посмотрела на подругу. – Случилось то, что рано или поздно должно было случиться. С сегодняшнего дня я здесь больше не работаю. Сейчас бегу в бухгалтерию, а все подробности расскажу вечером. Все, пока!

– Какое «пока»! – вскинулась Элка. – Я с тобой!

– Эль, ты лучше работай, а то у кого я буду деньги занимать до тех пор, пока не устроюсь на другую работу? – Я подмигнула ошарашенной подруге и выскочила из офиса.

Последние дни сентября радовали теплом. Я нарочно сошла остановкой раньше, чтобы прогуляться. Чувствовать себя безработной было довольно непривычно: с одной стороны, тоскливо, а с другой – почему-то весело. И забрать трудовую книжку не составило труда. Как ни странно, Сан Саныч беспрекословно подписал мое заявление по собственному желанию, даже не пискнув насчет двухнедельной отработки. Возможно, потому, что на подпись документы носила не я, а бухгалтер. А возможно, просто побоялся, что я устрою напоследок скандал. При всей своей наглости открытых конфликтов шеф старался избегать. В общем, какими бы ни были причины, все обошлось без проблем. Спасибо и на этом.

Удручало лишь одно: теперь мы с Элкой не будем бежать по утрам в одном и том же направлении, не увидимся в обед и не будем возвращаться вдвоем домой по вечерам. А насчет денег – это я слухавила. С заначкой «на черный день» все было в порядке, просто другого предлога, способного остановить подругу, я в тот момент не придумала. Элка же и глазом не моргнет – напишет заявление следом за мной просто из солидарности, ну и, разумеется, по дружбе. Допустить это с моей стороны было бы нечестно.

А вот выходка моего теперь уже бывшего шефа вообще ни в какие рамки не лезет. Да, в чьих руках власть, тот и прав. Жаль только, что эта самая власть портит людей, заставляя страдать и тех, кто находится рядом с ними. Взять того же Сан Саныча: вот чего ему не живется спокойно? Жена – вполне себе красавица, дочка – умница, правда, с жутким характером. Сильно подозреваю, что в папу. Так нет же, тянет его на приключения! Похоже, нормальные мужчины совсем перевелись. Одни мужланы остались.

Разумеется, я утрирую. Нормальные мужчины, в том числе начальники, конечно же, существуют, просто лично мне повезло нарваться на козла. Но все хорошо, что хорошо кончается. Вот только теперь из-за этого «хорошо» мне придется работу искать, привычки менять, собеседования проходить, нервничать и волноваться.

В общем, чем ближе я подходила к дому, тем больше распалялась и нервничала. Когда вошла в подъезд, от былого спокойствия не осталось и следа. Поэтому на стоявшего под моей дверью Григория посмотрела как на главного врага народа.

– Что тебе? – хмуро воззрилась я на него, нарочно не замечая протянутого букета цветов. Розы, как и в прошлый раз. Жгуче-красные. – Если опять пришел мозги мне полоскать, то не советую. Настроение сейчас – хуже некуда. Честно предупреждаю – не рискуй здоровьем.

Григорий предупреждению не внял и протиснулся следом за мной в открытую дверь, волоча на плече объемный рюкзак.

Я разочарованно вздохнула, бросила сумку на полку у зеркала и, скинув туфли, босиком прошла на кухню. Плюхнулась на стул. На стол приплыла по воздуху чашка, заварочный чайник налил заварку, туда же упали два куса рафинада, и в довершение в чашку налился кипяток. Я тоскливо проводила взглядом электрочайник, плывущий обратно на столешницу. Помнится, увидев впервые подобную самостоятельность кухонной утвари, я впала в продолжительный ступор. Теперь же сижу спокойная, словно слон или даже как целое стадо слонов, и ощущаю себя едва ли не могущественной ведьмой.

Кстати, почему-то в моем воображении слово «ведьма» ассоциируется исключительно с кем-то страшным, всклокоченным, агрессивным, но обязательно с магическими

способностями. Помнится, Григорий тоже говорил, что у меня есть способности к магии. Значит, дело за малым: разозлиться и взлохматить волосы. В данной ситуации это лучший способ выпустить пар. И буду настоящей ведьмой. Натуральной, так сказать. Вот только где же эти самые способности? И почему не выручили меня сегодня, когда это было так необходимо? Амнезию на голову шефа наслали бы или брому в коньяк добавили? Так нет, фигушки! В общем, сказки все это, и точка. А полтергейст... это так, приятный бонус, никак от меня не зависящий.

– Дарья, я хочу поговорить... – вмешался в мои мысли тихий голос Григория.

– Слушай, отвали, а? – Я подняла на него усталый взгляд. – Я же сказала – не до тебя сейчас!

– У тебя проблемы? – Он подошел, присел возле меня на корточки, не обращая внимания на грубость, взял мои руки в свои и поочередно прижался губами к каждой. – Я помогу решить все твои проблемы. Я люблю тебя!

– Вот только не надо нести этот красивый бред! Хорошо? – Вместо того чтобы успокоиться, я разозлилась еще больше. Оттолкнув Григория, вскочила со стула и отошла к окну, – Во-первых, я знаю очень и очень мало мужчин, которые действительно хотят решать хоть чьи-нибудь проблемы, кроме своих. А во-вторых, мужчины не только не решают проблемы, но и как раз очень любят их создавать. Между прочим, как только в моей жизни появился ты, так и посыпались проблемы: Элка заливается слезами из-за твоего равнодушия, а я медленно, но верно схожу с ума из-за всей этой паранормальности и твоих сказок. Теперь еще, в довершение ко всему, я потеряла работу, и жизнь обещает расцвести новыми красками!

– Если ты согласишься пойти со мной, то твоя жизнь действительно расцветет другими красками и не нужно будет думать ни о какой работе, – вставил Григорий.

– Это еще почему? – Я даже не подумала скрыть скептическую усмешку.

– Во-первых, у тебя появится много других забот, а во-вторых, я все-таки из королевской семьи, – довольно буднично пояснил он в ответ.

Не выдержав, я расхохоталась. Звучало действительно смешно.

– Слушай, принц доморощенный, – вздохнула я, прекратив смеяться, – правда, уходи. Я, конечно, верю в любовь с первого взгляда. Но только не в такую полоумную, с явными признаками шизофрении!

Пораженный Григорий замолк, а потом осторожно уточнил:

– Ты считаешь меня сумасшедшим?

– Ну да! – Понимая, что никаким другим способом от него не отделаться, я кивнула и пригрозила: – И если ты сейчас же не уйдешь, вызову милицию!

– Вот видишь, – Григорий неожиданно обернулся в угол, обращаясь невесть к кому, но точно не ко мне, – я же говорил, что с нею трудно! Так что очередь за тобой.

– Ну я же говорю – шизофрения, – глубокомысленно фыркнула я, обращаясь к сидевшей на подоконнике Марусе.

– Эй, Дашка, ты дома? Ты в курсе, что у тебя входная дверь открыта? – В кухню неожиданно вошла Элка.

– Эля? Ты что здесь делаешь? – удивилась я. Но ответа подруги не услышала. Потому что неожиданно на меня навалилась темнота, укрыв от окружающих плотной завесой и поглотив все звуки.

Часть третья В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ

ГЛАВА 1

Темнота отступила быстро – я лишь успела пару раз моргнуть, – но перемены принесла

с собой значительные: вокруг почему-то оказался лес, а в уши ворвались оглушительные птичьи крики.

– Какого черта?! – ошарашенно выдала я, оглядываясь по сторонам, – Что происходит?!

Происходило действительно нечто странное: деревья обступали нас со всех сторон, плотно закрывая ярко-зелеными макушками небо, под ногами расстилалась трава, доставая до колен, а воздух был удушливо-жаркий, словно в июле.

– Я так понимаю, перемещение состоялось неудачно? – Григорий снял рюкзак и подозрительно уставился себе под ноги, глядя на растение, напоминавшее лопух, но вдвое больше по размеру.

– А я тебя предупреждал! – «Лопух» зашевелился, и из него выбрался небольшой пушистый шар серого цвета. Серdito всплеснул смешными ручками и накинулся на Григория: – Говорил же, что нельзя своевольничать! Так ты разве слушаешь? Тебе же подавай все сразу, да еще и на блюдечке с золотой каемочкой! Теперь вот расхлебывай последствия своих желаний! – Обернувшись ко мне, шарик миролюбиво стрельнул желтыми глазищами-пуговицами: – Привет, Дарена!

– Даша, я сошла с ума? Или мне все это снится? – Элка тронула меня за локоть, указывая на говорящий шарик трясущимся пальцем.

– Эль, успокойся! Сейчас во всем разберемся! – Я решительно наступила на горло панике, подошла к шарiku и присела перед ним: – Будь добр, расскажи, что все это значит?

– Ну ясно, – кивнул он, внимательно посмотрев на меня своими глазищами, – Ты опять ничего не вспомнила. Тогда тебе остается лишь одно: припомнить свой разговор с Греем о том, что существуют другие миры и перемещения между ними, и поверить в него. Тогда мозаика в твоей голове сложится просто и быстро.

– Хорошо, допустим. – Я решила согласиться, потому что другого выбора просто не видела. – А ты кто такой?

– Домовой я. И по совместительству твой барабашка. Вспоминай, сказано же тебе, – буркнул шарик, отворачиваясь. – Грей ведь все объяснял!

– А где моя квартира? – Я не поленилась обойти шарик с другой стороны и опять присела перед ним на корточки. – И что это за место?

– Твоя квартира где была, там и осталась. Дверь я закрыл, можешь не благодарить. А вот это место вижу впервые, как и ты, *ичто* это за место, знать не знаю и ведать не ведаю.

– Маруся! – обреченно воскликнула я, понимая, что случилось непоправимое. – Я – здесь, а она...

– А я тоже тут! – Из лопухов высунулась пестрая кошачья мордочка, перебив меня на полуслове. – Не волнуйся, со мной все в порядке. Честное слово!

Неожиданно послышался сдавленный хрип, а затем шорох. Оглянувшись, я увидела Элку, лежавшую без сознания в траве. Кинулась к ней, потрогала лоб, прижалась ухом к груди.

– Забавно! Ты в первый раз тоже в обморок упала! – послышался рядом насмешливый голос.

Подняв голову, я увидела кошку. Судя по выражению мордашки, происходящее ее очень забавляло.

Разделить ее радость я оказалась не в силах, поэтому, определив, что с подругой все в порядке, оставила ее в покое и подошла к Григо... то есть к Грею.

– Слушай, договорились: миры существуют, перемещения между ними тоже. Я во все верю и больше не считаю тебя сумасшедшим. А теперь давай возвращай нас обратно!

– Но я не хочу обратно! – упрямо возразил Грей, – Я хочу, чтобы ты увидела *мой* мир!

– Боюсь, что к тому времени, пока мы доберемся в твой мир, я сойду с ума, а Элка получит сердечный приступ! Учти, я говорю это совершенно серьезно.

– В любом случае, вопросами перемещения у нас занимается Тихон, так что обращайся к нему.

– Хорошо. – Я отвернулась, посчитав разговор законченным.

– Дарья...

– Что? – Я обернулась.

В его глазах застыло мучительное ожидание.

– Нет, ничего...

Пожав плечами, я потеряла интерес к Грею и принялась за Тихона, как мне посоветовали.

– Пушистик, миленький, не мог бы ты перенести нас обратно? Я домой хочу!

– Домой?! В свою ужасную тесную коробку? Какой кошмар! – Тихон отбежал от меня, смешно шлепая по траве широкими мохнатыми ступнями. – Лучше свежим воздухом дыши, пока возможность выпала.

– Спасибо, конечно, но... это... кушать очень хочется, – озвучила я наиболее весомый аргумент. Виновато пожала плечами. – Я же недавно с работы, да и к тому же сегодня стресс пережила.

– Да, это проблема, – серьезно кивнул домовый. – Только помочь ничем не могу.

– Потому что вредный? – не удержалась я.

Шарик сердито стрельнул в меня глазищами:

– Сама ты вредная! А я хороший! Только всю магию потратил.

– То есть... – До меня не сразу дошел смысл сказанного. – Хочешь сказать, что мы никуда не переместимся до тех пор, пока ты не восстановишь свою магию?

– Хуже. Хочу сказать, что у меня вообще больше нет магии.

– ...Как нет?! – От моего вопля шарахнулись даже птицы – слетели с ближайших веток, шумно хлопая крыльями.

– А вот так. Благодаря одному нетерпеливому болвану я потратил весь запас и больше ее не чувствую.

– Учитывая особенности местной растительности, я бы не слишком надеялась на электричку!

Обернувшись, я обнаружила, что Элка пришла в себя и внимательно смотрит вверх. Проследив за ее взглядом, увидела дерево, очень похожее на пальму. Вздохнула, подумала, но сдаваться так просто не собиралась.

– Значит, найдем самолет!

– На самолет нужны деньги, – возразила Элка, гася на корню мой энтузиазм.

– Эти подойдут? – Грей вытащил из кармана знакомую пачку пятисотрублевков.

– Вот видишь, жизнь налаживается! – оптимистично улыбнулась я.

Оптимизм оптимизмом, но через несколько часов нашего блуждания по лесу я стала сильно сомневаться в том, что поблизости есть что-нибудь еще кроме непомерно буйной растительности. Судя по жаре, местность сильно смахивала на тропики, а разнообразие флоры ничем не напоминало привычные для моих глаз леса средней полосы.

Вокруг нас высились странные деревья, похожие на бамбук и издававшие глухой звук при постукивании по толстому, в два обхвата, абсолютно лысому стволу. Буйно росли разлапистые папоротники, сквозь которые приходилось продираться с боем, поскольку иной раз они превышали даже рост Грея, стояли уже знакомые нам «лопухи». Были еще тонкие деревца с листьями, густо покрытыми белым пухом, и, разумеется, пальмы. Еще к этому великолепию нужно прибавить насекомых, которые взлетали целым роем из потревоженных нами листьев, и орущих визгливыми голосами птиц, которых из-за плотной листвы не было видно, зато слышно было ну о-очень хорошо.

За время «приятной» прогулки я успела поранить ногу, потому что из дома меня выдернули босиком, пиджак в такой жаре оказался ненужным, пришлось повязать его на талии. Блузка взмокла и липла к телу, как, впрочем, и брюки, которые не были рассчитаны на тридцатиградусную жару. В общем, мне было жарко, мокро, голодно и вообще, мягко говоря, неудобно.

Элка тоже оказалась не в лучшей ситуации. Подруга хоть и была обута, но каблуки доставляли ей не меньше неудобств, чем мне мои босые ноги. Эластичные чулки вообще почили смертью храбрых еще в самом начале поискового кросса. Зато аккуратно сложенный пиджак, не решаясь последовать моему примеру, Элка стойко тащила в руках. Разумеется, эта аккуратность заметно снижала как маневренность, так и настроение подруги.

Никаких неудобств, похоже, не испытывали только Грей и Тихон с Марусей. Последние вообще мелькали впереди, не обращая внимания на всякие помехи вроде корней, листьев и мошкар. Грей же тащил свой рюкзак и старался помогать нам чем мог: обламывал листья и ветки, расчищая дорогу, подавал руку в особо трудных местах и на жизнь не жаловался. Оно и понятно, ведь это благодаря ему мы оказались неизвестно где и вынуждены совершать этот порядком осточертевший кросс в поисках цивилизации.

Я не очень понимала вину Грея в ошибке с перемещением, потому что, судя по разговорам, магией он вообще не владел, но твердо решила, что виноват именно он, а не милый и вполне безобидный с виду домовой.

Неожиданно на меня, едва не сбив с ног, выскочил из травы этот самый пушистик.

– Там... Там... – Он затряс мохнатой ручонкой, указывая вперед. – Там вода!

– В каком смысле? – не сообразила я, – Ручей, что ли?

– Там много воды! – Вытаращенные то ли от испуга, то ли от удивления глаза.

– Озеро! – обрадовалась я, – Сможем наконец напиться!

– Тамочень много воды! – взвизгнул пушистик.

– Море там, – пояснила Маруся, выходя из травы, – Прямо как в телевизоре!

Я переглянулась с Элкой, а затем мы обе, не сговариваясь, рванули вперед, забыв об усталости и прочих неудобствах.

– Что это с ними? – Грей озадаченно почесал макушку. – Ведь только что едва ноги переставляли...

– Ну и глупый ты! – Маруся смерила его укоризненным взглядом изумрудных глаз. – Неужели не знаешь, что такое море?

– Море?... – Грей задумчиво вздохнул, – Ну да, слышал: торговые корабли, пираты, рыбаки...

– Эх ты! – Маруся презрительно сморщила мордочку, – Для нас море прежде всего это отдых.

Неподалеку послышался восторженный визг.

– Вот, что я говорила – восторг, да и только! Во всяком случае, в телевизоре это выглядело потрясающе! – Кошка нырнула в траву и помчалась вперед широкими скачками.

– Море, значит? – Грей озадаченно обернулся к домовому.

– Я тебя предупреждал! – Тот развел руками и исчез в траве вслед за кошкой.

ГЛАВА 2

Я бежала вперед, все еще не веря услышанному, но довольно скоро деревья расступились и мы с Элкой выскочили на пляж, усыпанный белым, словно мука, песком. Выскочили и... застыли в изумлении.

Пляж был широким и совершенно пустым, а вокруг, во всю ширь горизонта, раскинулась необъятная синева с едва заметным зеленоватым оттенком – море.

Зрелище было таким волнующим и неожиданным, что мы обе онемели и только молча оглядывались вокруг, не веря собственным глазам.

Элка очнулась первой: громко завизжала от радости и побежала к воде, уронив пиджак и сбросив туфли. Следом на песок полетели юбка и блузка, а подруга в одном белье скрылась в манящей волне. Посмотрев по сторонам и не обнаружив ничего подозрительного, я последовала ее примеру.

Вода ласково обняла разгоряченное тело, намочила вмиг потяжелевшие волосы, окутала влажным солоноватым запахом. Усталость как рукой сняло, а душу затопило

ощущение безграничного счастья. Все же как мало порой нужно для этого самого счастья – всего лишь отдых, тепло и вода. Неподалеку, полностью подтверждая мои мысли, резвилась Элка – ныряла, оглашая воздух радостными криками.

Сейчас я даже была благодарна той ошибке, из-за которой мы оказались в таком потрясающем месте. Ведь, не будь ее, мы бы по-прежнему находились в сентябре. Кстати, а если сейчас осень, то почему здесь лето? Мы попали в другое время? Или нас просто занесло в район экватора?

Эйфория неожиданно прошла, уступив место реальности, малоприятной в своей неизвестности. Я выбралась на берег и вновь задумчиво осмотрелась. Увы, горизонт был чист, и небо практически сливалось по цвету с водой.

Послышался шорох. Вспомнив, что нахожусь в одном белье, я поспешно натянула блузку.

– Можешь не прятаться. Однажды я имел удовольствие видеть тебя в еще более откровенном виде, – Мимо меня к воде прошел Грей.

Я едва не закричала зубами от досады. Подумать только: он, видите ли, имел удовольствие! Хотя, если подумать, спасибо, что удовольствие, а не разочарование. Я и он – с ума сойти! Кстати, а почему всего лишь однажды?

Разумеется, бессмысленно скрывать, что Грей, как очень привлекательный мужчина, не мог мне не понравиться. Но вся эта паранормальность, которой он запудрил мне мозги, мешала и отталкивала, выставляя его не в самом выгодном свете.

Когда в твоей жизни появляется незнакомый, пусть и очень красивый, мужчина и говорит, что он твой возлюбленный, но ты его в силу определенных обстоятельств не помнишь, – согласитесь, мало кто поспешит верить в этот бред. Вот и я не спешила. Хотя понемногу... начинала верить. Да, да, именно так. Потому что, во-первых, паранормальное вокруг действительно было хоть отбавляй, а во-вторых, он мне банально нравился. Я, конечно, не Элка, чтобы немедленно наступать с атакой на интересующий меня объект, но сердце у меня далеко не каменное.

Вот и сейчас его слова поначалу разозлили, а потом неожиданно согрели. И дело было вовсе не в том, что мне доставило радость его воспоминание о прошлом, а то, каким тоном было сказано об этом. В голосе Грея звучала неподдельная грусть.

Да, мне тоже было очень жаль, что я не могу вспомнить всего того, чего он от меня ждет. Ведь тогда многое стало бы понятно. Например, то, из-за чего я бросила его и выбрала забвение.

Этот вопрос волновал меня сильнее всех остальных. Ведь от таких мужчин просто так не отказываются. А значит, *что* могло произойти такого, если я предпочла бросить все и навсегда стереть его из памяти?

– Вода – просто парное молоко, – Ко мне подошла Элка. Подруга просто лучилась счастьем, – Потрясающее место! Мне нравится!

Выкинув из головы ностальгические мысли, я обернулась к лесу, в ту сторону, откуда мы пришли. Неподалеку, над буйной зеленью, возвышалась скала. Я указала на нее.

– Предлагаю забраться туда и осмотреться. Если поблизости есть порт, мы его увидим. И таким образом потратим гораздо меньше времени, чем в бесполезных блужданиях по лесу.

Возражать никто не стал.

Несмотря на то, что с берега скала показалась расположенной довольно близко, на деле путь к ней оказался долгим и сложным. Мы успели порядком устать и проголодаться. К тому же когда подошли к скале, возникла нешуточная проблема.

– Я не смогу подняться! – Я села на землю и с сомнением осмотрела ноги, – Камни слишком острые.

Скала действительно состояла из сплошных выступов. С одной стороны, это было очень удобно для того, чтобы подняться наверх, с другой – убийственно для моих ступней.

– Не знаю, носишь ли ты такую обувь, но попробуй, вдруг подойдет. – Грей развязал

рюкзак и достал... пару фирменных кроссовок, – По телевизору говорили, что эта обувь самая удобная и комфортная.

– И когда только ты успел насмотреться рекламы и пройти по магазинам? – Я скептически осмотрела кроссовки и неожиданно обнаружила, что они женские и к тому же подходящего размера.

– Мне не нужны магазины, – пожал плечами Грей.

– А, ну да, зачем магазин, когда есть Интернет, – догадалась я.

– Нет, этого у меня тоже нет. Но есть Тихон.

– А что Тихон? – Я отряхнула ноги и надела кроссовки. Реклама не соврала – сидели очень удобно, ногам в них было легко.

– Так кроссовки же Тихон создал, – пояснил Грей. Несколько мгновений с любопытством рассматривал мое вытянувшееся от удивления лицо, а потом добавил: – Увидел рекламу и... смагичил. Только и всего.

Только и всего... Я задумчиво уставилась на кроссовки. Интересно, а если пушистику показать, к примеру, самолет, он его тоже смастерит?

– Грей... – Элка немного помялась, а потом подошла и заглянула в рюкзак, – Слушай, а может, у тебя и для меня кроссовки найдутся? А то на каблуках здесь ходить неудобно.

– Есть вот такие. – На свет показалась еще одна пара кроссовок, на сей раз мужских и гораздо большего размера. – Подойдут?

– Ой, вряд ли... – Подруга с сомнением покачала головой.

– Каблуки оторви! – посоветовала я, поднимаясь с земли. – Помнишь, как в рекламе.

– Не буду. – Элка поморщилась, – Нам ведь еще домой добираться!

– Тогда оставайся здесь, сторожи вещи, а мы поднимемся наверх, – Грей кивнул на рюкзак и протянул мне руку: – Ты готова?

– Вполне! – Проигноировав предложенную помощь, я развернулась и стала первая подниматься по скале.

Благодаря выступам и кроссовкам подъем получился легким, хотя подниматься пришлось довольно высоко – на уровень, в несколько раз превышающий рост деревьев. Верхушка скалы оказалась плоской и совершенно лысой, если не считать редких кустиков высохшей на палящем солнце травы. Зато вид с этой самой скалы открылся просто сногшибательный, причем в самом прямом смысле этого слова. Потому что стоило мне увидеть панораму, как ноги сами собой подкосились, и я со стоном опустилась на горячую каменную поверхность.

– Тебе плохо? – В голосе Грея послышалась неподдельная тревога, на плечо опустилась горячая ладонь.

– Хуже некуда! – простонала я, закрывая лицо руками. – Это конец!

Разумеется, я несколько преувеличивала масштаб катастрофы, но ситуация действительно выглядела удручающей. С высоты скалы открывался чудесный пейзаж: небольшой пятачок суши, плотно заросший лесом, и бескрайнее водное пространство вокруг. Красиво и... безнадежно.

– Мы никогда отсюда не выберемся, потому что это остров! – Я размазывала по лицу злые слезы, пересказывая Элке, Марусе и пушистику последние новости. – Причем очень маленький! И вряд ли нас будут здесь искать, потому что никто не знает о нашем исчезновении. И у нас нет пищи и воды. Короче, мы обречены на гибель!

– Впечатляет... – Элка задумчиво ковыряла каблуком песок, – Знаешь, в детстве я зачитывалась приключениями Робинзона Крузо и хотела стать Пятницей. Остров, вода... Романтика!

– Ну что же, теперь ты имеешь уникальную возможность почувствовать на собственной шкуре голод и антисанитарию, – мрачно кивнула я. – Не говоря уже об опасности, которая таится в этих джунглях. В смысле, звери там разные, змеи, пауки. Вот тебе и романтика!

– Думаешь, все настолько страшно?

– Думаю, что даже думать боюсь! – Я последний раз шмыгнула носом и посмотрела на небо, – Начнем с того, что уже вечерееет, а у нас еще нет места для ночлега. А закончить можно тем, что ели мы с тобой еще утром. Стакан сока с булочкой в рабочий перерыв не в счет. И что делать?

– Ну... – Элка пожала плечами. – Можно набрать фруктов или устроить охоту на зверей.

– Охоту? – Я горько усмехнулась. – С наступлением ночи здесь действительно начнется охота. Только эти самые звери будут с удовольствием охотиться на тебя. А насчет плодов – ты видишь хоть какие-нибудь?

– Нужно поискать, – не сдавалась Элка. – А ночь можно провести на берегу у костра.

– И как же мы, по-твоему, разведем костер? Палочками и травой, как первобытные люди?

– В телевизоре огонь зажигали вот этим... – Грей, до этого скромно стоявший в стороне, подошел и протянул на ладони... зажигалку, – Только я не совсем понял, как именно.

Еще не веря своим глазам, я схватила зажигалку и щелкнула колесиком. Показался голубоватый язычок пламени. Облегченно выругалась и пристально посмотрела на Грея:

– Слушай, и много рекламы ты успел посмотреть?

ГЛАВА 3

Копаясь в рюкзаке Грея, я успела в который раз убедиться, что жизнь довольно переменчивая штука. К примеру, насколько сильно мне успела надоесть за всю мою сознательную жизнь реклама по телевизору, настолько сильно я сейчас была ей благодарна.

Разумеется, насмотревшись ярких короткометражных роликов, Грей забил почти весь рюкзак полнейшей ерундой, как то: чипсы, пиво и шоколадные батончики, которые расплавились от жары. Еще присутствовали: соковыжималка, миксер, электрическая шинковка и пара мобильных телефонов. Все вышеперечисленное в данной ситуации оказалось абсолютно ненужным, потому что работало только при наличии электричества. Нашелся даже маленький телевизор, размером с ладонь, принцип работы которого я понять так и не смогла, сколько ни старалась. В арсенале этого чуда техники имелся только один канал, по которому бесконечно шла одна-единственная передача, и отсутствовал даже намек на антенну.

«Значит, пушистик не сможет сделать полноценный самолет! – с грустью поняла я. – «Только лишь копию».

Но, докопавшись до дна, неожиданно обнаружила несколько необходимых, а в нашей ситуации так и просто жизненно важных вещей и едва не заплясала от радости. Помимо зажигалки в рюкзаке оказались фонарик, складной нож и... надувная лодка.

– В общем, жить можно! – заключила я, возвращая рюкзак владельцу. – А скажи, куда и зачем ты набрал столько вещей?

– В свой мир. – Грей пожал плечами. – Я же должен думать не только о себе, но и о развитии своего королевства. У вас это называется прогресс.

– А какое оно, твое королевство?

Грей внезапно переменился в лице и отошел, заинтересовавшись каким-то деревом.

– Глупая ты! – «обрадовала» меня Маруся, лениво потягиваясь на солнышке. – Более неуместного вопроса не могла найти?

Я досадливо вздохнула. Ну не помню я его королевство! Так что, теперь и спросить ни о чем нельзя? А если мне любопытно! Вечно мужчины проблемы на ровном месте устраивают.

– В таком случае, предлагаю заняться поисками места для ночлега. Надеюсь, это вполне уместное предложение? Тем более что солнце скоро исчезнет совсем.

Ответом мне был общий коллективный вздох.

В чем дело, я опять сказала что-нибудь не то?

Для ночлега мы с Элкой предложили набрать веток, вернуться на берег и развести костер, а в качестве ужина обойтись чипсами и талым шоколадом. Грей выслушал наше предложение и... растворился среди деревьев, не сказав ни слова. Мы остались в сумерках среди незнакомого леса, в компании домового и кошки.

С наступлением вечера птичий гомон утих, зато включились уханья и завывания неведомых зверей. Страх медленно, но верно заползал за пазуху, поднимая дружные ряды неугомонных мурашек.

– Если он не вернется через пять минут, я заберусь на дерево и буду сидеть там всю ночь! – категорично заявила Элка, настороженно стреляя глазами по сторонам.

– Не поможет, – усмехнулась я, – Во-первых, заснешь и свалишься, а во-вторых, гепарды, к примеру, по деревьям лучше тебя лазят.

– Почему ты думаешь, что здесь есть гепарды?

– А почему ты думаешь, что их здесь нет?

– Злая ты! – надулась Элка, исчерпав аргументы.

– Нет, я всего лишь практичная.

– Я пещеру нашел! – К нам вышел Грей. – Думаю, там будет идеальное место для ночлега.

Я едва подавила скептическую усмешку: подумать только, остров невелик, а скучать не велит – даже пещера есть. Надеюсь, в ней никто страшный не живет?

Пещера действительно существовала и, более того, пустовала. Находилась она в этой же скале, только с обратной стороны от места, где мы поднимались вверх. В ней было темно, но очень просторно, и благодаря высокому своду можно было ходить не пригибаясь.

– Вы нарвите листьев на пол, – предложил Грей, вручая мне нож, – А я наберу веток для костра.

Не усмотрев в задании ничего сложного, я взяла нож и скрылась за деревьями. И вот тут начались проблемы.

Трава не годилась, лопухи оказались полны клейкого сока, а листья на деревьях были слишком мелкими. Наиболее подходящим материалом оказался папоротник, но основание его разлапистых листьев было толщиной с руку. Даже ножом приходилось не резать, а пилить.

В общем, материлась я сильно, а устав на втором десятке, передала нож Элке. Подруга справилась быстрее меня: порезала руку на третьем листе и отошла отдела по причине производственной травмы.

В общем, роль Пятницы оказалась романтической только в мечтах, на деле же все выходило ужасно и совсем не романтично. Моих сил хватило еще на пару десятков, а потом, когда я, мокрая и облепленная насекомыми, скрывавшимися в зарослях этого самого папоротника, выбралась наружу, оказалось, что нужно еще дотащить все листья к пещере. Причем именно дотащить, а не донести, потому что каждый лист не уступал по длине моему росту.

В итоге я долго делила веник-переросток на три части, одну доверила Элке, две другие потащила сама. А потом еще дольше мы пробирались к пещере: злополучные листья цеплялись за все, что только попадалось по пути, и, разумеется, выskalзывали из липких рук, перепачканных растительным соком.

– А я уже хотел идти на поиски, – У пещеры нас встретил спокойный и невозмутимый Грей.

Я одарила его мрачным взглядом, затащила папоротник в пещеру... и уставилась на высокую кучу хвороста, сваленного в углу. И когда только успел? Еще и выглядит при этом возмутительно бодрым!

Насупившись и почесываясь от надоедливых мошек, я расстелила листья и смогла

наконец присесть. Элка с деловым видом потрошила рюкзак, вытаскивая продукты, а Грей раскопал у входа небольшую яму, обложил ее камнями и разводил костер. Маруся с Тихоном о чем-то шептались в углу. На острове наступил настоящий вечер.

Позднее, когда костер пылал уже в полную силу, отпугивая густую темноту яркими всполохами, я сидела у стены, комкала в руках обертку от шоколада и задумчиво смотрела на огонь. Трещали ветки, рассыпая жгучие искры, ветер доносил с моря свежий соленый воздух, изредка тишину ночи нарушали шорохи и вскрики ночных обитателей острова, заставляя вздрагивать и напряженно вглядываться в темноту, а все происходящее попрежнему казалось сном. Красивым, опасным, но нереальным.

В своих мыслях я была далеко отсюда – в тесной каменной коробке, как окрестил мою квартиру пушистик, – и гадала, увижу ли я ее когда-нибудь вновь. Приключения – это, конечно, здорово, но лишь тогда, когда знаешь, что они закончатся благополучно. Интересно смотреть приключенческий фильм, читать книгу. Но когда ты не знаешь, что с тобой случится завтра и какая опасность подстерегает, к примеру, в ближайших кустах, то становится далеко не так интересно, и азарт отодвигается в самый дальний угол мыслями о безопасности и заботах о качестве предстоящей жизни. К примеру, что мы будем есть, проснувшись завтра утром? Где сможем добыть пищу? Сумеет ли защититься от диких зверей? И так далее в том же духе.

Утомленная переживаниями и событиями сегодняшнего дня, я незаметно для себя уснула на листьях папоротника, подтянув колени к животу и подложив под голову руку вместо подушки.

ГЛАВА 4

Сны в эту ночь решили обойти меня стороной, поэтому я просто провалилась в беспросветную мглу, а потом резко из нее выплыла. По моим ощущениям, не прошло и пяти минут, но в пещере уже было светло из-за наступившего утра.

– Есть будете?

Я повернулась на голос, перестав созерцать каменный свод пещеры. Элка сидела рядом и зевала, – видимо, тоже только что проснулась, домовой с Греем возились у костра, а Маруся неподалеку от них расправлялась с рыбой. Рыба... Рыба?!

Я подскочила, сбрасывая пиджак, которым меня кто-то заботливо укрыл ночью, и в два прыжка очутилась у костра. Огня не было, а в золе лежали, завернутые в листья, упитанные рыбы тушки. Грей молча сунул мне в руки пару штук.

– Магия нашлась? – поинтересовалась я, торопливо разворачивая потемневший от золы листок.

– Не совсем, – Грей кивнул куда-то вбок. – Извини, если разочаровываю.

Проследив его взгляд, я увидела прислоненную к стене добротную палку, заостренную на конце. Что же, очень даже неплохо. Не знала, что избалованные отпрыски королевских кровей умеют ловить рыбу таким древним способом!

С чего это я вдруг решила, что Грей избалован, я не могла объяснить даже самой себе.

Рыба оказалась выше всяких похвал: неважно, что без соли, не страшно, что местами выпачканная в золе, зато горячая и ароматная. А горячее по определению не бывает сырым.

Облизав пальцы едва ли не до локтей, я вышла из пещеры и отправилась на поиски фруктов. В конце концов, пусть и страшно, но мы тоже не лыком шиты! Элка сонно клевала носом, разомлев после завтрака, поэтому на разведку со мной отправился пушистик. Днем джунгли выглядели менее опасно, но, разумеется, впечатление было обманчивым.

– Почему ты постоянно нападаешь на Грея? – допытывался домовой, шагая впереди и заглядывая едва ли не под каждую травинку, что, разумеется, сильно тормозило наше передвижение.

– Разве? – Я озадаченно покрутила в пальцах зеленую ягоду, сорванную с неизвестного

куста, разломила, понюхала и выбросила прочь, так и не рискнув попробовать на вкус.

– Вот только не надо этих ваших женских штучек! И так все видно. Ты и раньше его не жаловала, а после перемещения вообще смотришь на него как на злейшего врага. Хотя он виноват только в том, что любит тебя. Кстати, хочу напомнить, что мужчинам злость не по вкусу, а у тебя здесь есть конкурентка. Так что будь внимательней.

Конкурентка? Я даже застыла от неожиданности. Во-первых, мне и в голову не приходило видеть в Элке конкурентку, хотя я прекрасно знала о жаркой симпатии, которую подруга испытывает к Грею. А во-вторых, не такая я злая, как кажется со стороны. Просто несколько озадаченная последними событиями. Вот и все. Ну и в-третьих, это я сейчас шатаюсь по лесу в попытках найти что-нибудь съедобное. А Элка с Греем одни. Точнее, вдвоем...

– Внимательней будь, кому говорят! Не переводи природу! – завопил снизу домовой.

Я вздрогнула и посмотрела на руку: из крепко сжатого кулака вытекал сок неизвестных раздавленных ягод. Ну вот, только ревности мне сейчас для полного счастья не хватало...

Пушистик поманил меня пальцем и принялся к кашице на ладони.

– Отравой не пахнет, – авторитетно заявил он.

– Хочешь сказать, что это съедобно?

– Вполне. – Он подскочил к дереву и принялся отламывать от него ветку.

– Зачем тебе? – Я озадаченно наблюдала за ним, раздумывая, облизывать палец или же поискать другие, более привлекательные на вид ягоды.

– С собой возьму. В моем саду для него найдется отличное место.

– В каком саду?

– Дома у меня, в деревне. Там, где ты жила несколько месяцев.

Жила? Ладно, пропустим...

– Так ведь твоя ветка завянет прежде, чем ты доберешься домой!

– А я ее потом восстановлю.

– Когда потом?

– Когда магию найду.

– А где ты ее собираешься искать?

– Так здесь и собираюсь.

– Стоп! – Я вздохнула, присела перед пушистиком и уставилась в круглые глаза. – Ты же сказал, что магии нет. О каких тогда поисках идет речь?

– О поисках магии!

– Ты меня нарочно за нос водишь?!

– Нет, но обязательно попробую.

– Тихон!

– Ну ладно, – смиловился домовой, – В общем, есть у меня смутные подозрения, что этот остров не совсем натуральный остров, как мы его видим, а временная дыра. Бывает, что если во время перемещения происходит сбой, ты вполне можешь застрять в такой дыре. Адаьше как повезет.

– Не вижу никаких дыр, вполне себе нормальный остров. – Я недоуменно пожала плечами. – С чего ты решил, что здесь дыра?

– Я еще не решил, а только предполагаю, – смутился пушистик. – Я просто слышал о том, что существуют подобные дыры. В них время течет так, словно стоит на месте, а еще обязательно наличествует магический источник.

– Источник? – В моем воображении немедленно возникла картинка: ручей, а вместо воды по земле течет густой туман. Почему туман? Не знаю. Игра воображения. – Допустим. И где же нам его найти?

– Самый правильный вопрос! – Пушистик вздохнул, – Вся проблема в том, что магическим источником может быть все что угодно: хоть трава, на которой мы сейчас стоим, хоть общипанный тобой вчера папоротник!

– И ничего он не общипанный! И как же нам его найти?

– А очень просто – искать. Если у тебя есть магический дар, а он у тебя есть, то ты обязательно этот источник почувствуешь и разбудишь.

– Его еще и будить надо?!

– А ты как думала?

Я глубоко вздохнула и подытожила:

– Получается следующее: неизвестно, остров это или временная дыра, есть на нем магический источник или нет, но мы все равно должны будем излазить его вдоль и поперек, обращаясь с каждым предметом как с хрустальной вазой?

– Да, что-то вроде того.

– И еще не факт, что наши поиски увенчаются успехом!

– Верно.

– А мы здесь уже веток наломали, костер жгли, Грей рыбы наловил! – ужаснулась я. – Вдруг повредили этот самый источник?

– Вряд ли. Ветки, если это временная дыра, уже появились вновь на том же самом месте, а рыба точно такой же заблудившийся переселенец, как и мы.

– Хочешь сказать, что она тоже путешествует по мирам?

– Сама по себе нет, конечно, – усмехнулся пушистик. – Но в жизни нам часто «везет» оказываться в ненужное время в ненужном месте!

Я пропустила мимо ушей риторическую фразу и подскочила, азартно потирая руки:

– А мы можем найти вчерашний папоротник и посмотреть, выросли на нем листья или нет!

– И ты помнишь то место, где он растет? – хитро прищурился домовый.

– А... – Я задумчиво осмотрелась по сторонам. Пещеру-то легко найти, потому что скала высокая – куда ни пойдешь, всюду видно. А вот деревья все одинаковые. О папоротнике вообще говорить нечего. Разумеется, вчера мне и в голову не пришло запоминать то место, где мы с Элкой добывали «веник».

– Вот то-то же, – верно расценил пушистик мое молчание.

– Ну и пусть! Можно сломать дерево прямо возле пещеры и проверить по нему, – нашла я.

– Можно, конечно, но результат увидим только завтра. А сейчас давай с ягодами закончим. Или передумала?

– Бананов хочется. – Я все-таки лизнула руку и поморщилась. Может, ягоды и не были ядовитыми, но кислые были – просто жуть.

– А ты уверена, что это здесь водится?

– Если есть пальмы, значит, будут и бананы, – улыбнулась я, – Ну, в крайнем случае кокосы.

– Надо будет их тоже в огород, – нашелся пушистик.

ГЛАВА 5

Итак, следуя предположениям домового, мы исправно шерстили остров в течение следующих нескольких дней. Тем более что в нашем распоряжении оказался один весьма значимый аргумент: сломанное вечером возле входа в пещеру деревце на следующее утро стояло целое и невредимое. А потому, полные энтузиазма, мы ринулись на поиски источника. Причем как именно нужно искать этот источник, никто не знал, а туманное пояснение вроде «будешь рядом – почувствуешь» особой ясности не внесло.

Что до меня, то я лично едва ли не обнюхивала каждый квадратный метр острова, надеясь хоть как-то почувствовать эту самую магию. Из-за того, что магическими способностями в нашей компании обладали только двое, пушистик и, предположительно, я, то основная масса работы легла именно на наши плечи. Остальные же просто составляли компанию и периодически совали в руки разный мусор: камни, ветки, траву. Мешали, проще говоря. В общем, было весело, утомительно и... опасно.

К счастью, пока судьба зорко оберегала нас от неприятных встреч с хищными обитателями острова, но подтверждений тому, что эти звери здесь водятся, мы нашли предостаточно. Начиная от грозного рычания и следов на земле, заканчивая изодранными стволами деревьев и растерзанными тушками мелких зверушек.

Теплая вода столь ласкового на первый взгляд моря тоже оказалась не без сюрпризов. С наступлением сумерек к берегу прибывались медузы, причем их было так много, что вода отсвечивала в темноте слабым фосфоресцирующим светом. Смотрелось красиво, но плавать рядом с такими соседями никто не решался. Иногда на песок выбрасывало морских ежей.

А однажды мне привиделся акулий плавник. На поверку он оказался простым обломком дерева, но так быстро, как в тот раз, я никогда в жизни не плавала. И вряд ли когда-нибудь сумею повторить подобный заплыв на бис. Отойдя от шока, я решила мрачно пошутить и сообщила окружающим, что если на острове все возвращается на свои места, то умирать здесь совсем не страшно, потому что обязательно оживешь на следующий день.

В ответ надо мной искренне посмеялись и объяснили, что сей феномен касается исключительно неодушевленных предметов, а если я не доверяю словам, то могу очень быстро проверить на личном опыте.

В процессе исследования богатой флоры острова меня тоже ждало досадное разочарование. Столь желаемых мной кокосов и бананов не нашлось, и это несмотря на то, что пальмы на острове росли довольно часто. Зато нашлись... заросли малины и клубники. Домовой объяснил подобную шутку природы привычным восклицанием: «Да мало ли что под руку попадает во время колдовства!» Но когда на нас неожиданно из кустов выскочила самая натуральная домашняя свинья и пронеслась мимо с возмущенным визгом, я поняла, что этот остров не просто полон сюрпризов, но переполнен ими под завязку. Чего и кого здесь только не было!

Я лично нашла в кустах ржавый самовар, взявшийся неведь откуда и провалявшийся на острове бог знает сколько времени, Элка наткнулась на рогатый шлем, принадлежавший какому-нибудь викингу, жившему сотни лет назад, а домовой притащил в качестве трофея сухую шкуру змеи, метра полтора длиной. Грозился оставить в пещере, но, к несчастью для пушистика и к великой радости остальных, шкура была настолько сухой, что попросту рассыпалась в труху, избавив нас от ссор и споров.

Еще нам удалось поймать пару кур во главе с петухом и кролика, большого разноцветного попугая и ежа, а вот ту самую свинью, которая, похоже, оказалась на острове недавно, а потому носилась как угорелая, выпучив от страха глаза, сколько ни пытались поймать, так и не смогли. Хрюшка погибла ночью, когда в ответ на ее визг послышался короткий рык и... все стихло. Утром мы сумели найти только копытца. А я лишний раз убедилась в правдивости слов пушистика: смерть на этом острове была настоящей и сомнению не подлежала.

Как мы строили загон для кур, выделив под это дело дальний угол пещеры, удирали от воинственно настроенного петуха, носились с кроликом, передавая его с рук на руки, словно плюшевую игрушку, и воевали с попугаем, который хлопал крыльями и яростно клевался, это отдельная история. Причем довольно трудная, учитывая то, что куры кудахтали не переставая, а загон приходилось чистить каждый день во избежание специфического запаха курятника. Выставлять же птиц из пещеры мы боялись, потому что не хотели привлекать внимание хищников. Но, несмотря на неудобства, в конце концов у нас появилась живность, причем больше для развлечения, чем для пропитания.

Куры, разумеется, несли яйца, а вот кролик спал между нами по ночам на правах любимца. Еж самостоятельно облюбовал угол возле загона, и выгонять его в джунгли мы не решились, хотя по ночам эта ходячая колючка будила нас своим топотом и шуршанием. А попугай, вредная и склочная птица, поначалу прилетал к нам изредка за какой-нибудь подачкой, а потом привык и привел за собой всю стаю. Разумеется, когда штук двадцать – тридцать ярких красно-зеленых птиц рассаживаются на дереве, это смотрится потрясающе красиво. Но когда вся галдящая орда слетается в пещеру, вытесняя из нее остальных, и

устраивает там полный бардак, то, согласитесь, красота мало спасает.

Пришлось с воплями выгнать крылатую братию, которая, как выяснилось, оказалась очень и очень обидчива. Оскорбленные нашим нерадушным приемом, птицы теперь так и норовили клюнуть за пальцы или в темечко.

А пещеру от вторжения пернатых мы все же сумели защитить: сплели плотную сетку из веток и поставили ее у входа на манер заслона. Это, конечно, только на словах быстро делается. На самом же деле мы с Элкой потратили целый день на возню с ветками, которые мало того что плохо гнулись, но еще исцарапали нам руки и все время норовили хлестнуть по лицу. В общем, скучать не приходилось.

Но, несмотря на все наши поиски, которые затевались с одной-единственной целью, достичь этой самой цели мы так и не смогли. Никакого магического источника обнаружить на острове не удалось.

– Все впустую! – злилась я, сидя на берегу и швыряя в воду мелкие камешки. – Никакого источника нет. Теперь мы будем вынуждены провести на острове всю свою жизнь, до самой старости!

– А что, солнышко старческим костям всегда полезно, – радостно просветил меня домовой, азартно подпрыгивая на песке в такт своим камушкам, которые он ловко пускал по воде. – К тому же рано или поздно кто-то кого-то все равно доведет: либо мы остров до ума, либо он нас до белого каления. Ты рассчитывай на то, что остров один, а нас много.

– Тем более что мы отличная компания, – поддержала пушистика Элка, даже не скрывая на губах мечтательной улыбки.

Проследив ее взгляд в сторону Грея, возившегося неподалеку с рыбой, я с трудом сдержала тяжелый вздох и кинула в воду очередной камушек. Тот улетел неожиданно далеко.

Правильно, я злюсь! *Я очень злюсь!* И на самом деле причин для злости у меня предостаточно. Начнем с того, что надежды на то, что мы сможем покинуть этот остров, развеялись вообще. Да, нет худа без добра: после столь тщательных поисков каждый из нас может сказать, что знает этот остров как пять пальцев. Но факт остается фактом: море, жара и песок – это хорошо только на курорте. Особенно когда под боком отель с комфортабельным номером и рестораном. А отдых «дикарем» никогда не был мне по вкусу. И уж тем более осознавать, что этот отдых может затянуться на всю оставшуюся жизнь, мне совершенно не хочется.

А еще масла в огонь моего недовольства подливает Элка. Причем щедро так подливает! За все дни, в течение которых мы исследовали остров, подруга аккуратно и ненавязчиво исследовала Грея. То ей расскажи про какой-то там неизвестный цветочек, то достань фрукт, который висит слишком высоко, то понеси на руках, потому что она подвернула лодыжку, то ей страшно, то еще что-нибудь в этом духе. А сейчас, по окончании поисков, ее интерес не только не угас, но и распалился.

В общем, Грею теперь достается по полной программе, причем от нас обеих. Если подруга изводит его своим вниманием, то я, вопреки здравым советам домового и кошки, исключительно невниманием.

А что? Хорош гусь! Отказать он, видите ли, не может из-за врожденной вежливости. Принцип у него такой – женщин не обижать. А если эта женщина скоро на голову влезет только потому, что неверно трактует эти самые принципы? Или же вообще не подозревает о наличии таковых? Что тогда?

И с Элкой мне придется серьезно поговорить. Все же Грей не за ней явился в этот мир. Но с другой стороны, кто я такая, чтобы мешать подруге завоевывать понравившегося мужчину? Может быть, теперь, когда он лучше узнал наш мир и увидел других девчонок, в частности, Элку, я действительно отошла на второй план?

Говорят, горе от ума. Верно говорят. Потому что после пришедших в голову мыслей мне стало невыносимо тоскливо. Элка, конечно, подруга, но уступать ей Грея мне совсем не

хочется. А выражение «в любви как на войне» в данном случае не подходит моей совести.

– Пойду прогуляюсь. – Я встала с песка, отряхнулась и направилась вдоль берега.

– А я искупаюсь, – Элка скинула блузку и пошла к воде.

Я проводила ее задумчивым взглядом. Солнце и нынешний образ жизни определенно пошли нам обеим на пользу. Обе загорели и потеряли даже намек на подкожный жир. В общем, Грею в нашей компании можно было только посочувствовать. Нам, кстати, тоже.

Увидев в первый раз его без рубашки, мы с Элкой дружно лишились дара речи. Не тело, а сплошные мускулы, причем явно не тронутые всякими там стероидами. Я же с горечью осознала, что уже видела это великолепное тело и, более того, даже ощущала его под руками. Во сне. Если же верить всем рассказам домового, да и самого Грея, то это был вовсе и не сон, а воспоминания. Воспоминания того, что было между нами наяву. Я и он, он и я... Ну разве можно забыть такое?!

Расстроившись еще больше, я свернула с берега и углубилась в лес. Из глаз брызнули непрошенные слезы. Мало мне проблем с воспоминаниями! Так теперь к этому добавились разочарования из-за неудачного поиска магического источника. И на острове нас трое! Точнее, пятеро, конечно, но соперница у меня всего одна, и этого более чем достаточно. Вот как сказать Грею, что я хоть и не помню связанного с ним прошлого, но меня к нему влечет и без всяких воспоминаний? Что все это равнодушие напускное и мне самой оно уже порядком надоело.

Земля неожиданно ушла из-под ног, и я с коротким вскриком полетела вниз и погрузилась в воду.

Ноги больно ударились о дно, несмотря на кроссовки, а потом я плюхнулась на пятую точку, хлебнув воды. Забарахталась, встала. Воды оказалось по грудь, а вокруг возвышалась земля. Наверху, метрах в трех от меня, узкой полоской просвечивало небо. Я честно не собиралась паниковать и хотела попробовать выбраться самостоятельно, но тут мою ногу обвил что-то скользкое – и тишину вспугнул отчаянный крик.

ГЛАВА 6

– И как же тебя угораздило? – В просвете показался домовый. – Хорошо, что я догадался пойти за тобой! Ну, если кричишь, значит, жива.

– Боюсь, это ненадолго, – отозвалась я, ощущая на ноге постороннюю тяжесть. Вот гадай теперь, что там такое, но, судя по ощущениям, оно точно живое. Да и к тому же шевелится!

– Ты разбилась? – озадачился пушистик

– Нет, но по мне что-то ползает!

– Почешись и терпи, а я за помощью! – Мохнатый шар исчез, в расщелину снова заглянуло голубое небо.

Я тоскливо вздохнула, чувствуя, как тело пробирает мелкая дрожь. Легко ему советовать... Вода здесь была ледяной, потому что солнце ее не согревало. Если в скором времени не выберусь на поверхность, то подхвачу воспаление легких – неприятность номер раз.

Впрочем, судя по всему, выберусь я очень и очень нескоро. А значит, замерзну до смерти – неприятность номер два.

Или же та штука, которая обосновалась на моей ноге и, судя по всему, продолжает медленно передвигаться вверх, в скором времени меня укусит. Укус, по всем законам жанра, окажется ядовитым, и... я все равно умру – неприятность номер три.

В общем, я лишний раз на собственном опыте убеждаюсь в том, что быть Робинзоном хорошо только в кино.

– Дарья?!

Грей! Я вздрогнула и посмотрела вверх. Да, в просвет на меня смотрел тот, кого я

больше всего в данный момент хотела видеть.

– Грей, миленький, вытащи меня отсюда! Пожалуйста!

И вот так всегда! Поначалу мы мужчин не замечаем, а как только что-то случится, и слова ласковые вспоминаем, и вежливость проявляем. Ну вот чем я сейчас лучше Элки?

– Ты не ранена? Болит где-нибудь? – До меня доносился только голос. Сам Грей от расщелины отошел. Скорее всего, занимался поисками чего-нибудь подходящего для моего спасения.

– Жить буду! – пообещала я, решив не пугать Грея осложнениями в виде чего-то постороннего на моем теле. Земля приглушала звуки, поэтому кричать приходилось в полный голос.

– Отлично! Вот, держи! – В просвете показалась всклокоченная голова, и Грей осторожно спустил ко мне длинную ветку.

Я честно подпрыгнула, но не дотянулась. Во-первых, без должной сноровки в воде особо не попрыгаешь, а во-вторых, ветка была слишком высоко.

Подскочив еще пару раз, я завопила:

– Не получается! Нужно еще длинней!

– Подожди! – Грей вытащил ветку и скрылся.

Тем временем потревоженное моей активностью неизвестное и скользкое нечто быстро поползло вверх и прочно обосновалось на моей талии. Я заплясала на месте, едва сдерживая визг, и уставилась на воду, бестолково размахивая руками над головой. В расщелине со светом была большая проблема, поэтому сквозь воду ничего не было видно, а трогать *это* руками я боялась.

– Лови! – Ко мне вновь приближалась ветка. Судя по пышной зелени, Грей решил не мелочиться и вырвал из земли небольшое дерево.

Ну, теперь я точно дотянусь!

Подпрыгнула, ветки больно впились в ладони. Не страшно, главное, что спасена!

Вода с громким всплеском выпустила меня из своего плена, тяжесть на поясе потянула вниз, ладони словно обожгло током. Но я забыла обо всем и молилась лишь о том, чтобы у Грея хватило сил на мою замерзшую тушку. Чтобы он не выпустил ствол из рук в самый последний момент, устав от напряжения. Погружаться второй раз в ледяную воду мне категорически не хотелось.

К счастью, у Грея хватило сил не только на то, чтобы вытащить меня из расщелины, но и на то, чтобы подбежать, заключить в объятия и крепко прижать к себе.

– Милая моя, – зашептал он, легонько целуя в висок, – я так испугался!

– Грей... – Я хоть и тряслась в лихорадке, но все же нашла в себе силы отодвинуться. – Тебе бы лучше меня сейчас не трогать.

– Да, извини, забыл. – Он отвел глаза и опустил руки. – Я же для тебя чужой.

– Нет, дело не в этом. Просто кажется... на мне водяная змея!

– Это водоросли. – Его руки быстро пробежались по телу, без видимых усилий разрывая белую массу, похожую на спутанные пряди длинных волос.

– Значит, я в безопасности? – Страх прошел, я нашла в себе силы улыбнуться.

– Теперь да. – Грей посмотрел серьезно, – Но если бы я пришел позже, водоросли опутали тебя с головы до ног и ты бы утонула.

Страх запоздалой волной прошелся вдоль позвоночника. Я снова задрожала.

Грей притянул меня к себе и взял мои ладони в руки. Я отстраненно рассматривала кровь, бегущую из многочисленных порезов, даже не чувствуя боли. Дрожь тоже куда-то пропала. Все мое внимание было сейчас сосредоточено на Грее: я видела неподдельную тревогу в глазах, чувствовала тепло его тела, легкие прикосновения рук. Откуда-то изнутри поднялась горячая волна, согревая мое замерзшее тело и отодвигая тревогу на второй план. Я прижалась к нему, уткнулась в пахнущие морем волосы, провела ладонями по загорелым плечам и тихо попросила: – Обними меня!

Он медлил всего мгновение, а потом выполнил мою просьбу: заключил в крепкие

объятия. С этого момента мир вокруг меня замер. Я забыла о том, что совсем недавно была близка к гибели, о том, что мы находимся на острове, с которого не выбраться, забыла боль и страх. В объятиях Грея было тепло и уютно, спокойно и сладко. Хотелось, чтобы время остановилось, чтобы остались только я и он, мы одни и... наша любовь. Нет, я, к сожалению, не вспомнила ничего из прошлого, но любила этого мужчину сейчас, в настоящем. Просто любила. Без памяти.

В голове зашумел опьяняющий хмель. Я отодвинулась и посмотрела на Грея. Наши взгляды встретились. От того, что я прочла в глубине его глаз, сердце в груди подпрыгнуло и понеслось вскачь бешеным зайцем. Я потянулась к его губам. Время замерло...

– Держись, Дарья, помощь близко! – завопил звонкий голос.

Мы отпрянули друг от друга, я с трудом сдержала вздох разочарования.

– Кажется, мы не вовремя, – мигом сориентировался домовый, подталкивая Элку обратно к деревьям. – Извиняйте, сейчас уходим!

Они быстро скрылись в густой листве, но я успела заметить мимолетный взгляд, который Элка бросила в нашу сторону. Ее глаза были опустошенными и потускневшими.

Да, понимаю, мне тоже больно. Но чувствам нельзя приказать. Тем более когда они взаимны.

– Похоже, мне предстоит сегодня серьезный разговор, – вздохнула я и вновь прижалась к Грею.

– Я сам поговорю. В конце концов, проблема во мне, а значит, и разговор тоже моя проблема.

– Нет, не думаю, – несколько удивленно отозвалась я, – Элка моя подруга, я знаю ее давно, и наша дружба проверена временем. Уверена, что все будет хорошо. Тем более что ты с самого начала не скрывал своей симпатии ко мне.

– Любви!

– Что?

– Не симпатии, а любви, – поправил Грей, – Я люблю тебя! Но когда-то потерял твою любовь как раз из-за того, что не сумел вовремя найти нужные слова. Не хочу, чтобы это повторилось вновь.

– Любопытно... – Я осеклась. Спросить прямо о случившемся язык не поворачивался, но узнать подробности очень хотелось.

К счастью, Грей продолжил:

– Когда мы познакомились, у меня была невеста, которая считала меня погибшим. И если бы не ты, я бы действительно погиб. Но ты вернула меня к жизни, а под давлением обстоятельств я не смог отменить свадьбу. Не смог найти нужных слов ни для тебя, ни для нее. Накануне свадьбы ты решила вернуться в свой мир, чтобы забыть меня, свои чувства ко мне и боль, которую я тебе причинил.

– Значит, ты женат? – тихо поинтересовалась я, чувствуя, как сердце сжимается и проваливается в пятки.

– Нет! Гертруда умна и проницательна, а потому и без слов догадалась о том, что творится в моем сердце. Мы расстались хорошими друзьями.

– Гертруда... – Я произнесла имя, пробуя его на вкус. В памяти ничего не всплыло, не шелохнулось. Вздохнула: – Нет, не помню!

– Вспомнишь! Ты обязательно все вспомнишь! – заверил меня Грей, – А я помогу.

– Да поцелуй ты ее уже наконец! – Из травы высунулась разноцветная голова с острыми ушками, – Как можно тратить время на разговоры, если вас специально оставили одних?

Мы дружно рассмеялись.

– И это называется «оставили одних»? – покачала я головой, провожая удивленным взглядом Марусю. – Забавно!

Шутки шутками, но переступить последнюю черту мне по-прежнему что-то мешало.

Поэтому я поднялась с травы и, улыбнувшись, предложила:

– Возвращаемся?

– Подожди, – Грей вскочил и принялся собирать ветки, – Нужно прикрыть расщелину, чтобы в нее больше никто не попал.

Я некоторое время постояла, раздумывая над тем, что мы прочесали весь остров, но почему-то не заметили эту расщелину. Возможно, точно так же не сумели заметить и магический источник. А значит, есть надежда, что еще не все потеряно. Потом в голову пришла другая идея. Оставив Грея заниматься расщелиной, я направилась в сторону пляжа. В конце концов, Элкая моя подруга.

ГЛАВА 7

Вечер медленно, но верно надвигался на остров. Воздух сгустился, в нем появилась прохладная свежесть. К солоноватому морскому запаху прибавился нежный аромат ночных цветов, которые спали весь день, а к вечеру раскрыли свои лепестки, наполняя воздух сладкими тягучими нотами. Замолчали птицы, повисла тишина, нарушаемая только шорохом моих шагов. Я вышла из-за деревьев и осмотрелась.

Элка сидела вдали, у самой воды, глядя на заходящее солнце. Песок заглушал шаги, делая их почти неслышными, но когда я подошла, подруга с готовностью обернулась:

– Извини, что помешала.

– Эль, это ты извини. – Я опустилась рядом на песок и замолчала. Готовых фраз в голове не было, а составлять новые на данную тему оказалось тяжелей, чем представлялось ранее.

– Даш, возьмешь меня с собой? – Элка вцепилась мне в локоть, глядя одновременно и восхищенным, и умоляющим взглядом: – Я тоже хочу увидеть другой мир и узнать то, что недоступно другим! Глядишь, у меня тоже откроются какие-нибудь способности!

– А тебе не страшно?

– А чего бояться? – беспечно отмахнулась подруга. – Ты же там была и вернулась. Так чем я хуже? К тому же человек он такая зараза, которая везде выживет.

– Видишь, сколько проблем из-за этих других миров? – Я вздохнула, – Начиная от головной боли, заканчивая этой непредвиденной робинзонадой!

– Но ведь Грей стоит всех этих проблем? – лукаво прищурилась подруга.

– Да, конечно! – Я посмотрела вдаль на заходящее солнце, наполовину скрывшееся за водным горизонтом. Наконец решилась: – А как же ты?

– А что я? Я не пропаду. – Элка усмехнулась. – Найду там себе какого-нибудь принца на белом коне! А можно и без коня. Наверное, в том мире иноземные девушки нарасхват?

– Не помню, – честно призналась я, – Но ты в любом случае будешь нарасхват. Потому что ты – лучшая! Просто Грею я первая попалась.

– И хорошо, что не я. Если в его мире все мужчины такие галантные, то я причинила бы ему много головной боли своей ветреностью. – Элка улыбнулась. – А вы красивая пара, и все у вас будет хорошо. Ты только быстрее все вспоминай!

– Зачем? – Я пожала плечами и честно призналась: – Мне уже и так неплохо.

– Как это зачем? – Элка удивленно раскрыла глаза, – А мне все рассказать?! В подробностях!

Грей вышел на берег. Девушки сидели у воды и смеялись, общаясь друг с другом. Он опять опоздал с разговором. Но в данном случае, похоже, последствия не столь разрушительны. Кажется, жизнь налаживается!

Говорят, миром правит равновесие, а потому не бывает много всего и сразу. Нас сия мудрость тоже не миновала. Несмотря на то что в личных отношениях наметилось потепление, неудачи посыпались как из рога изобилия.

Грей, изначально добывавший рыбу при помощи остро отточенной палки, впоследствии соорудил некое подобие удочки, используя в качестве лески напугавшие меня водоросли. При высыхании эти «волосы» становились настолько прочными, что их приходилось резать ножом. Разумеется, для подобной рыбалки понадобилась лодка. Раньше мы ею тоже пользовались, но в основном для развлечения. Теперь же Грей часами пропадал вдалеке от острова, но возвращался всегда с хорошим уловом. Рыбу запекали, сушили. За все время, проведенное на острове, лично я успела наесться рыбы на всю жизнь вперед. Думала, если выберемся, навсегда вычеркну ее из рациона как особо надоевший продукт.

Как назло, словно в ответ на мои мысли, однажды вечером Грей вернулся на берег вплавь, волоча за собой сдувшуюся лодку. С тоской оглядев рваную дыру в боку и просидев полдня за штопкой брезента все теми же водорослями, я признала идею починки провальной. В проделанные острой палочкой дырки проходил воздух, и лодка держалась на плаву от силы пять минут.

Погоревав пару дней, Грей вновь взялся за палку и принялся ловить рыбу первобытным способом. На наших же с Элкой плечах лежала серьезная ответственность за сбор фруктов и ягод. Это было сложнее, чем ловить рыбу, потому что главной и первостепенной проблемой на острове являлась вода.

Дело в том, что пресной воды не существовало и в помине. Даже в расщелине, куда я имела сомнительное удовольствие провалиться, вода плескалась жутко соленая. Приходилось добывать питье из ягод.

Проблема заключалась в том, что для того, чтобы получить хотя бы по стакану сока в день для каждого, ягод требовалось не просто много, а *очень* много. И с каждым днем этих ягод становилось все меньше, а на их поиски приходилось тратить все больше времени.

Стаканов, как и прочей посуды, у нас, разумеется, тоже не было. В ход шли листья, палочки и выщербленные оболочки фруктов. Сок из ягод приходилось давить руками, предварительно отряхнув их от песка.

Песок тоже создавал большие проблемы. Когда поднимался ветер, который по силе мог поспорить с ураганом, заметало даже пещеру, хотя скала располагалась довольно далеко от берега, а вездесущие крупинки засоряли глаза и набивались в рот.

Домовой говорил в такие моменты, что «кто-то колдует черное зло». Получается, этот остров был еще и своеобразным сенсором, остро реагирующим на любой магический всплеск. Судя по тому, что ураган поднимался часто, «черное зло» пользовалось в народе небывалым спросом. Знать бы еще, что за народ такой...

Впрочем, с народом на острове тоже было весело. Однажды меня до смерти напугал какой-то незнакомый мужик. Он выскочил из кустов, громко заывая что-то нечленораздельное и тряся руками над головой. В сочетании с длинным черным балахоном, капюшоном, наполовину скрывавшим лицо, и длинной бородой мужик смотрелся кошмарно и навевал мысли о временах фанатичных инквизиторов.

Я шарахнулась в сторону, потеряв от испуга голос, и рассыпала ягоды. Ошалело воя, мужик промчался мимо, а потом буквально растворился в воздухе.

Я некоторое время честно ломала голову над странной встречей, а потом решила все списать на галлюцинации от жары. Но когда опустилась на колени, чтобы собрать рассыпанные ягоды, сдавленно выматерилась. Мужик оказался вполне материальным для того, чтобы растоптать весь мой бережно собранный запас.

В следующий раз, под вечер, из морских вод к нам на берег вышла прекрасная дева в совершенно сухих одеждах. Светлые волосы развевались на легком ветру, длинные полы и без того прозрачных одежд распахивались при каждом шаге, являя напоказ настолько идеальное тело незнакомки, что мы с Элкой оторопели, буквально пожирая девушку глазами.

Не обращая на нас ровным счетом никакого внимания, красавица подошла к Грею и по-хозяйски положила руки ему на плечи. Скорее всего, продолжением должен был стать страстный поцелуй, но тут вмешался счастливый случай в мохнатом облике нашего

домового.

– Пошла прочь! – завопил пушистик, швыряя в красавицу принесенные ветки. – Сгинь, нечистая!

«Нечистая» отвлеклась от Грея, увернулась от ветки и зашипела, показывая ряд игольчато-острых зубов. Тут очнулись мы с Элкой, и в ход пошли камни. Странная девица отступила и бросилась в воду, но в воздухе еще долго слышалось ее недовольное шипение.

– Мавка! – успокоившись, объяснил домовый. – Видать, кто-то решил отомстить бывшему жениху, да с заклинанием напутал.

– И что с ней теперь будет? – спросила я, невольно поеживаясь, вспоминая демонстрацию игольчатых зубов красавицы.

– С мавкой-то? Да ничего! Обратно вернется. А вот тому, кто ее на дело отправлял, я и впрямь не позавидую.

– А что она хотела, мавка эта? – Элка задумчиво посмотрела на водную гладь, покрытую мелкой рябью, – И зачем она к Грею полезла?

– Душу она выпивает через поцелуй, – пояснил домовый, – А вот ежели кто магией владеет, тот подобную нечисть за версту чувствует. И обмануть такого человека никакой красивой личиной нельзя.

– Получается, способностей к магии во мне нет ни капли. – Я опустила голову, ковыряя кроссовкой песок. – Я же мавку не разглядела.

– Да есть в тебе магия, – отмахнулся домовый. – Ее просто разбудить нужно!

– Нет! – упрямо отозвалась я. – Ты же вон мавку моментально увидел. А все потому, что в тебе есть эти способности!

– Я ее увидел, потому что не только магией владею, но и потому что домовый. Я же сам, если хочешь, нечисть, только добрая, домашняя. А мавка – злая и приносит зло другим. Особенно когда ее попросят.

– И откуда только что берется! – Я мрачно вздохнула. – Прямо не остров, а заколдованный круг какой-то. Бермудский треугольник, блин! Только круглый.

– Обычная временная дыра с нарушенным равновесием. Энергобалансом, если иначе, – развел руками пушистик. – И радуйся, что здесь относительно пригодные условия для жизни. Погода, например. В другом случае все могло бы быть куда хуже.

– Куда же хуже? – Я в отчаянии заломила руки, – И так проблем дальше некуда! Живем непонятно как, едим черт знает что, еще и личности странные по острову шляются! Того гляди, с собой прихватят или прибьют в припадке фанатизма. А мы, бедные, несчастные, даже сделать ничего не можем против них! Куда деваться? Что делать?!

– Что делать? – Домовый лукаво подмигнул. – Восстановить равновесие этой временной дыры, чтобы она перестала быть дырой, только и всего.

– Но как?!

– Найти магический источник и разбудить его!

Удачно подвернувшийся под руку камень полетел в домового. Разумеется, тот успел отскочить.

Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, стала пещера. В один из дней случилось то, что рано или поздно должно было случиться.

На наше убежище набрел хищник. Разумеется, плетеная сетка не стала для него серьезным препятствием, и в итоге от устроенного нами подобия уюта остались одни воспоминания. Заботливо прикопанная про запас рыба валялась ошметками по полу вперемешку с кровью, ягоды были передавлены, папоротник изодран, жерди загон для птиц сломаны.

О самой живности и говорить нечего. От кур осталось лишь несколько перьев, а ежика пришлось закопать. В итоге с нами остался только кролик, которого Элка по счастливой случайности взяла с собой в качестве игрушки. На память о себе хищник оставил на песке отпечаток мощной лапы.

Меняхватило на то, чтобы навести порядок в пещере и относительно спокойно дождаться, пока Грей разведет костер, а потом я ударилась в истерику. Тискала в руках Марусю и поливала ее шерстку горячими слезами.

– Ни шагу от меня! Поняла? – надрывно рыдала я. – Не смей из пещеры и носа не высовывать!

– Тебе не кажется, что пещера – слабое убежище, если в ней нет огня? – благоразумно возражала кошка, впрочем не делая попыток выбраться из моих рук. – К тому же я бегая быстро. А ты лучше себя побереги. И о других подумай!

О других... Я зарыдала еще громче. Что делать, если страшно? Что делать, если некуда деваться? Почему мы допустили, чтобы случилось то, что случилось? И где гарантия того, что хищник не вернется? А может, этих хищников несколько? Неужели мы обречены на гибель?

– Мы должны найти этот проклятый источник! – Я саданула кулаком по камням. – Мы обязаны его найти, чтобы выжить!

– Я завтра отправлюсь на поиски зверя, – неожиданно отозвался Грей, до этого момента молча слушавший мои крики. – Я его убью.

Я сунула Марусю Элке и подлетела к Грею. Схватила за плечи побелевшими пальцами.

– С ума сошел?! Эта зверюга убьет тебя и даже не заметит! Не смей рисковать своей жизнью! Иначе я сойду с ума!

Уткнувшись ему в плечо, я разрыдалась. Осознание суровой реальности наступило только сейчас и оказалось гораздо тяжелей, чем я предполагала вначале. Остров и раньше не являлся для меня красивой сказкой, но теперь и вовсе приобрел зловещие черты. Черты большой пятнистой кошки, которая в данный момент стояла неподалеку от пещеры и смотрела мне прямо в глаза.

Я взвизгнула, выхватила из костра горящую палку и швырнула ее в направлении зверя. Послышался короткий рык, и все исчезло.

Я посмотрела на Грея:

– Здесь у нас нет будущего!

Спорить никто не решился...

ГЛАВА 8

Равновесие...

Я задумчиво ковыряла рыбу, уставившись отрешенным взглядом в землю. Есть совершенно не хотелось.

Нужно восстановить равновесие острова! Восстановить равновесие...

Рыба шлепнулась на песок.

О каком равновесии острова может идти речь, если после всего случившегося невозможно толком восстановить даже свое собственное душевное равновесие! Тем более что наглая пятнистая тварь постоянно кружит вокруг пещеры, надеясь снова поживиться чем-нибудь вкусненьким. Причем зверь довольно пунктуален – появляется на рассвете и уходит в полдень, а потом караулит пещеру с вечера до полуночи.

В связи с этими малоприятными событиями нам пришлось кардинально поменять свой образ жизни. Теперь в пещере постоянно кто-то остается для поддержания огня, а остальные уходят до наступления рассвета и возвращаются только после полудня. За это время нужно успеть как можно больше: запастись едой, питьем и дровами, чтобы хватило до следующего рассвета.

Как известно, минус на минус дает плюс. Никогда не верила подобному утверждению, но в данный момент букет минусов действительно сложился в плюс. В то время, когда хищник караулил пещеру, по остальной территории острова можно было передвигаться вполне безопасно. К счастью, зверюга водилась в этих местах в гордом одиночестве.

Это был огромный, излишне уверенный в себе леопард. Нужно было видеть, с каким

достоинством и неспешной грацией он передвигался, как величественно держал голову, как подолгу смотрел, не мигая и не таясь, прямо в глаза.

Если бы этот гад не сожрал нашу живность, я бы смогла им искренне восхищаться, потому что люблю всех кошек без разбору, как маленьких, так и больших. А после такого варварства – увольте! Тем более что эта зверюга угрожает лично мне и моим близким. В общем, восхищаться леопардами лучше всего в зоопарке. Безопасней, знаете ли.

Чего мы только не придумывали для того, чтобы отвести его от пещеры. Притащили вместо папоротника жутко пахнущее растение, настелили на полу. В итоге сами едва не задохнулись от едкого амбре, а хищник и ухом не повел. Запах стойко держался неделю, даже после того, как растение не просто выкинули, но и закопали, чтобы оно не портило воздух. Потом решили пожертвовать запасами и поделились рыбой, оставляя приличную порцию возле кустов, которые зверь облюбовал в качестве наблюдательного пункта.

Несколько раз леопард благосклонно принимал угощение. Но когда, решив, что достаточно усыпили его бдительность, мы запихнули в рыбу ядовитую траву, зверь долго и возмущенно рычал на нас из кустов, а потом мы обнаружили на месте его трапезы одиноко лежащие стебли травы. Рыбу пятнистый поганец съел подчистую, а отраву выплюнул. В тот же вечер зверь остервенело танцевал у костра, пытаясь достать противных людишек из-за огненной завесы.

Наученные горьким опытом, мы разводили не просто костер, а громоздили целую баррикаду, превращавшуюся в настоящую стену пламени. Разумеется, спать было душно и жарко, но зато относительно безопасно.

Поняв, что извести зверушку не получится, следующей идеей была противоположная – приручить. Автором идеи была я, остальные отнеслись к ней скептически, но возражать не стали. Сложнее всех пришлось Грею, потому что основной груз забот ложился на его плечи. Добывать рыбу приходилось ему, а теперь расход рыбы возрос едва ли не вдвое.

Для начала мы дней десять исправно кормили хищника, а потом послали «на переговоры» домового. Тот уверял, что в силу своей специфичной личности может найти общий язык с любым представителем фауны. Поверили, отпустили.

Домовой вернулся быстро и ругался долго. Расчет не оправдался – леопарду оказались абсолютно до фонаря все рассуждения и увещевания пушистика. Он был невежественен в подобных делах и проявил к парламентарю исключительно гастрономический интерес. Домового успокоили, а зверя решили кормить и дальше.

Наконец все пришло к тому, что ситуация мало-помалу стала сглаживаться. Человек – он ведь такое существо, которое привыкает ко всему, и даже к тому, к чему привыкнуть в принципе нельзя. Самый большой страх держится в сердце максимум неделю-две, а потом неизбежно ослабевает. Успокоились и мы. Успешно освоились с новым распорядком жизни, поддерживали огонь, привыкли к леопарду. Теперь он стал нам казаться неотъемлемой частью пейзажа. Разумеется, самой опасной частью.

В качестве раздражителя на острове были еще и пауки размером с кулак, из-за которых я срывалась на оглушительный визг в любое время дня и ночи, действуя на нервы всем, даже леопарду.

Иногда во сне в волосы заползали жуки и играли на голове в парикмахерскую. Поскольку жуки были крупными, то эта самая «парикмахерская» ощущалась моментально. И снова я отчаянно визжала, причем наперебой с Элкой, и в панике лупила несчастное насекомое, одуревшее от воспроизводимых нашими голосами децибел, камнем. К счастью, к тому времени, когда я хватала камень, насекомое оказывалось уже на полу. Но в запале мне бы ничего не стоило шархнуть камнем и по себе, любимой.

Муравьи, к счастью, не вызывали в нас желания поднимать крик, но кусались нещадно. В ответ мы их давили, а потом раздраженно почесывались.

В общем, жизнь вновь была полна ярких впечатлений. А еще на остров пришли дожди...

Явление капель с неба было настолько неожиданным, что мы поначалу обрадовались, словно дети, и, позабыв о безопасности, устроили под проливным ливнем пляски индейцев племени тумба-юмба. Моментально вымокли до нитки и быстро протрезвели. Вспомнили о хлебе насущном, точнее, о питье, и кинулись собирать воду в пробитую лодку, из которой соорудили подобие корыта. Вышло удачно. Пусть и без комфорта, но вымыться в пресной воде мы теперь могли себе позволить. Потому что море – это, конечно, хорошо, но соль на коже круглосуточно – это плохо. Питьевую воду решили собрать в выскобленные и высушенные оболочки фруктов. Просто выставили первобытную «посуду» под дождь. Потом вернулись в пещеру и только там осознали масштаб катастрофы.

Тропический дождь, начавшийся сразу с сильного ливня, затушил костер и подтопил наше убежище. Из-за постоянного огня мы больше не плели заслон для входа, а вездесущие капли, тяжелые и хлесткие, летевшие под углом, щедро оросили подстилку на полу и часть запасов хвороста. Леопард, конечно, сбежал еще в начале ливня, но ситуация все равно была критической. Костер необходимо было закрыть от дождя, но никто из нас не представлял, как именно это можно было сделать.

Дождь скоро закончился, ветки заменили новыми, снова развели огонь. Но проблема повисла в воздухе, являясь первостепенной. Нужно было срочно ее решать. Соорудить навес на отвесной скале было невозможно, поэтому после долгих размышлений мы расчистили место для второго костра внутри пещеры. Решили при хорошей погоде разводить огонь перед входом, а во время дождя – в глубине. Такое решение, конечно, отнимало часть свободного пространства, но в целом являлось оптимальным, потому что рассчитывать на то, что леопард боится дождя, лично мне показалось легкомысленной идеей. Ведь кто знает, что может прийти в голову этому зверю. Сегодня он боится дождя, а завтра поймет, что как раз во время дождя столь желанная для него добыча, то есть мы, вполне доступна. И вряд ли хищник остановится перед такой помехой, как падающая с неба вода.

С другой стороны, дождь стал для нас сродни манне небесной. Пусть не столь щедро, но теперь мы могли утолять жажду нормальной пресной водой. И неважно, что она была теплая, главное, что свежая и без привкуса вездесущей морской соли.

Другим вопросом, волновавшим меня не меньше всех остальных, был такой: а с какого это перепуга так резко изменилась погода? Очередные происки чернокнижников и прочих любителей темного колдовства? Или какой-нибудь неведомый мир сходит с ума от очередной масштабной катастрофы?

– Вполне возможно, что это только цветочки, – «успокоил» меня на эту тему домовый. – Того и гляди, вслед за дождями снег пойдет. Представляешь, что тогда случится?

– Мы вымерем, как динозавры, – сообщила я, – Но почему все так мрачно и нестабильно?

– Мир вообще не терпит нестабильности, – пустился в рассуждения пушистик. – В нем все должно быть размеренно и должно соответствовать заданному ритму. Если же что-то выбивается из общей картины, то оно подлежит либо излечению, либо уничтожению. Именно поэтому мы не смогли переместиться в наш мир без твоего согласия, поскольку оно влияло на стабильность, на равновесие между мирами. Энергия – очень тонкая штука и требует бережного к себе отношения. А временная дыра вообще выглядит сломанным механизмом, который нельзя починить. А раз что-то починить нельзя, то его можно только уничтожить. Именно это сейчас и происходит!

– Ты хочешь сказать, что этот остров будет уничтожен?! – Я подпрыгнула, чувствуя, как закипают от ужаса мозги.

– Ну да! Но ты не волнуйся, процесс этот долгий, на пару десятков лет растянется. За это время мы обязательно отыщем источник. Вот только погода будет и дальше портиться.

Я глухо застонала. Десятки лет, подумать только!

– Страшно? – Пушистик внимательно посмотрел на меня желтыми, словно два ярких солнышка, глазищами. – А между прочим, любой мир, который выбивается из общего равновесия, ждет точно такая же участь. Сначала Вселенная его лечит, а потом медленно, но

верно уничтожает. Только процесс затягивается не на десятки, а на сотни лет. Так что наша с тобой временная дыра – это просто еще один мир в миниатюре. И проблемы у него точно такие же.

– Но если мы найдем источник магии, уничтожение остановится?

– Ну да, я не раз об этом говорил.

– А как же быть остальным мирам? Тем, у кого в запасе остались сотни лет?

– У них достаточно времени, чтобы найти свой магический источник. Проблема только в том, что искать этот источник нужно не в земле, а внутри каждого из живущих. А до этого мало кто способен додуматься.

Я потрясенно молчала. Вот так всегда – осознание проблемы приходит лишь в самый последний момент, когда времени почти не осталось и когда угроза становится неизбежной реальностью. В другое же время никто из нас знать ничего не хочет и ни на что не обращает внимания. Не видит, не слышит и не замечает.

Всеми виной обычная лень? Увы, лишь отчасти. Гораздо больше проблем приносит неистребимая надежда на авось. Авось не коснется, авось обойдет стороной. Но подобный образ мыслей никому и никогда еще не помог.

ГЛАВА 9

Несмотря на угрожающий прогноз, наша жизнь на острове продолжалась. Да и как ей не продолжаться, если будущее напрямую зависело от наших же действий. Даже леопард отошел на второй план в качестве потенциальной опасности. Тем более что хищник всерьез не любил дождь, причем настолько, что предпочитал не появляться к нам на глаза целыми сутками. Ливни, кстати, тоже могли продолжаться целыми сутками, заставляя нас сидеть безвылазно в пещере. Тропический дождь не сравнить ни с чем. Он начинается внезапно, льет щедро, шумит сильно и всерьез похож на стихийное бедствие. Ветер гнет деревья, заставляет клониться к земле папоротники, безжалостно хлещет листву. Частые капли дробно стучат по земле, превращая ее в месиво. Под таким дождем моментально вымокаешь до нитки. Но в нашем случае это отличный способ вымыть голову, искупаться и заодно выстирать одежду прямо на себе, тем более что состоит она из одного белья и замызганных блузок.

Наши с Элкой пиджаки, мои штаны и ее юбка давно почили смертью храбрых в борьбе с многочисленными ссадинами и ранами, полученными нами во время островной жизни, а также в связи с постройкой загона для кур. Не желая ломать головы над сложными задачами, мы связывали самой непригодной для жары тканью жерди для загона.

А вот джинсы Грея мы с Элкой берегли как зеницу ока, прекрасно понимая, что вида этого красавца в нижнем белье не вынесет ни одна из нас. Мне, конечно, ввиду определенных обстоятельств было вполне позволено потерять контроль. Но из-за солидарности с подругой я стойко держалась и не приходила на берег в те моменты, когда Грей ловил рыбу, оставив главную деталь своей одежды на берегу. Джинсы, конечно же! Тем более что обычно мне хватало своих забот и времени на романтику не было.

Вот и сейчас я сидела в пещере, разбирая ягоды, которые принесли Элка с домовым. Грей ушел еще утром на рыбалку. Мне же было поручено следить за костром. Днем из-за жары мы не поддерживали высокое пламя, поэтому ветки приходилось подкладывать реже обычного.

Компанию в этом ответственном деле мне составляла Маруся. Растянувшись кверху животом на солнышке, заливающим половину пещеры, она следила за танцем огненных языков. Жар от костра ничуть не отбил у нее любовь к солнечным ваннам. Киска блаженствовала, я лениво перебирала ягоды, витая мыслями в прошлом, которое казалось таким далеким и нереальным. Неужели все это было со мной? Вокруг стояла тишина, и ничто не предвещало беды.

– Маруся, ягодку хочешь? – Я протянула на ладони крупную красную ягоду

неизвестного вида, но эмпирическим методом занесенную в разряд съедобных.

– Ну... если только поиграть. – Киска задумчиво посмотрела на ладонь. – А так я не козел, траву не ем.

– Но это же ягода, не трава.

– Это растение, – назидательно сказала кошка. – Трава – тоже растение. Значит, и ягоды трава. А я не козел, траву не ем.

– Ну, я тоже не козел и даже не коза, но траву ем и тебе советую, – Я несколько опешила от Марусиной логики, но быстро взяла себя в руки: – Слушай, не морочь мне голову! Кошки едят траву!

– Едят, конечно. Но ты настолько ушла в себя, что грех было над тобой не пошутить, – Озорница перевернулась на бок и уставилась на меня абсолютно невинным взглядом, – О ком думаешь? О Грее?

– Не совсем... – Я вздохнула. – Вспоминаю прошлое. Нашу квартиру...

– Да ну! – Кошка оборвала меня на полуслове и отмахнулась лапой: – Тебе что, вспоминать больше нечего? Или ты по-прежнему размышляешь о своей любви к нему? По-прежнему в ней не уверена?

– Нет, не размышляю. Но сблизиться окончательно мне все равно что-то мешает.

– Ну и глупо! Так до старости раздумывать будешь, а потом за голову схватишься, что время прошло! – безапелляционно припечатала Маруська.

Я улыбнулась, но тут же поморщилась. Порыв ветра взлохматил языки пламени, пахло нестерпимым жаром. В сочетании с солнечной погодой наличие костра было сущим издевательством, но другого выхода попросту не было.

Внезапно Маруся и думать забыла о своей ленивой позе. Вскочила и настороженно принялась.

– Что случилось? Искра попала? – Я взглянула на кошку, озадаченно посмотрела по сторонам. Никого и ничего подозрительного не обнаружила. – Марусь, что такое?

– Нет, все нормально. – Кошка вновь расслабилась и легла, – Просто ветер принес запах нашего хищного друга. Может быть, он рядом, а может быть, мне уже просто мерещится. Прогуляюсь, проверю.

– Не надо! Даже если он рядом, ничего страшного не случится. Костер горит, дождей не предвидится. Остальные вернутся не скоро, а мы в безопасности. – Я вновь склонилась над ягодами.

Человек привыкает ко всему, даже к опасности. Звери тоже привыкают. А порой вожделение добычи становится сильнее страха перед любой опасностью. Если долго дразнить кошку, она обязательно вцепится в руку. Если же дразнить хищника, в конце концов он забудет свой страх.

Я сначала даже не поняла, что именно произошло, лишь краем глаза заметила, как гибкая тень длинным прыжком перемахнула через огонь. Рядом яростно зашипела Маруся.

Я подняла глаза и встретила с хищным взглядом дикой кошки. Страх сковал сердце, заставив меня замереть неподвижно. Мир сузился до размеров двух желтых мерцающих огней с вертикальным зрачком посередине.

В них я увидела торжество и свою скорую, неизбежную смерть.

«Хорошо, что другие далеко! – пришла в голову отстраненная мысль. – Не увидят этого кошмара и, главное, не станут его участниками».

Зверь обнажил клыки, сдавленно зарычал и плавными, текучими движениями пошел на беззащитную добычу.

Инстинкт самосохранения сработал независимо от меня: не отрывая глаз от леопарда, я принялась медленно отползать назад до тех пор, пока спина не уперлась в преграду. Понимая, что двигаться дальше некуда, я хотела закричать, но из перехваченного спазмом горла вырвался только придушенный хрип.

Сбоку что-то коротко взвыло бешеным мявом, и в морду хищнику вцепилась пестрая тряпка. Оглушительно взревев, тот отбросил ее ударом мощной лапы.

«Маруся!» – истерично всколыхнулось сердце, а жгучая ярость застлала разум кроваво-красной пеленой.

Неожиданный прилив сил подбросил меня вверх, заставив вскочить на ноги. Тем временем леопард прыгнул. Отшатнувшись, я ударилась о стену и закрыла глаза, не желая смотреть в оскаленную морду своей смерти. В голове словно взорвались тысячи огней, что-то загрохотало, послышался короткий взвизг и... все стихло. Густая, непроглядная темнота ласково приняла меня в свои объятия.

– Тише! Она приходит в себя, – зашептал кто-то в темноте.

Разум заинтересованно встрепетул, непроглядный мрак разлетелся клочьями, веки обожгло нестерпимым жаром. Я открыла глаза и тут же зажмурилась – солнце светило прямо в лицо.

– Жива! Наконец-то! – образованно загалдели знакомые голоса.

– Обязательно держать меня на самом солнцепеке? – недовольно поинтересовалась я, вновь открывая глаза и загораживаясь ладонью от вездесущего небесного светила. Память услужливо восстановила в голове хронику последних событий, заставив резко вскочить на ноги. – Маруся!

– В порядке я! – Живая и невредимая кошка потерлась о ноги, – А вот тебе так скакать после продолжительного обморока не советую.

Я облегченно выдохнула и только сейчас обратила внимание на то, что друзья стоят на некотором расстоянии и рассматривают меня излишне подозрительно, если не сказать настороженно. Сама же я вся мокрая, в стороне лежит туша мертвого леопарда, а в ушах не прекращается непонятный шум.

– Дождь? – сообразила я, оборачиваясь.

Нет, не дождь, но это действительно была вода. Прямые упругие струи спадали с высокой отвесной скалы, пенились и растворялись в небольшом озере. Но было и кое-что еще. Первородная чистая магия серебром переливалась в прозрачных потоках и раскинулась в небе высокой яркой радугой.

– Мы разбудили источник! – Это был не вопрос, скорее утверждение. Я посмотрела на друзей.

Отвечать никто не спешил. Элка молча улыбалась, вытирая мокрые от слез щеки, домовый с независимым видом пристально изучал небо, Грей...

Сердце вздрогнуло и забилось чаще. Водоворот, в который нас обоих окунула Судьба, оказался полон боли и испытаний, но мы сумели пройти все – для того, чтобы обрести друг друга. Но теперь я знаю, что испытания закончились. Проблема в том, что он этого еще не знает, а потому смотрит на меня одновременно и радостным, и тревожным взглядом. Значит, нужно ему рассказать...

– Интересно... – Я лукаво прищурилась, – И как же это Мирра отпустила тебя в такую даль, да еще и надолго?

Радость, вспыхнувшая в пронзительно-синих глазах, затмила солнце, а в следующее мгновение сильные руки оторвали меня от земли.

– Похоже, на этот раз мы переместимся туда, куда нужно! – подытожил домовый, переглянувшись с Элкой.

ГЛАВА 10

Так вот оно какое – равновесие!

Я сидела на песчаном берегу и смотрела на бескрайнее море. Бирюзовая вода мягко перекачивалась под легким ветром, ласково щекотала мои босые ступни. Рядом зашевелилась большая кошка, переворачиваясь на спину и подставляя солнцу пушистое пятнистое брюхо. Мокрый кожаный нос доверчиво ткнулся в мое бедро.

– Больше ничего нет. – Я показала леопарду пустые ладони, – Ты все съел. Придется

терпеть до ужина!

Зверь понятиво затих. Я рассмеялась и растянулась на песке, подставляя лицо ласковому солнцу.

Теперь, когда на острове проснулся магический источник и восстановилось нарушенное прежде равновесие, этому миру больше не угрожает опасность. Изменилось течение времени, изменился и сам мир. Сейчас это «правильный» остров, где растут банановые и кокосовые пальмы, на лианах полно обезьян, и нет ни малейшего намека на колючую малину и кучу потерянного хлама из разных миров и времен. Нет больше временной дыры. Есть чудесный кусочек рая, где можно отдыхать и наслаждаться жизнью.

Именно этим мы и занимаемся уже несколько дней. С пробуждением магии действительность стала намного проще: больше не нужно прятаться и бояться за свою жизнь и жизнь окружающих. Достаточно одного взгляда, чтобы тебя поняли и приняли. Незачем ломать голову над бытом, вполне достаточно произнести несколько нужных слов – и все необходимое появится. Теперь не обязательно укрываться за стеной костра, да и разводить его, собственно, негде. Пещеры больше нет.

Мощь разбуженного мной источника разрушила скалу почти наполовину. На этом месте появилось уютное целебное озеро. Стоит искупаться в нем – и... нет, ты не станешь магом, выйдя из воды, но болезни уйдут бесследно, а раны и царапины заживут. Правда, купаться придется за компанию с животными, которые устроили на озере водопой.

Всем этим переменам безмерно рад домовый. Он целыми сутками пропадает в джунглях: отбирает семена, плоды и побеги на рассаду, тащит какие-то веточки, росточки, корешки. Подозреваю, что его стараниями уютный домик Мироновны довольно быстро обрастет настоящими пальмами, а в огороде можно будет собирать ананасы.

А еще Тихон всерьез вознамерился забрать из этого мира пару мартышек. Я долго и обстоятельно втолковывала домовому, что он совершает большую ошибку, яркими красками описывая тот бардак, который способны устроить эти милые обезьянки... Но, увы, помогало мало. Сосредоточенного внимания пушистика хватало ровно до того момента, пока ему на голову не сваливалась очередная хвостатая проказница.

– Я принес бананов. – Ко мне подошел Грей, поставил на песок поднос с фруктами и присел рядом. Ласково чмокнул в макушку, – О чем думаешь?

– О жизни, – честно призналась я, – О нашем будущем.

– Не волнуйся, нас ждет счастливое будущее. Теперь я в этом окончательно уверен!

– Ну да, если только мы опять не застрянем в момент перемещения в каком-нибудь другом мире! – рассмеялась я.

– Все зависит от наших желаний, – улыбнулся Грей, – Вот скажи, ты хочешь вернуться в мой мир? *Внаш* мир?

Я прикрыла глаза. В памяти замелькали картинки.

Вот я впервые осматриваюсь в незнакомом доме: простой деревенский интерьер кажется таким необычным, в голове теснится куча вопросов. Любопытство расправляет крылья, задирает нос, но и одновременно ждет хорошего пинка под зад.

А это Тихон-домовой деловито курсирует по столовой, ловко управляясь с кувшинами, горшками и плошками, не забывая распекать меня на все лады за нечаянно разбитую посуду.

– Если руки – крюки, не лезь куда не просят. Иди на улицу и там твори свою волшбу. Одна морoka с тобой! И куда только Мироновна смотрела! – брюзжит пушистик.

Мироновна... За обликом доброй всепонимающей сказочной старушки на самом деле скрывается королева – стойкая, мудрая правительница своего народа и любящая мать. Ради счастья сыновей она готова пойти на все возможное и даже на невозможное.

Грей... Он пошел характером в свою мать, потому что хотел совершить невозможное ради меня, ради нашей любви. И сделал это. Благодаря его отваге теперь мы оба счастливы.

Я открыла глаза. Грей внимательно смотрел на меня, ожидая ответа. Я потянулась к нему, обняла, уткнулась в иссиня-черные кудри и прошептала:

– Да, *теперь* очень хочу!

– Не забудь корзинку! И соковыжималку тоже возьми!

Я оторвалась от рюкзака и с сомнением посмотрела на домового:

– Но зачем? В вашем мире ведь нет электричества!

– Пригодится, – пробубнил домовый, запихивая в здоровенный мешок очередную порцию каких-то веточек. – Лучше взять все, а потом выбросить ненужное, чем что-то забыть, а после понять, что вот именно оно и было тем самым, что, оказывается, очень даже нужно...

– Звучит сложно, – заметила я, стягивая шнурки рюкзака. – Вот, у меня все готово.

– Держи, понесешь самочку. – Тихон подскочил и сунул мне в руки неизвестно откуда взявшуюся мартышку, – Самца я уже отдал Грею.

Я вздохнула и посадила обезьянку на плечо. Теплые лапки трогательно обхватили шею. Представляю, что скажет королева, когда узнает, что мы превратили ее дом в небольшой зоопарк!

– А вот и мы! – Из джунглей к нам вышли Элка и Грей.

Действительно, с ними была вторая мартышка, только сидела она на плече у Элки, а Грей тащил мешок, доверху полный экзотических фруктов.

– И зачем нам все это изобилие? – удивилась я.

– На королевскую кухню! – улыбнулся Грей.

– Еще одно направление прогресса, – дошло до меня.

– Точно!

Домовой недовольно шикнул, призывая нас к молчанию, и что-то прошептал себе под нос. Все наши мешки пропали из виду.

– А... куда ты все дел? – Элка уставилась на домового ошарашенным взглядом.

– Как куда? Доставил точно по назначению, – фыркнул домовый, наслаждаясь произведенным эффектом. – Ну что, вы все готовы?

– А там правда так хорошо, как ты рассказывала? – Элка забыла о домовом и обернулась ко мне. В глазах плескалась неподдельная тревога.

– Не волнуйся, тебе понравится, – улыбнулась я.

– Приготовились! – скомандовал домовый, хватая на руки Марусю. – Держитесь!

Мир вокруг погрузился в уже привычную мглу, застыл на мгновение, а потом я услышала удивленный возглас подруги:

– Знаешь, а ты права! Мне здесь действительно понравится!

Открыв глаза, я увидела вокруг себя знакомую до боли обстановку: сундуки с драгоценными камнями и монетами, великолепные статуи, шкатулки с украшениями.

Следовало признать, что Мирра навела в сокровищнице идеальный порядок, но, учитывая наличие обезьян, которые просто обожают все блестящее и сверкающее, очень скоро здесь будет тот еще бардак.

– Ну, вот мы и дома! – шепнул Грей, обнимая меня за плечи. – Что ты чувствуешь?

– Равновесие! – честно ответила я и посмотрела на Элку. Подруга бродила по сокровищнице с ошарашенным видом и с неподдельным любопытством вертела головой по сторонам. – Знаешь, кажется, нас ждет увлекательное будущее!

Июнь 2010